

2021 №4

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: РИСКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Дворянчиков Н.В.

Вступительное слово.....1

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Харарбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М.

Интернет и одиночество подростков.....2-13

Вачков И.В., Храмова Т.К.

Аутентичность и самореализация личности в период ранней
взрослости.....14-24

Семья Г.В.

Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот,
оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя.....25-41

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ | PSYCHOLOGY OF DEVIANANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Миронова О.И., Рунала Л.А., Миронов Е.С.

Цифровизация социальных контактов – риски для женщин, использующих приложения и
сайты знакомств для поиска брачного партнера.....42-63

Мосечкин И.Н.

Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного
законодательства.....64-76

Борисова С.Е.

Особенности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента
интернет-телевидения на правосознание и поведение участников дорожного
движения.....77-89

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т., Бочкова М.Н., Мешков И.А.

О предикторах негативной креативности у взрослых на примере
курсантов.....90-108

Анкудинов Н.В., Жарких А.А., Кокурин А.В., Марьин М.И.

Развитие готовности курсантов ФСИН России к профессиональной деятельности в
отделах специального назначения.....109-125

Бовин Б.Г.

Психологическая модель профессиональной пригодности к оперативно-розыскной
деятельности.....126-137

Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В.

Разработка методики изучения механизмов становления профессионального самосознания у сотрудников полиции.....138-152

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND LEGAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Переpravина Ю.О.

Способность гражданина к совершению сделки: критерии судебно-психологических экспертных оценок.....153-168

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ | LEGAL PSYCHOLOGY

Кумар Д.

Различия между правовой культурой, судейской культурой и судебной культурой.....169-179

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В.

Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «Вконтакте».....180-195

Алимова Д.Х., Богданович Н.В.

Визуальная новелла как метод развития общительности.....196-206

Бегишев И.Р.

Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект.....207-220

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE: DIGITAL SOCIETY RISKS AND CYBER-SECURITY

Dvoryanchikov N.V.

Foreword.....1

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Khararbakhova M.A., Musatova O.A., Shpagina E.M

Internet and Loneliness of Adolescents.....2-13

Vachkov I.V., Khramova T.K.

Authenticity and Self-realization of Personality in Early Adulthood.....14-24

Semya G.V.

Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later.....25-41

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S.

Digitalization of Social Contacts – Risks for Women Seeking a Spouse through Dating Sites and Apps.....42-63

Mosechkin I.N.

Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation.....64-76

Borisova S.E.

Particularities of the Informational and Psychological Effect of Internet TV News Videos on the Legal Awareness and Behavior of Road Users.....77-89

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T., Bochkova M.N., Meshkov I.A.

Predictors of Negative Creativity in Adults on the Example of Cadets90-108

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A., Kokurin A.V., Maryin M.I.

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of the Russian Penitentiary Service Higher Educational Institutions for Professional Activities in Special Operations Divisions.....109-125

Bovin B.G.

Psychological Model of Professional Fitness for Investigative Activities.....126-137

Sharanov Yu.A. Sofronova A.Yu., Raspopin E.V.

Development of a Methodology for Studying the Mechanisms of the Professional Self-awareness Establishment in Police Officers.....138-152

FORENSIC AND LEGAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Perepravina Ju.O.

Deal-Making Capacity of a Citizen: Criteria for Forensic Psychological Assessment.....153-168

LEGAL PSYCHOLOGY

Kumar D.

The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture.....169-179

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Grinenko U.B., Romero Reyes I.V.

Semantic Analysis of Digital Destructive Content of School Shooting in the Social Network 'VKontakte'.....180-195

Alimova D.Kh., Bogdanovich N.V.

Visual Novel Genre as a Method of the Sociability Development.....196-206

Begishev I.R.

Cyber-Security Culture: Psychological and Legal Aspects.....207-220

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию заключительный выпуск журнала «Психология и право» за 2021 год. В номере представлены научные статьи по одной из актуальных тем современности: Риски цифрового общества и информационная безопасность.

В рубрике ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ представлены результаты исследования деструктивной и конструктивной киберсоциализации подростков, связи аутентичности и самореализации человека в процессе личностного становления человека. Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников детских домов 2001 и 2021 годов привел исследователей к неожиданным результатам в отношении значимых различий по ряду адаптационных показателей.

Тематический выпуск в рамках раздела ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ актуализирует ряд правовых проблем охраны от разновидностей дистанционного психического насилия, проявляющихся в электронной форме (кибербуллинг, киберсталкинг, киберхарассмент) На материале новостных видеорепортажей официального YouTube канала ВГТРК раскрывается специфика информационно-психологического влияния современного Интернет-телевидения на правосознание и поведение участников дорожного движения. На страницах нашего журнала читатель также может ознакомиться с результатами исследования рисков цифровизации социальных контактов у женщин (мошенничество, сексуальные домогательства, злоупотребление полученной информацией интимного характера и др.), использующих приложения и сайты знакомств.

По традиции рубрика ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ представлена рядом работ научно-практической направленности, начиная от готовой к реализации программы развития профессиональной готовности курсантов вузов ФСИН России к службе в отделах специального назначения, до изучения личностных характеристик как предикторов поведенческих проявлений негативной креативности (на выборке из числа курсантов) и, заканчивая, представлением модели профессиональной пригодности к оперативно-розыскной деятельности.

С учетом тематики номера наши авторы представили интересные результаты в рамках МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. В данной рубрике в научном дискурсе обсуждаются вопросы культуры информационной безопасности в целом. Отечественные юридические психологи знакомят читателей с апробацией такого метода развития общительности в реальном и виртуальном мире, как визуальная новелла. Массив теоретико-эмпирических данных в области проблематики скулшутинга пополнен теперь данными отечественных исследователей на примере семантического анализа деструктивного контента соцсети «ВКонтакте».

Уважаемые читатели, заключительный номер нашего журнала освящает проблемы, исследуемые к поле юридической психологии, в актуальном контексте глобальной цифровизации и дигитализации общества. Уверены, что научный труд авторов этого выпуска будет интересен Вам как с научной, так и практической точек зрения.

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Интернет и одиночество подростков

Харарбахова М.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5239-4414>, e-mail: khararbakhova.matriona@gmail.com

Мусатова О.А.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8893-4059>, e-mail: muoxa@mail.ru

Шпагина Е.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

В работе представлены материалы эмпирического исследования, направленного на выявление связи субъективного переживания одиночества и особенностей использования Интернета подростками. Респондентами стали 80 подростков в возрасте от 11 до 15 лет (50% девушек и 50% юношей). Измерения проводились с помощью: методики диагностики уровня субъективного ощущения одиночества; опросника вовлеченности в киберсоциализацию; способа скрининговой диагностики компьютерной зависимости. Полученные результаты позволяют говорить, что феномен субъективного ощущения одиночества наблюдается в подростковом возрасте. Все современные подростки имеют риск киберзависимости. Деструктивная киберсоциализация подростков преобладает над конструктивной, которая также присутствует в структуре использования сети «Интернет». Выявлены гендерные различия по всем методикам исследования. Прямой связи между одиночеством и использованием Интернета не обнаружено, но в группе с высоким уровнем субъективного переживания одиночества выявлен и высокий процент участников, использующих деструктивные формы киберсоциализации.

Ключевые слова: одиночество подростков, субъективное ощущение одиночества, киберзависимость, киберсоциализация, деструктивная киберсоциализация, конструктивная киберсоциализация.

Для цитаты: Харарбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М. Интернет и одиночество подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 2—13. DOI:10.17759/psylaw.2021110401

Internet and Loneliness of Adolescents

Matrena A. Khararbakhova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5239-4414>, e-mail: khararbakhova.matriona@gmail.com

Oksana A. Musatova

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1122>, e-mail: petrov@yandex.ru

Elena M. Shpagina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

The work presents the materials of an empirical study aimed at identifying the link between adolescents' subjective experience of loneliness and their internet usage. 80 adolescents aged 11-15 (50% girls, 50% boys) took part in the study. The measurements have been carried out with the following: technique for diagnosing the level of subjective perception of loneliness; online involvement questionnaire; technique for screening diagnosis of cyber addiction. The obtained results suggest that the phenomenon of one's subjective loneliness is perceived in one's adolescence. Every modern-day adolescent is at a risk of cyber addiction. Adolescents' destructive online socializing dominates their constructive one, the latter is also present in their internet usage. All the research techniques indicated certain gender differences. No direct link between one's loneliness and one's internet usage has been found, however, the adolescent group with high level of perceived loneliness showed a high percentage of those who use destructive forms of online socializing.

Keywords: loneliness of adolescents, subjective experience of loneliness, cyber addiction, cybersocialization, destructive online socializing, constructive cybersocialization.

For citation: Khararbakhova M.A., Musatova O.A., Shpagina E.M. Internet and Loneliness of Adolescents. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 2–13. DOI:10.17759/psylaw.2021110401 (In Russ.).

Введение

Интернет прочно вошел во все сферы жизни личности и общества, стал необходимым атрибутом повседневного существования. Канадский педагог Билл Белсей характеризует поколение подростков эпитетом «Всегда на связи» и утверждает, что они общаются, большей частью, посредством сети «Интернет» с помощью различных социальных сетей и мессенджеров. Изучению поведения в Сети и влияния Интернета на жизнь детей и подростков посвящено множество работ. Другой заинтересовавший нас феномен современной жизни — это одиночество. В подростковом возрасте одиночество переживается особенно остро и, в некоторых случаях, приводит к различным видам социальной дезадаптации. Наше исследование делает попытку выявить связь между использованием сети «Интернет» подростками и феноменом ощущения одиночества в этом возрасте.

История вопроса

Вопросам феномена одиночества именно в подростковом возрасте посвящено немало исследовательских работ. Подробно прослеживает интерес у исследователей к феномену одиночества И.М. Слободчиков [8]. Резюмируя, он пишет о том, что в основном авторы трактуют одиночество как «психическое состояние или субъективное переживание» и «представление об одиночестве как преимущественно негативном состоянии и переживании». В отношении одиночества подростков он отмечает, что «...одиночество играет существенную роль в процессе индивидуализации личности подростка, являясь некой психологической нишей ее созревания» [9]. А.В. Ермолаева отмечает, что «...одиночество может быть включено как потенциальная детерминанта подросткового суицидального поведения» [3].

Развитие исследовательской мысли в области киберзависимости достаточно содержательно показано в работе Н.В. Кочеткова, который представил аналитический обзор отечественных исследований в этой области: «Интернет-пользователи имеют сложности в общении, склонность к негативизму, неадекватную самооценку и т. п. Для интернет-аддиктов характерны отклонения в интеллектуальной, мотивационной сферах, межличностных отношениях, стратегиях совладания, ценностных ориентациях, планировании» [4]. В то же время автор отмечает, что в современных исследованиях наметилась тенденция переосмысления влияния Интернета с негативного полюса на позитивный.

Связь феноменов одиночества и интернет-зависимости отмечали в исследованиях многие авторы. Интересное явление в современной молодежной среде, связанное с одиночеством, описано в работе А.Е. Войскунского и Г.У. Солдатовой, посвященной «отшельникам хикикомори». Авторы отмечают, что с развитием цифровых технологий «...пришла более приемлемая для них цифровая социализация, позволяющая становиться даже более социальными в новой “цифровой социальности”, чем в предшествующую доцифровую эпоху» [2]. Также исследователи отмечают, что «...люди, испытывающие затруднения в общении и не желающие общаться в реальности, значительно больше подвержены интернет-зависимости» [7].

Влияние Интернета на процесс социализации подмечено многими авторами. Р.М. Айсина, А.А. Нестерова подчеркивают, что киберсоциализация может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для личностного развития и социального функционирования молодых пользователей интернет-ресурсов [1].

В нашем исследовании мы объединили изучение субъективного ощущения одиночества у подростков обоего пола с измерением уровней вовлеченности в киберсоциализацию и киберзависимостью.

Программа исследования включала в себя три этапа.

Первый этап был направлен на изучение особенностей переживания одиночества подростками. Для решения этой задачи была выбрана методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона [6]. Второй этап включал в себя изучение особенностей использования Интернета. В качестве основных инструментов измерения были выбраны следующие методики: 1) тест опросник вовлеченности в киберсоциализацию, выявляющий конструктивные и деструктивные стратегии использования Интернета [5]; 2) скрининговая диагностика компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Большот [10]. Третий этап был направлен на выявление взаимозависимости стратегий использования Интернета и ощущением одиночества.

Цель исследования была направлена на выявление связей между уровнями переживания одиночества и особенностями использования Интернета у подростков.

В исследовании приняли участие 80 подростков (40 мужского пола и 40 женского пола) в возрасте от 11 до 15 лет.

Результаты

Феномен одиночества у подростков измерялся в исследовании с помощью методики субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона. Опросник состоит из 20 утверждений. Испытуемый оценивает свое состояние с помощью шкалы Лайкерта от 1 до 4. Обработка результатов дает представление об уровне ощущения одиночества: низком, среднем или высоком.

В нашей выборке лишь 6,3% испытуемых показали низкий уровень одиночества; 63,7% испытуемых ощущают одиночество на среднем уровне и 30% опрошенных подростков проявили в исследовании высокий уровень субъективного ощущения одиночества. Указанные результаты подтвердили актуальность темы одиночества для подростков как значимое состояние. Количество испытуемых, которые в той или иной мере ощущают одиночество, оказалось подавляющим большинством, а одна треть ощущают одиночество достаточно остро.

Сравнение результатов по гендерному признаку также показало интересные результаты. Оказалось, что девушкам более свойственно ощущать себя одинокими, чем юношам. 52% опрошенных девушек показали высокий уровень субъективного переживания одиночества, тогда как большинство юношей (85%) оценивают свое состояние на среднем уровне (результаты, полученные по методике Д. Рассела и М. Фергюсона) (рис. 1).

Рис.1. Сравнение состояния субъективного ощущения одиночества по гендерному признаку

Анализ показал, что существует значительное различие между соотношением уровня субъективного ощущения одиночества между полами. Девушкам свойственно более остро ощущать одиночество, чем юношам.

Таблица 1

**Сравнение состояния субъективного ощущения одиночества
 по гендерному признаку**

Исследуемые параметры	Значения	Значения	Значимость*
	(средний ранг) группы юношей	(средний ранг) группы девушек	
Показатели субъективного ощущения одиночества	27,15	53,85	0,000*

Примечание: «*» — Критерий U Манна—Уитни для независимых выборок (уровень значимости равен ,05).

Следующий этап исследования предполагал изучение особенностей использования Интернета с помощью двух методик: опросника вовлеченности в киберсоциализацию [10] и скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой и Т.Ю. Большот. Рассмотрим результаты по каждой из них.

Опросник вовлеченности в киберсоциализацию позволяет выделить два способа использования Интернета, соответствующих шкалам деструктивной и конструктивной вовлеченности в процессы киберсоциализации. Конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию измеряется шкалой, которая состоит из трех субшкал: позитивной мотивации, личностной позиции и компетентности в использовании Интернета. [5].

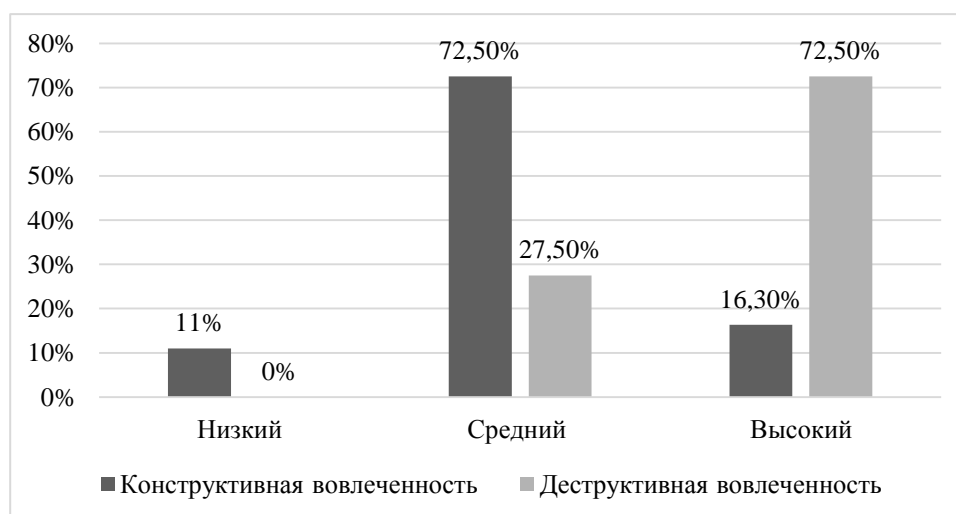

Рис. 2. Уровни вовлеченности в киберсоциализацию по шкалам: конструктивная и деструктивная социализация

Анализ данных по этой методике показывает (рис. 2), что в выборке преобладает средний уровень конструктивной вовлеченности в киберсоциализацию (у 72,5% опрошенных) и высокий уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию (также у 72,5% опрошенных). Примечательно, что по результатам опроса выходит, что подростков, у которых отсутствуют риск деструктивного влияния на социализацию через сеть «Интернет», в данной выборке не оказалось (только средний уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию у 27,5% и высокий — у 72,5% опрошенных).

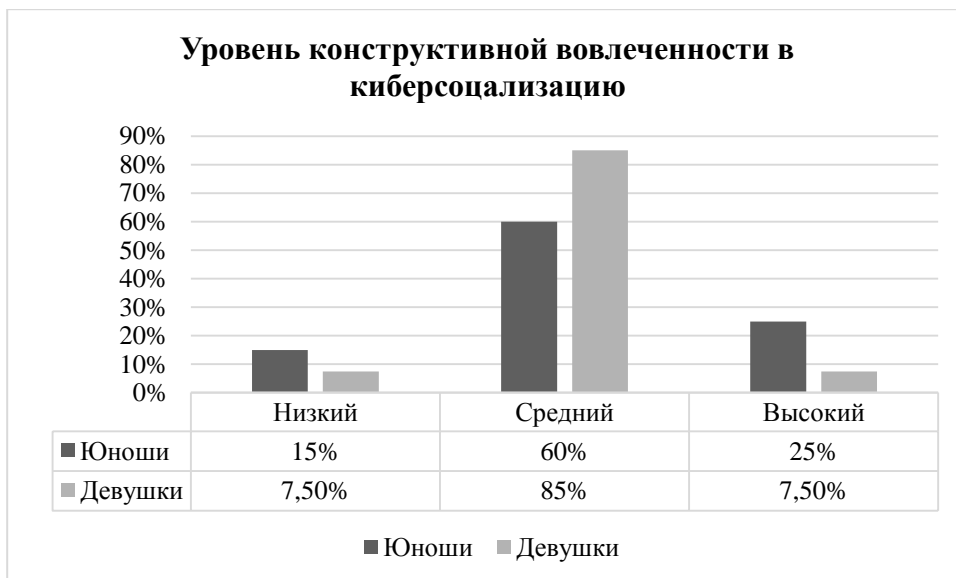

Рис. 3. Сравнение уровня конструктивной вовлеченности в киберсоциализацию по полу

Юноши в большей степени, чем девушки, имеют высокий уровень конструктивной вовлеченности в киберсоциализации, но те и другие в большинстве случаев имеют средний уровень конструктивности (рис. 3). Конструктивная вовлеченность объединяет позитивные проявления вовлеченности в киберсоциализацию, направленные на адекватное субъектное и личностное развитие.

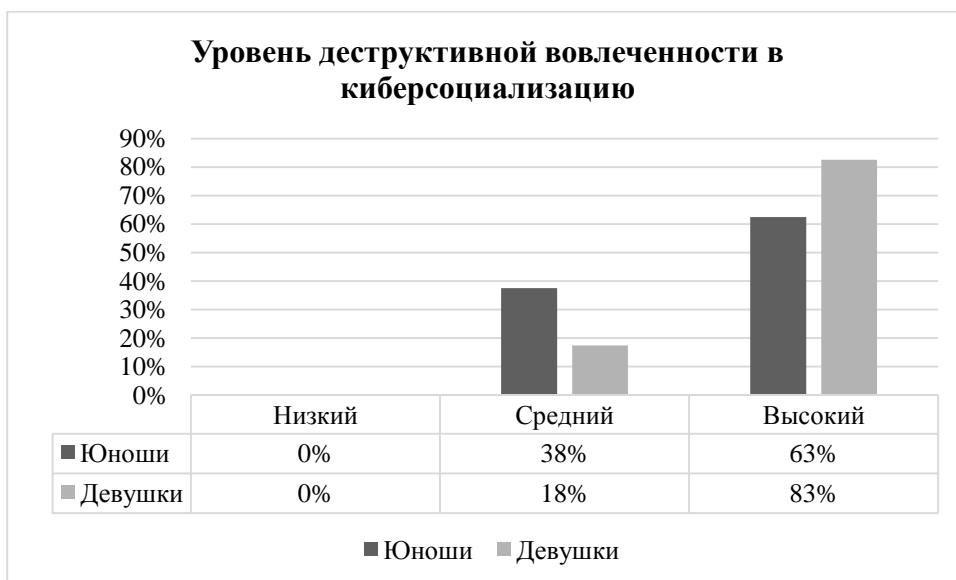

Рис. 4. Сравнение уровня деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию по полу

Количество девушек, имеющих высокий уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию, превысило количество юношей. Однако и у юношей, и у девушек он преобладает (рис. 4). Деструктивная вовлеченность, согласно описанию опросника, связана с такими негативными феноменами, как эскапизм, троллинг, кибербуллинг, специфические

аддикции.

Измерения по методике «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот» также дали интересный результат (рис. 5).

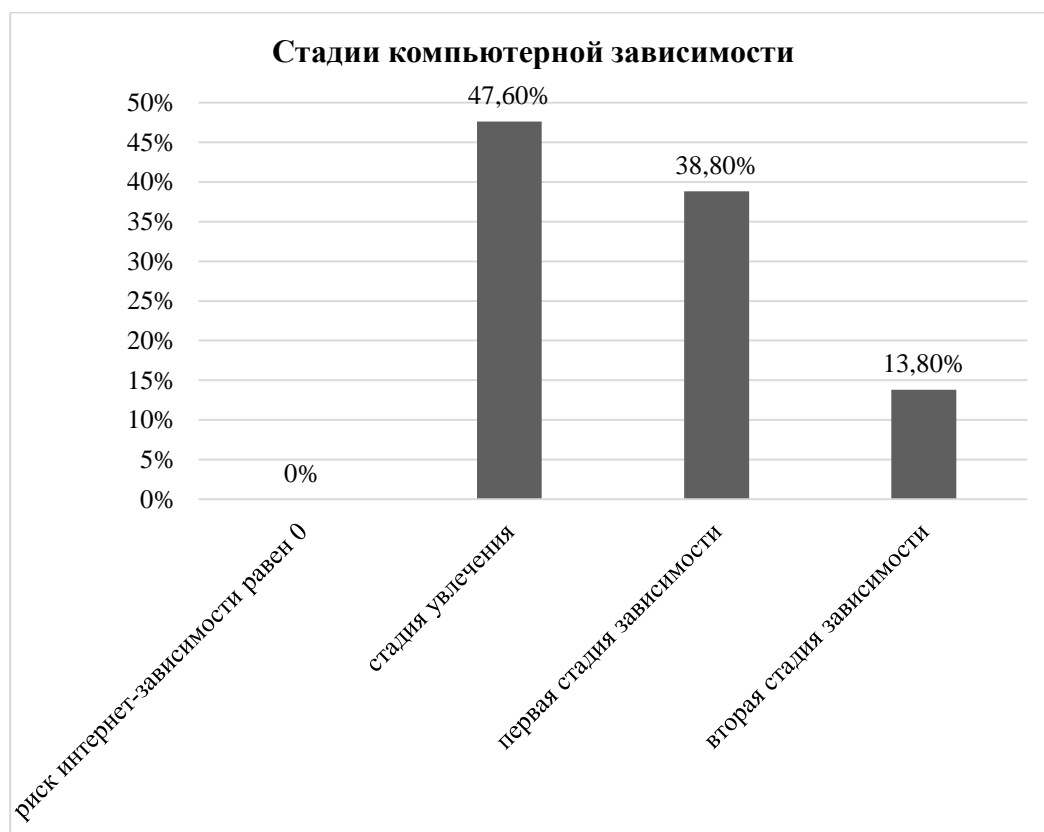

Рис. 5. Результаты измерений по методике «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот (общая выборка)

Например, интересен тот факт, что лиц, у которых риск развития интернет-зависимости равен нулю, в выборке не оказалось. То есть компьютерная зависимость — тенденция времени? Половина испытуемых имеют либо первую стадию зависимости (38,8%), либо вторую (13,8%).

Рис. 6. Сравнение результатов измерений по методике «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот» по полу

Гендерное сравнение показало, что вторая стадия интернет-зависимости присуща только девушкам, половина юношей остановились на первой стадии интернет-зависимости. Стадия увлечения-прилипания свойственна в равной степени и юношам, и девушкам (рис. 6).

Обобщая результаты двух методик, мы видим, что подростков, не склонных к интернет-зависимости, в наше время найти трудно, также и подростков, которые используют Интернет без деструктивных целей. Гендерное сравнение показало, что юноши более устойчивы к интернет-зависимости, чем девушки, а также имеют больший уровень конструктивной вовлеченности в киберсоциализацию.

По результатам трех методик, девушки показали неутешительную тенденцию — высокий уровень субъективного ощущения одиночества, высокий уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию и наличие высокой степени интернет-зависимости по сравнению с юношами.

Далее были выделены из выборки две группы для сравнения: со средним и с высоким уровнем субъективного ощущения одиночества. В связи с тем, что низкий уровень одиночества показали лишь 6 человек (7,7% от выборки), то было решено исключить эту группу из сравнения. В первую группу был выбран каждый второй из 50 человек выборки, показавший результаты среднего уровня. Таким образом, образовалась группа из 25 человек, что позволило уравнивать по количеству испытуемых со второй группой респондентов, в которую вошли те, кто показал высокий уровень ощущения субъективного одиночества (24 человека). Задача сравнения состояла в выявлении различий в показателях по методикам «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот» и опросник вовлеченности в киберсоциализацию.

По результатам сравнения, с помощью непараметрического критерия U Манна—Уитни для независимых выборок достоверные различия между выделенными группами были получены по шкале «Деструктивная вовлеченность в киберсоциализацию» в использовании сети «Интернет». В группе, где оказались испытуемые с высоким уровнем субъективного ощущения одиночества (СОО), уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию

значительно превышал значения испытуемых из группы со средним уровнем.

Таблица 2

**Сравнение результатов по методикам использования Интернета в двух группах
(1 — группа с уровнем субъективного ощущения одиночества (СОО); 2 — группа с
высоким уровнем субъективного ощущения одиночества (СОО))**

№	Исследуемые параметры использования сети «Интернет»	Значения (средний ранг) группы со средним уровнем СОО	Значения (средний ранг) группы с высоким уровнем СОО	Значимость*
1	Компьютерная зависимость	24,08	25,96	0,644
2	Конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию	23,56	26,50	0,470
3	Деструктивная вовлеченность в киберсоциализацию	19,42	30,81	0,005*

Примечание: «*» — Критерий U Манна—Уитни для независимых выборок (уровень значимости равен ,05)

Вместе с тем корреляционный анализ данных с применением коэффициента Спирмена не дал значимых связей с уровнем одиночества ни в общей выборке, ни в группе девушек, которые изначально показали высокий уровень субъективного переживания одиночества.

Выводы

1. Измерение субъективного ощущение одиночества в выборке из 80 подростков показало, что подавляющее большинство (93,7%) испытуемых испытывают одиночество в той или иной мере (63,7% — средний уровень субъективного ощущения одиночества и 30% — высокий уровень субъективного ощущения одиночества).

2. Девушкам свойственно более остро ощущать одиночество, чем юношам.

3. Большинство подростков из выборки показали средний уровень конструктивной вовлеченности в киберсоциализацию (72,5%) и высокий уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию (72,5%).

3. Средний уровень конструктивной вовлеченности больше присущ девушкам, однако в немногочисленной группе с высоким уровнем конструктивной вовлеченности в киберсоциализацию лидируют юноши.

4. Низкий уровень деструктивной вовлеченности не был выявлен в данной выборке (только средний и высокий), что говорит о том, что негативному влиянию Интернета подвержены все испытуемые из выборки.

6. Девушкам в большей степени, чем юношам, присуще деструктивное увлечение Интернетом, которое связано с такими явлениями, как эскапизм, троллинг, кибербуллинг, специфические аддикции.

7. По результатам измерения киберзависимости (по методике «Способ скрининговой диагностики компьютерной зависимости Л.Н. Юрьевой, Т.Ю. Больбот) в выборке не было выявлено лиц, риск кибераддикции у которых равнялся бы нулю. Половина выборки показала результаты стадии «вовлеченности-прилипания» (47,6%), остальная половина —

первую и вторую стадии зависимости от Интернета (38,8% и 13,8% соответственно).

8. Вторая стадия Интернет-зависимости была выявлена только у девушек в данной выборке. Тогда как половина испытуемых юношей оказалась на второй стадии зависимости. Стадия увлечённости-прилипания в одинаковой мере присуща и юношам и девушкам (по 47,5% в той и другой группе).

9. При выделении групп по уровням субъективного одиночества (средний и низкий) удалось выделить различия по деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию — в группе с высоким уровнем субъективного ощущения одиночества высокий уровень деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию.

10. Вместе с тем корреляционной зависимости одиночества от киберзависимости и результатов по шкалам вовлеченности в киберсоциализацию выявить не удалось ни в общей выборке, ни в группе девочек с высоким уровнем ощущения одиночества.

Резюме

Большинство подростков испытывают субъективное одиночество в той или иной степени. Киберсоциализация подростков носит как конструктивный, так и деструктивный характер, вместе с тем деструктивная вовлеченность в киберсоциализацию выше. Все подростки в той или иной степени являются киберзависимыми (половина — на стадии увлеченности-прилипания), другая половина имеют первую и вторую стадии зависимости). Подростки с высоким уровнем одиночества имеют высокий индекс деструктивной вовлеченности в киберсоциализацию. Что первично? Одиночество или деструктивная социализация? Ответы на эти вопросы можно получить только при введении дополнительных параметров измерения и дополнения дизайна исследования.

Литература

1. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 4. С. 42—57.
2. Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. № 3. С. 22—43.
3. Ермолаева А.В. Факторы суицидального риска в запросах абонентов телефона доверия // Вестник практической психологии образования. 2021. Том 18. № 1. С. 106—114.
4. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 1. С. 27—54.
5. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е., Ефремова Г.И. Опросник вовлеченности в киберсоциализацию // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6(111). С. 109—119.
6. Практикум по психологии состояний: учеб. пособие / Под ред. проф. А.О. Прохорова. СПб: Речь, 2004. С. 134.
7. Рогов Е.И. Интернет-зависимость как стремление к одиночеству / Е.И. Рогов, Е.Е. Рогова // Психология образования в XXI веке: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции. Волгоград, 14—16 сентября 2011 г.: к 80-летию Волгоградского государственного социально-педагогического университета / Под ред. Т.Ю. Андрущенко, А.Г. Крицкий, О.П. Меркулова. Волгоград: Перемена, 2011. С. 309—311.

8. Слободчиков И.М. Переживание одиночества в рамках формирования «Я-концепции» подросткового возраста // Психологическая наука и образование. 2005. Том 10. № 1. С. 28—32.
9. Слободчиков И.М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. Том 12. № 3. С. 27—35.
10. Юрьева Л.Н., Болбот Т.Ю. : монография. Днепропетровск: Пороги, 2006.

References

1. Aysina R.M., Nesterova A.A. Kibersocializacija molodezhi v informacionno-kommunikacionnom prostranstve sovremennogo mira: jeffekty i riski [Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks]. Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2019, Vol. 10, no. 4, pp. 42—57. (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Voiskunskii A.E., Soldatova G.U. Jepidemija odinochestva v cifrovom obshhestve: hikikomori kak kul'turno-psihologicheskij fenomen [Epidemic of Loneliness in a Digital Society: Hikikomori as a Cultural and Psychological Phenomenon]. Konsul'tativnaja psikhologija i psikhoterapija [Counseling Psychology and Psychotherapy], 2019, Vol. 27, no. 3, pp. 22—43. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Ermolaeva A.V. Faktory suicidal'nogo riska v zaprosah abonentov telefona doverija [Suicidal Risk Factors in Inquiries Helpline Subscribers]. Vestnik prakticheskoj psikhologii obrazovaniya [Bulletin of Practical Psychology of Education], 2021, Vol. 18, no. 1, pp. 106—114. (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Kochetkov N.V. Kochetkov N.V. Internet-zavisimost' i zavisimost' ot komp'yuternyh igr v trudah otechestvennyh psihologov [Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists]. Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society], 2020, Vol. 11, no. 1, pp. 27—54. (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Len'kov S.L., Rubtsova N.E., Efremova G.I. Oprosnik вовлеченности v kibersotsializatsiju. [Survey of the cybersocialization involvement]. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2019, no. 6(111), pp. 109—119. (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Praktikum po psikhologii sostoyanii: Uchebnoe posobie [Workshop on the psychology of states: Study guide]. In A.O. Prokhorov (ed.), Saint-Petersburg: Rech Publ., 2004. P.134.
7. Rogov E.I., Rogova E.E. Internet-zavisimost' kak stremlenie k odinochestvu [Internet addiction as a desire for loneliness]. Materialy konferentsii 'Psikhologija obrazovaniya v XXI veke: teoriya i praktika' (g. Volgograd, 14-16 September 2011 g.) [Conference materials. Psychology of education in the XXI century: theory and practice.]. Volgograd: Peremena, 2011, pp. 309—311.
8. Slobodchikov I.M. Perezhivanie odinochestva v ramkakh formirovaniya 'Ya-kontseptsii' podrostkovogo vozrasta [Experiencing loneliness as part of the formation of the 'I-concept' of adolescence]. Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2005, Vol. 10, no. 1, pp. 28—32. (In Russ.).
9. Slobodchikov I.M. Sovremennye issledovaniya perezhivaniya odinochestva [Modern research on the experience of loneliness]. Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 2007, Vol. 12, no. 3, pp. 27—35. (In Russ., Abstr. in Engl.).
10. Yur'eva L.N., Bol'bot T.Yu. Komp'yuternaja zavisimost': formirovanie, diagnostika, korrektsiya i profilaktika [Computer addiction: formation, diagnosis, correction and prevention]. Dnepropetrovsk: Porogi, 2006. 196 p.

Харарбахова М.А., Мусатова О.А., Шпагина Е.М.
Интернет и одиночество подростков
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 2–13.

Khararbakhova M.A., Musatova O.A., Shpagina E.M.
Internet and Loneliness of Adolescents
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 2–13.

Информация об авторах

Харабахова Матрёна Аркадьевна, магистр психологии, выпускница кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5239-4414>, e-mail: khararbakhova.matriona@gmail.com

Мусатова Оксана Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы психолого-социального факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова (РНИМУ им. Н.И. Пирогова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8893-4059>, e-mail: muoxa@mail.ru

Шпагина Елена Михайловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

Information about the authors

Matrena A. Khararbakhova, Master of Psychology, Graduate of the Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5239-4414>, e-mail: khararbakhova.matriona@gmail.com

Oksana A. Musatova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Social Work of the Faculty of Psychology and Social Sciences, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8893-4059>, e-mail: muoxa@mail.ru

Elena M. Shpagina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3325-3402>, e-mail: shpaginaem@mgppu.ru

Получена 13.10.2021

Принята в печать 10.11.2021

Received 13.10.2021

Accepted 10.11.2021

Аутентичность и самореализация личности в период ранней взрослости

Вачков И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-7427>, e-mail: vachkoviv@mgppu.ru

Храмова Т.К.

Международная профессиональная ассоциация психологов (МПАП), г. Люберцы, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5797-8531>, e-mail: liketolive@list.ru

В процессе личностного становления огромное значение имеют самореализация человека и его способность быть самим собой, т. е. аутентичный путь развития. Данная статья посвящена эмпирическому исследованию связи аутентичности и самореализации. Гипотезой исследования выступило предположение о том, что аутентичность личности имеет взаимосвязь с некоторыми сторонами самореализации личности в период ранней взрослости. В исследовании приняли участие 81 респондент (37 мужчин и 44 женщины) в возрасте от 22 до 37 лет. Методики исследования: Шкала аутентичности (адаптация С.К. Нартовой-Бочавер с соавт.), тест СЖО, опросник самоотношения, САМОАЛ. Опрос респондентов проходил в online-формате с использованием google-форм. В ходе исследования было обнаружено, что между показателями аутентичности и показателями самоотношения, самоактуализации, осмысленности, осознанности присутствуют статистически значимые корреляции, которые позволяют говорить об определенных взаимосвязанных тенденциях личности в проявлениях аутентичности и самореализации.

Ключевые слова: личность, самореализация, аутентичность, самоактуализация, конгруэнтность, осознанность, потенциал.

Для цитаты: Вачков И.В., Храмова Т.К. Аутентичность и самореализация личности в период ранней взрослости [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 14–24. DOI:10.17759/psylaw.2021110402

Authenticity and Self-realization of Personality in Early Adulthood

Igor V. Vachkov

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-7427>, e-mail: vachkoviv@mgppu.ru

Tatyana K. Khramova

International Professional Association of Psychologists, Lyubertsy, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5797-8531>, e-mail: liketolive@list.ru

In the process of personality establishment the individual's self-realization and ability to be oneself (i.e authentic path of development) are of paramount importance. This article deals with an empirical examination of the relationship between one's authenticity and self-realization. We suggested that personality authenticity has something to do with certain aspects of self-realization in early adulthood, which came as the hypothesis of the research. 81 respondents (37 males, 44 females) aged 22-37 took part in it. The following research methodologies were used: Authenticity Scale (adapted by S.K. Nartova-Bochaver et al), 'The Purpose-in-Life orientations' test, "Self-attitude" inventory (SAMOAL). The respondents were surveyed online using Google Forms. It has been revealed in the study that between parameters of authenticity on the one hand and parameters of self-attitude, self-actualization, meaning, awareness on the other there are statistically significant correlations which suggest certain interrelated personality tendencies in the manifestations of authenticity and self-realization.

Keywords: personality, self-realization, authenticity, self-actualization, congruence, meaningfulness, potential.

For citation: Vachkov I.V., Khramova T.K. Authenticity and self-realization of personality in early adulthood. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 14–24. DOI:10.17759/psylaw.2021110402 (In Russ.).

Введение

Аутентичность подразумевает способность быть самим собой, понимание себя, следование собственным ценностным ориентациям, идеям и убеждениям, наделяющим то подлинное Я, которое выражается в реализации человеком себя самого [5]. Аутентичность личности, призывающая обратиться к внутренним ресурсам, стремлениям и собственным возможностям, служит надежным ориентиром в самореализации человека. Помимо аутентичности самореализация детерминирована различными социально-психологическими факторами. Однако соотношение аутентичности и самореализации является важным направлением в психологических исследованиях. Так, особое значение проблема соотношения аутентичности и самореализации имеет для сотрудников органов внутренних дел [1]. Действительно, следование своим принципам и своей сущности помогает личностно-профессиональному росту сотрудников органов внутренних дел и сохранению ими «чести

мундира». Кроме того, период ранней взрослости является наиболее продуктивным для сотрудников органов внутренних дел, что, в частности, способствует их служебной карьере. И наконец, определение взаимосвязей аутентичности и параметров самореализации может помочь в деятельности специалистов по психологической и воспитательной работе среди сотрудников органов внутренних дел, в понимании стратегий и тактики такой работы [1]. В целом же самореализация человека во многом определяет его жизненный путь и предполагает целую последовательность процессов, среди которых, прежде всего, — осознание личностью своего потенциала, возможностей в той или иной сфере жизни, своих целей и намерений, а также дальнейшее их воплощение в жизнь посредством активной деятельности. При этом способы и стратегии самореализации человек определяет, исходя из поставленных перед собой задач и целей, которые субъектом формулируются как соответствующие его действительным стремлениям, желаниям, интересам. Истинность и конгруэнтность наших действий, сохранение верности самому себе характеризуют понятие «аутентичность» (с древнегреческого *αὐθεντικός* — «подлинный») [11].

Теоретический обзор

Размышления философов о природе человека, о том, что значит быть самим собой и следовать собственному предназначению, продолжались на протяжении многих веков. Вопрос о подлинности человеческой личности и вероятности искреннего или неискреннего существования ставился уже в Древней Индии. В Упанишадах отмечено, что в сердце каждого человека находится его истинное Я. Этика Аристотеля содержит рассуждения философа о достижении высшего блага человеком через реализацию своей сущности: «Жить в соответствии со своим “духом” — это и есть счастье» — и обращает нас к положениям эвдемонизма [4]. С развитием гуманистического и экзистенциального направлений категории аутентичности и самореализации стали изучаться глубже, причем чаще в тандеме или в их взаимосвязи [12].

В философию экзистенциализма слово «аутентичность» ввел М. Хайдеггер, который «...использовал его относительно потенциальной возможности человека быть человеком в полном смысле этого слова» [3]. Опираясь на труды С. Кьеркегора и Ф. Ницше, немецкий философ М. Хайдеггер считал, что аутентичность личности лежит в основе ее самоопределения и способствует самовыражению и самореализации человека [11]. В трудах Э. Фромма вопросам подлинности человеческого бытия уделено много внимания. Подлинность человека и умение «быть» служат залогом самораскрытия и самореализации личности. По мнению Э. Фромма, самореализация присуща каждому человеку и предполагает наличие продуктивной активности. Говоря о продуктивности, Э. Фромм указывал на использование человеком своего потенциала и своих истинных способностей, которые скорее выведут человека на подлинный путь в жизненных ориентациях «быть» и «иметь» [15]. Рассуждая об аутентичности, В. Франкл обращается к совести и полагает, что аутентичность — это честность не только по отношению к другим, но и к самому себе; человек находит себя через совесть. Также В. Франкл рассматривал категорию аутентичности как результат обретения человеком смысла [14]. Человек, который нашел смысл жизни, приходит к целостному состоянию и может быть подлинным и аутентичным. Осмысленность самого себя и своей жизни приводит человека к осмысленной самореализации.

Обратим внимание на то, что философы рассматривают аутентичность как некую

ценность даже в случае не последовавших разного рода благ, таких как процветание, слава, признание. Как пишет Ч. Гиньон, аутентичность важна постольку, поскольку мы можем верить, что каждый индивид от рождения имеет потенциал развития, лежащий в его природе, «призыв» или судьбу которого нужно осуществить, что каждое человеческое существо имеет собственный путь становления, который подходит только ему [3]. Выступая понятием многогранным, сложным и порой неоднозначным, аутентичность вбирает в себя такие концепты, как индивидуальность, конгруэнтность, самоактуализация, самость, суверенность личности, самоценность, искренность, идентичность. При этом, как замечает С.К. Нартова-Бочавер, проблематичен онтологический статус аутентичности, которая рассматривается и как способность, и как черта, как чувство, качество, состояние, характеристика, процесс. [11].

Наконец отметим концепцию жизненной позиции личности Д.А. Леонтьева и А.Е. Шильманской, где в качестве одной из трех составляющих позиции выступает аутентичность как следование своему пути и предназначению. По мнению Д.А. Леонтьева, самореализация является следствием «развертывания» уже заложенных в человека качеств, предрасположенностей и задатков, которые реализуются посредством участия в деятельности. Критерием такой самореализации являются самостоятельные шаги человека на этом пути [8].

Анализируя связь аутентичности и самореализации, заметим, что в изучении проблемы самореализации выделяют эссенциалистский и экзистенциалистский подходы. Эссенциалистский подход проявляется в учениях Аристотеля, в нем самореализация рассматривается как исполнение природной сущности человека, врожденного свойства, позволяющего раскрыть природные задатки человека, его потенциал, определить его развитие и становление как личности посредством реализации потребностей различного уровня (К. Гольдштейн, К. Роджерс, А. Маслоу) [6]. Экзистенциалистский подход к проблеме самореализации основывается на субъективизме и продолжает разрабатываться современной философией, а в своем начале обращен еще к Сократу и стоикам, которые утверждали, что человеческую природу следует изучать не так, как природу физических вещей, т. е. иначе, чем с точки зрения ее объективных свойств. Экзистенциалистский подход рассматривает самореализацию как полностью осознаваемый и контролируемый человеком процесс реализации личности [7]. Человек, с точки зрения этого подхода, есть проект самого себя, результат целенаправленной работы над собой. Один из ведущих представителей такого подхода Ж.-П. Сартр полагал, что человек изначально лишен какой-либо природы, определяющей его личностное бытие. Человек является таким, каким он делает себя сам [11].

Учитывая определенное единство в гуманитарной парадигме и экзистенциальном подходе, заметим их некоторое различие. В личностно-ориентированном направлении значимым феноменом выступает самоактуализация, в качестве которой А. Маслоу видел стремления человека как можно больше выявить, развить и реализовать свои возможности, стремление личности быть такой, какой она может быть [9]. Экзистенциальное направление все же предполагает сосредоточение не на сущности человека, а на существовании, его проявлении в бытии, учитывая, что становление предшествует сущности.

И в гуманистическом, и в экзистенциальном подходах размышления о соотношениях категорий аутентичности и самореализации занимают достойное место. Тем не менее, следуя в нашем исследовании цели, которая представляет собой изучение взаимосвязи

аутентичности и самореализации личности в период ранней взрослости, мы полагаемся на идею раскрытия человеком своего потенциала и развития им своих способностей. Именно в гуманистическом направлении категории «самореализация» и в более широком понимании «самоактуализация» определяют развитие личности [13].

Программа исследования

Проблема исследования состоит в следующем: какова связь аутентичности с различными сторонами самореализации личности в период ранней взрослости. В рамках роджерсианской гуманистической парадигмы наиболее известной теоретической основой для исследования аутентичности выступает трехкомпонентная теория аутентичности Г.Т. Барретт-Леннарда [16], который предложил рассматривать данный феномен в виде таких составляющих, как *аутентичная жизнь*, *отсутствие принятия внешнего влияния* и *самоотчуждение*. Модель Г.Т. Барретт-Леннарда послужила основой для создания в 2008 г. А. Вудом с соавторами шкалы аутентичности [18].

Инструментарием для измерения аутентичности послужила русскоязычная версия «Шкалы аутентичности» А. Вуда (в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер, С.И. Резниченко) [10]. Важным критерием в выборе данной методики выступил лежащий в ее основе личностно-гуманитарный подход, постулирующий подлинность жизненного пути человека, личностные ресурсы [2] и самоактуализацию личности. Шкала аутентичности представляет собой опросник, состоящий из 11 утверждений, разделенных по трем субшкалам: «Аутентичная жизнь» (АЖ), «Самоотчуждение» (СО) и «Принятие внешнего влияния» (ПВВ) [17]. Утверждения шкалы аутентичности оцениваются по семибальной шкале Ликерта.

Сформулировав предположение о том, что аутентичность личности имеет взаимосвязь с некоторыми сторонами самореализации личности в период ранней взрослости, мы исследовали корреляты аутентичности с показателями САМОАЛ (опросника диагностики самоактуализации личности А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калины), опросника смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева, опросника самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантилеева.

В исследовании приняли участие 81 респондент, из которых 37 мужчин и 44 женщины. Подавляющая часть респондентов (83%) заняты в трудовой деятельности и имеют высшее образование (90%). Пройти опрос предлагалось субъектам периода ранней взрослости. Возраст опрашиваемых составил от 22 до 37 лет. Из общего числа работающих респондентов (83%) нам не удалось установить точное количество респондентов, работающих в органах внутренних дел и определить их относительную величину, поскольку не все респонденты указывали свою профессию и должностной статус. Для получения экспериментальных данных опрос респондентов был организован в первом квартале 2021 года в online-формате с использованием google-форм. Участие респондентов было полностью добровольным. После пересчета полученных «сырых» баллов в шкальные мы прибегли к статистической обработке данных. Используя статпакет SPSS, мы провели корреляционный анализ (r Спирмена).

Результаты

Проведенный корреляционный анализ, результаты которого представлены в таблице, показал, что между показателями аутентичности и показателями самореализации (в частности, самоотношения, самоактуализации, осмысленности и осознанности) почти в

каждой паре соотношений присутствует статистически значимая корреляция.

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа

Шкалы/субшкалы		Аутентичная жизнь (АЖ)	Самоотчуждение (СО)	Принятие внешнего влияния (ПВВ)
Опросник СЖО	Цели в жизни	0,407**	- 0,500**	- 0,235*
	Процесс жизни/интерес	0,587**	- 0,572**	- 0,406**
	Результативность жизни	0,560**	- 0,569**	- 0,437**
	Локус контроля Я (Я-хозяин жизни)	0,476**	- 0,414**	- 0,345**
	Локус контроля - жизнь	0,457**	- 0,470**	- 0,313**
	Осмысленность жизни	0,575**	- 0,597**	- 0,393**
Опросник самооотношения	Глобальное самооотношение	0,680**	- 0,533**	- 0,417**
	Самоуважение	0,707**	- 0,591**	- 0,347**
	Аутосимпатия	0,414**	- 0,448**	- 0,449**
	Ожидаемое отношение от других	0,501**	- 0,238*	- 0,222*
	Самоинтерес	0,517**	- 0,377**	- 0,066
	Самоуверенность	0,561**	- 0,494**	- 0,383**
	Отношение других	0,390**	- 0,100	- 0,079
	Самопринятие	0,291**	- 0,416**	- 0,411**
	Саморуководство	0,338**	- 0,335**	- 0,111
	Самообвинение	- 0,394**	0,354**	0,427**
	Самоинтерес	0,534**	- 0,405**	- 0,215
	Самопонимание	0,584**	- 0,579**	- 0,282*
САМОАЛ	Ориентация во времени	0,457**	- 0,355**	- 0,171
	Ценности	0,321**	- 0,334**	- 0,346**
	Взгляд на природу человека	0,041	- 0,067	- 0,005
	Потребность в познании	0,163	0,002	- 0,096
	Креативность/стремление к творчеству	0,215	- 0,266*	- 0,371**
	Автономность	0,287**	- 0,188	- 0,517**
	Спонтанность	0,141	- 0,193	- 0,284*
	Самопонимание	0,356**	- 0,238*	- 0,199
	Аутосимпатия	0,497**	- 0,372**	- 0,511**
	Контактность	0,337**	- 0,282*	- 0,236*
Гибкость в общении	0,363**	- 0,339**	- 0,393**	

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$.

Положительные и умеренные при уровне значимости $p \leq 0,01$ корреляции наблюдаются между «Аутентичной жизнью» и показателями смысложизненных ориентаций, которые, в свою очередь, закономерно отрицательно связаны с «Самоотчуждением» и «Принятием внешнего влияния».

Положительно взаимосвязаны с «Аутентичной жизнью» почти все показатели самоотношения: в основном фиксируется умеренная связь при уровне значимости $p \leq 0,01$. Исключение составляет шкала «Самообвинение», у которой обнаруживается обратная связь с «Аутентичной жизнью», но при этом проявляется прямая связь с «Самоотчуждением» и «Принятием внешнего влияния» — отчуждение от самого себя скорее направлено на получение одобрения социума вопреки своему подлинному проявлению. В остальном показатели самоотношения отрицательно взаимосвязаны с «Самоотчуждением» и «Принятием внешнего влияния».

Несколько снижена корреляционная выразительность в полученных результатах относительно шкал САМОАЛ. Так, шкалы «Взгляд на природу человека», «Потребность в познании» и «Спонтанность», хотя и характеризуют определенным образом самоактуализирующихся личностей, но в данном анализе их связь с аутентичностью не наблюдается. Другие шкалы САМОАЛ отражают невысокие положительные корреляции с «Аутентичной жизнью» и отрицательные — с «Самоотчуждением» и «Принятием внешнего влияния».

Обсуждение результатов

Проведенное исследование выявило некоторые закономерности и взаимосвязи в изучении феноменов аутентичности и самореализации. Полученные корреляции позволяют нам говорить об определенных тенденциях личности в своих проявлениях аутентичности и самореализации. Как видим, результаты корреляционного анализа отражают значительное количество связей. Отметим наиболее выраженные взаимосвязи.

Так, значимо соотношение ($r = 0,587^{**}$) «Аутентичной жизни» со шкалой «Процесс жизни», указывающей на способность человека воспринимать сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный, осознаваемый. Связь данных показателей говорит о стремлении человека ориентироваться на собственные смыслы и цели, желании уйти от существования по заданному стандарту и реализовать собственные интересы. Содержательна связь «Аутентичной жизни» с «Осмысленностью жизни» ($r = 0,575^{**}$), которая говорит об аутентичном существовании человека через принятие им смысложизненных решений и склонность полагаться на свой пройденный жизненный опыт и сформированные убеждения. Верно и обратное: чем больше человек отчуждается от самого себя и подвергается внешнему влиянию, тем более велика вероятность неаутентичного проживания своей жизни.

Сравнительно высокое значение связи «Аутентичной жизни» со шкалами «Глобальное самоотношение» ($r = 0,680^{**}$) и «Самоуважение» ($r = 0,707^{**}$) иллюстрирует приверженность человека собственным взглядам и принципам в своем аутентичном проживании. Такое соотношение в определенной степени детерминирует аутентичность личности: человек сохраняет верность самому себе, стремится реализовать себя, полагаясь на свою жизненную позицию, свой внутренний ресурс и заданные им самому себе цели и задачи. Данным соотношениям вторит связь с «Аутентичной жизнью» шкалы

«Самоуверенность» ($r = 0,561^{**}$), которая, кроме выраженности собственных установок личности, отражает требование к социуму принимать субъекта таким, какой он есть, выступающее некоторой опорой человеку в собственной реализации. Наличие связи «Аутентичной жизни» со шкалой «Самопонимание» ($r = 0,584^{**}$) говорит о том, что стремлению остаться самим собой сопутствует стремление осознавать свои действия, качества, способности. Понимание себя, своего потенциала, своих возможностей способствует стремлению более целесообразно выстраивать стратегию самореализации и следовать своему уникальному пути.

Важно уделить внимание взаимосвязи «Аутентичной жизни» со шкалой «Аутосимпатия» ($r = 0,497^{**}$). Это два согласующихся критерия. Действительно, обращаясь к себе подлинному и оставаясь честным с самим собой, человек обладает возможностью вернее оценить самого себя, и в то же время обладая адекватной самооценкой, субъект, не уподобляясь чему-то или кому-то, остается верным самому себе и имеет больше шансов выстроить свой уникальный жизненный путь. Говоря о шкале «Аутосимпатия», мы, в первую очередь, имеем в виду цельность личности, осознаваемую позитивную Я-концепцию, адекватную самооценку. Осознавая себя, свои возможности и ресурсы, свои цели, результаты и достижения, человек формирует действительный образ себя. Дополняет картину выраженная обратная связь «Аутосимпатии» со шкалой «Принятие внешнего влияния», которая выступает мерой неаутентичности и отражает степень готовности к подчинению социальным требованиям. Такая взаимосвязь показывает, что чем более подвержен человек внешнему влиянию, тем скорее снижается его самооценка и нарушается цельность личности, подавляется способность быть самим собой, а значит, снижается вероятность выбора именно своего собственного жизненного пути и реализации своего потенциала.

Заключение

Итак, проведенное исследование показало, что феномены аутентичности и самореализации действительно находятся во взаимосвязи друг с другом. Аутентичность, будучи интегративным феноменом, проявляется во взаимодействии с социальным окружением и предполагает честное отношение с собой и способность быть самим собой, что, в свою очередь, достигается через принятие самого себя, осознанность собственных действий, самопонимание и самопознание, следование своему истинному пути. Аутентичность, определяемая в любом статусе — будь то черта, способность или состояние — играет в структуре личности важную роль, которая способствует самоосуществлению человека, его саморазвитию и самореализации.

В завершение обозначим некоторые нюансы экспериментальной работы. Аутентичность, рассматриваемая нами преимущественно как черта или способность, по большей части закономерно соотносилась с личностными состояниями, с проявлениями человека, с характерологическими чертами или с иными характеризующими ее конструктами. Думается, потому объяснимо получение значительного количества связей в настоящем исследовании. Тем не менее, полученные корреляции в некоторых аспектах проясняют природу аутентичности, способствуют более детальному рассмотрению и описанию данного феномена.

Отметим ограничения исследования, к которым, во-первых, следует отнести недостаточно большую выборку. Во-вторых, видится целесообразным применение в дальнейших

исследованиях регрессионного анализа. Корреляционный анализ позволил установить наличие взаимосвязей и увидеть направление их характеристики, но можно предположить, что регрессионный анализ покажет, насколько сильно одна переменная изменится под влиянием другой (скажем, как аутентичность влияет на уровень самореализации личности).

Литература

1. Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И. Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105. doi:10.17759/psylaw.2021110108
2. Бочавер К.А., Данилов А.Б., Нартова-Бочавер С.К., Квитчастый А.В., Гаврилова О.Я., Зязина Н.А. Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 1. С. 58—77.
3. Гиньон Ч. Аутентичность // Омский научный вестник. Серия «Общество, история, современность». 2018. № 1. С. 66—74.
4. Джозеф С. Аутентичность: как быть собой. М.: Альпина Паблишер, 2019. 304 с.
5. Клементьева М.В. «Подлинное Я» как предиктор формирующейся взрослости студентов // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 3. С. 64—74
6. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб: Речь, 2005. 222 с.
7. Кулишевская И.В. Стратегии поведения как условие самореализации личности сотрудников ФСИН РФ: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2020. 230 с.
8. Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90—100.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
10. Нартова-Бочавер С.К., Ирхин Б.Д., Резниченко С.И. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве // Психология: журн. Высш. шк. экономики. 2020. Том 17. № 3. С. 500—549.
11. Нартова-Бочавер С.К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. Том 32. № 6. С. 18—29.
12. Пантелева О.Л. Взаимосвязь компонентов самореализации и самоактуализации студентов // Акмеология. 2019. № 1. С. 15—21.
13. Роджерс К.-Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: ИОИ, 2017. 240 с.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
15. Фромм Э. Иметь или быть? М.: АСТ, 2019. 320 с.
16. Barrett-Lennard G.T. Carl Rogers' Helping System: Journey and Substance / G.T. Barrett-Lennard. London: Sage Publications, 1998. 432 p.
17. Nartova-Bochaver S., Maltby J., Reznichenko S. The Authenticity Scale: Validation in Russian Culture // Frontiers in Psychology. 2021. № 1. P. 1380—1393.
18. Wood A. M., Linley A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale // Journal of Counseling Psychology. 2008. № 3. Vol. 55. № 3. P. 385—399.

References

1. Burcev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I. Issledovanie samorealizacii sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] [Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2021, Vol. 11, no. 1, pp. 90—105. doi:10.17759/psylaw.2021110108 (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Bochaver K.A., Danilov A.B., Nartova-Bochaver S.K., Kvitchastij A.V., Gavrilova O.Ja., Zjazina N.A. Perspektivy saljutogenogo podhoda k profilaktike sindroma vygoranija u rossijskih vrachej [Future of Salutogenic Approach to Prevention of Burnout Syndrome in Russian Physicians]. *Klinicheskaja i special'naja psihologija [Clinical and Special Psychology]*, 2019, Vol. 8, no. 1, pp. 58—77. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Gin'on Ch. Autentichnost' [Authenticity]. *Omskij nauchnyj vestnik. Serija 'Obshhestvo, istorija, sovremennost'' [Omsk Scientific Bulletin. Series 'Society. History. Modernity']*, 2018, no. 1, pp. 66—74. (In Russ.).
4. Dzhozef S. Autentichnost': kak byt' soboj [Authentic: how to be yourself]. Moscow: Alpina Publ., 2019. 304 p. (In Russ.).
5. Klement'eva M.V. 'Podlinnoe Ja' kak prediktor formirujushhejsja vzroslosti studentov [The 'Authentic Self' as a Predictor of Emerging Adulthood in Students]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2020, Vol. 25, no. 3, pp. 64—74. (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Korostyleva L.A. Psihologija samorealizacii lichnosti: zatrudnenija v professional'noj sfere [Psychology of personal self-realization: difficulties in the professional sphere]. Saint-Petersburg: Publ. Rech', 2005. 222 p.
7. Kulishevskaja I.V. Strategii povedenija kak uslovie samorealizacii lichnosti sotrudnikov FSIN RF. Diss. kand. psihol. nauk. [Behavior strategies as a condition for self-realization of the personality of employees of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2020. 230 p.
8. Leont'ev D.A., Shil'manskaja A.E. Zhiznennaja pozicija lichnosti: ot teorii k operacionalizacii [Personal life position: making theoretical notions operational]. *Voprosy psihologii [The questions of psychology]*, 2019, no. 1, pp. 90—100. (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. Maslou A. Motivacija i lichnost'. 3-e izd. [Motivation and personality]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2019. 400 p. (In Russ.).
10. Nartova-Bochaver S.K., Irhin B.D., Reznichenko S.I. Dispozicional'naja autentichnost' vo vnutrilichnostnom prostranstve [Trait Authenticity in the Intrapersonal Space]. *Psihologija: zhurn. Vyssh. shk. Jekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2020, Vol. 17, no. 3, pp. 500—549. (In Russ., Abstr. in Engl.).
11. Nartova-Bochaver S.K. Ponjatie autentichnosti v zarubezhnoj psihologii lichnosti: istorija, fenomenologija, issledovanija [Understanding of authenticity in foreign psychology of personality: history, phenomenology, researches]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*, 2011, Vol. 32, no. 6, pp. 18—29. (In Russ., Abstr. in Engl.).
12. Panteleeva O.L. Vzaimosvjaz' komponentov samorealizacii i samoaktualizacii studentov [Correlation of students' self-realization and self-actualization]. *Akmeologija [Acmeology]*, 2019, no. 1, pp. 15—21. (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Rodzhers K.-R. Stanovlenie lichnosti: vzgljad na psihoterapiju [On becoming a person: a therapist's view of psychotherapy]. Moscow: IOI Publ., 2017. 240 p. (In Russ.).
14. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress Publ.,

Вачков И.В., Храмова Т.К.
Аутентичность и самореализация личности в период
ранней взрослости
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 14–24.

Vachkov I.V., Khramova T.K.
Authenticity and Self-realization of
Personality in Early Adulthood
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 14–24.

1990. 368 p. (In Russ.).

15. Fromm Je. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?] Moscow: AST Publ., 2019. 320 p. (In Russ.).

16. Barrett-Lennard G.T. *Carl Rogers' Helping System: Journey and Substance*. London: Sage Publications, 1998. 432 p.

17. Nartova-Bochaver S., Maltby J., Reznichenko S. The Authenticity Scale: Validation in Russian Culture. *Frontiers in Psychology*, 2021, no. 1, pp. 1380—1393.

18. Wood A. M., Linley A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S. The Authentic Personality: A Theoretical and Empirical Conceptualization and the Development of the Authenticity Scale. *Journal of Counseling Psychology*, 2008, Vol. 55, no. 3, pp. 385—399.

Информация об авторах

Вачков Игорь Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-7427>, e-mail: vachkoviv@mgppu.ru

Храмова Татьяна Константиновна, магистр психологии, психолог-консультант, Международная профессиональная ассоциация психологов (МПАП), Люберцы, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5797-8531>, e-mail: liketolive@list.ru

Information about the authors

Igor V. Vachkov, Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7784-7427>, e-mail: vachkoviv@mgppu.ru

Tatyana K. Khramova, Master of Psychology, Consulting Psychologist, International Professional Association of Psychologists, Lyubertsy, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5797-8531>, e-mail: liketolive@list.ru

Получена 31.10.2021

Принята в печать 10.11.2021

Received 31.10.2021

Accepted 10.11.2021

Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя

Семья Г.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9583-8698>, e-mail: gvsemia@yandex.ru

В статье анализируются результаты сравнительного анализа постинтернатной адаптации выпускников детских домов 2001 (N=968) и 2021 (N=1792) годов. В связи с активным развитием семейных форм устройства детей-сирот в выборку 2021 года включены выпускники из замещающих семей (N=1413). Исследование проводилось по анкете 2001 года, содержащей вопросы, касающиеся основных сторон жизни после выпуска: жизненные ценности и планы на будущее; образование; трудоустройство; семейная жизнь; организация своего досуга; асоциальное поведение, с поправками на реалии сегодняшнего законодательства. Показаны изменения, произошедшие за 20 лет в государственной политике в отношении детей-сирот и выпускников из их числа. Значимые изменения наблюдаются в субъективной оценке выпускниками своей готовности к самостоятельной жизни и их психологическом самочувствии. Сравнительный анализ выявил количественные изменения в разных сферах жизни за этот период, однако сам перечень проблем выпускников остался без изменения. Неожиданным результатом оказалось отсутствие ожидаемых значимых различий по ряду показателей в адаптации выпускников организаций для детей-сирот и из замещающих семей 2021 года, которое может быть объяснено тем фактом, что приемные родители в основном не готовят приемных детей к самостоятельной жизни, в то время как специалисты организаций для детей-сирот сопровождают своих выпускников до 23 лет.

Ключевые слова: выпускник, организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, замещающая семья, детский дом, адаптация, самостоятельная жизнь.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00041-21-03 от 11.06.2021 «Научно-методическая разработка системы оценки готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускников замещающих семей к самостоятельному проживанию и успешности социальной адаптации после выпуска из организаций и завершения пребывания в замещающих семьях».

Семья Г.В.
Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 25–41.

Semya G.V.
Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 25–41.

Благодарности: Автор благодарит за помощь в обработке статистических данных, готовность к обсуждению и анализу Зайцева Г.О., к. ф-м н.

Для цитаты: *Семья Г.В.* Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 25–41. DOI:10.17759/psylaw.2021110403

Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later

Galina V. Semya

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: ivanov@yandex.ru

The article looks into the results of the comparative analysis of post-orphanage adaptation among the orphanages graduates of years 2001 (N=968) and 2021 (N=1792). Due to the active development of family-oriented forms of adoption of orphaned children, the year 2021 sample also included children graduates from foster families (N=1413). The study was conducted using the questionnaire from 2001 containing questions about major aspects of graduates' lives: life values and plans for the future, education, employment, family life, recreational activities, asocial behavior (with adjustments for the realities of today's legal system). Changes have been shown that occurred over 20 years in governmental policies toward orphan children and orphan graduates. Significant changes are observed in the graduates' subjective assessments of their own preparedness for independent living and of their psychological well-being. The comparative analysis revealed that only quantitative changes occurred in different aspects of their lives, while the list of the graduates' problems remained the same. Quite unexpectedly, it turned out that there are no significant differences for a number of adaptation parameters between graduates of organizations for orphaned children and those from substitute families of 2021. This can be explained by the fact that foster parents generally don't prepare their fostered children for independent living, whereas professionals of orphanage institutions support their ex-wards children until the latter turn 23.

Keywords: graduate, organization for orphans and children left without parental care, substitute family, orphanage, adaptation, independent life.

Funding: The study was carried out within the framework of the State assignment of the Ministry of Education of Russia No. 073-00041-21-03 dated 11.06.2021 'Scientific and methodological development of a system for assessing the readiness of graduates of organizations for orphans and children left without parental care, graduates of substitute families to live independently and the success of social adaptation after graduation from organizations and completion of stay in substitute families'.

Acknowledgements: The author is grateful to G.O. Zaitsev. PhD in Physics and Maths, for his help in processing statistical data, readiness for discussion and analysis.

For citation: Semya G.V. Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 25–41. DOI:10.17759/psylaw.2021110403 (In Russ.).

Введение

Выпускники организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и их проблемы стали фокусом внимания федеральных и региональных властей, специалистов в самом конце прошлого века. Единственным источником статистических данных была форма госстатистики Д-13, которая учитывала только молодых людей, находящихся в системе образования, и позволяла увидеть движение контингента детей: сколько поступило в ПТУ, институты, сколько начали работать.

Первое широкомасштабное исследование проблем выпускников в постинтернатный период было проведено в 2001 году по специально разработанным анкетам, в котором приняли участие 968 молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст которых составляет 20,1 лет [7].

С тех пор произошли существенные изменения в сфере защиты прав детей-сирот и лиц из их числа. С 2006 года начали активно развиваться различные формы семейного устройства детей-сирот, в результате чего существенно изменился контингент детей в детских домах [4]. К настоящему времени в организациях для детей-сирот находится под надзором более 80% воспитанников подросткового возраста, около 50% сиблингов и более 40% детей с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью. Это привело к тому, что изменилось и соотношение выпускников: если из детских домов число молодых людей составляло в 2019 году 8724 чел., то из замещающих семей 44565 чел. Были внесены поправки в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [17], гарантирующие дополнительные льготы обучающимся молодым людям, оставшимся без попечения родителей. Самые значительные изменения произошли в реализации права детей-сирот на получение бесплатного жилья, что позволило значительно сократить время его ожидания с десятков лет до года во многих регионах [14]. В 2010 г. Президент Российской Федерации дает поручение о разработке и внедрении программ социальной адаптации и сопровождения выпускников детских домов. В результате все субъекты Российской Федерации приняли соответствующие региональные программы. Развиваются такие формы подготовки к самостоятельной жизни, как группы постинтернатной адаптации, социальные гостиные, тренировочные квартиры [3], центры сопровождения выпускников; у выпускников и воспитанников появляются наставники [14]. Принципиальные изменения в системе институционального воспитания детей начались в результате исключения детских домов как образовательных учреждений из нового Закона об образовании (2013 г.), внесении поправок в Семейный кодекс Российской Федерации о временном нахождении детей-сирот в детских домах и принятия Постановления Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей») [9]. В нем

вводится новая классификация организаций для детей-сирот, положения о совместном (инклюзивном) проживании всех категорий детей по семейному типу, об обязательной подготовке воспитанников к самостоятельной жизни, о получении образования только вне стен детского дома. Теперь выпускник может временно на период учебы жить в своей организации для детей-сирот, которая остается попечителем ребенка на этот период. В Плане основных мероприятий по реализации Десятилетия детства до 2027 года содержатся меры по реализации прав выпускников (жилье, учеба, трудоустройство и пр.), в том числе по развитию постинтернатного сопровождения [16].

В научной сфере ведутся исследования по определению социально-психологического статуса выпускника, изучение проблем постинтернатной адаптации молодых людей [1; 2; 6; 8; 12; 13; 16]. К общеизвестным характеристикам (иждивенчество, непонимание материальной стороны жизни, отношений собственности, низкий уровень трудовой мотивации, неготовность жить одному и пр. [16; 20] добавляются новые: рентные установки, рецептивные ориентации, повышенный уровень виктимности [10]. Было показано, что в организации для детей-сирот условия жизни и воспитания формируют у воспитанников особую внутреннюю позицию «я — ничейный». Вступление в самостоятельную жизнь, где многие блага общества отчуждены от него, приводит к тому, что внутренняя позиция выпускника становится отчужденной ко всему социуму, его позиция «ничейного» перерастает в позицию «один — против всех» [11].

Многие зарубежные концепции поддержки молодых людей, покидающих учреждения, где они воспитывались, в основном опираются на такие категории, как стресс, риск, потребности, жизнестойкость и пр. [21, 22, 23, 24] Разрабатываются концепции повышения эффективности и успешности работы с молодыми людьми, выходящими из-под опеки, построенные на принципе — «позволить молодым людям самим принимать решения и всегда оставлять для них возможность вернуться». Метафора «всегда открытой двери» отражает психологическую потребность в наличии «тыла», которая может реализовываться для выпускников из семейной опеки [5].

В связи с такими законодательными переменами большой интерес представляет оценка изменений в сфере постинтернатной адаптации. В 2021 году нами было проведено аналогичное 2001 году исследование с использованием той же анкеты, но с учетом современных реалий — был добавлен ряд вопросов, и в число опрашиваемых были включены выпускники, вышедшие из семейных форм попечительства.

Выборка

В опросе 2021 года приняли участие 1792 выпускника организаций для детей-сирот и 1413 выпускников замещающих семей из 85 регионов России в возрасте от 18 до 23 лет. Средний возраст составил 20,4 года. Из них 41% выпускников учатся в колледже, 11% — в вузе, 9% официально работают, 8% находятся в декретном отпуске, 8% не учатся и не работают.

В опросе 2001 года приняли участие 968 молодых людей из 9 субъектов Российской Федерации в возрасте от 18 до 23 лет, средний возраст которых составил 20,8 лет. Из них 23% молодых людей учились в ПТУ, 9% — в колледже и 8% — в вузе, 40% работали, 4% находились в декретном отпуске и 3% выпускников не учились, не работали и жили на социальные пособия.

Исследование выпускников проводилось специалистами детских домов, которые прошли

специальный инструктаж. Респонденты были ознакомлены с целями и задачами опроса. Заполнение анкеты занимало не более 30 минут и было анонимным.

При описании результатов исследования используются для трех групп выпускников следующие сокращения: группа выпускников, заполнивших анкету в 2001 году (далее — В01); группа выпускников, заполнивших анкету в 2021 году, из организаций для детей-сирот и из замещающих семей (далее В021 и ВС21 соответственно).

Программа исследования и методы

Цель исследования — провести сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников организаций для детей-сирот (детских домов) 2001 года [7] и выпускников 2021 года институционального и семейного воспитания. Автор статьи является организатором обоих исследований.

В 2001 году опрашивались выпускники 9 регионов, которые поддерживали связь со своим детским домом и их знакомые выпускники. В 2021 году опрос проводился во всех субъектах Российской Федерации с использованием гугл-формы. Информацию о возможности участия в опросе молодые люди получали от специалистов служб сопровождения выпускников.

В соответствии с целями в основу исследования была положена анкета 2001 года, в которую включен ряд новых вопросов (не более 15%) в связи с современными реалиями, дополнительными правами и участием выпускников из замещающих семей.

Анкета для выпускников включала вопросы на выяснение фактов, касающихся основных сторон жизни после выпуска: оценка готовности к самостоятельной жизни, жизненные ценности и планы на будущее, образование (уровень, достаточность для реализации жизненных планов), трудоустройство — работа, жилищно-бытовые условия, семейная жизнь, организация своего досуга (свободного времени, отдыха), взаимодействие и общение с разными людьми, различными государственными структурами, инстанциями, а также демографические данные.

Результаты и обсуждение

Оценка готовности к самостоятельной жизни. В табл. 1 приведены сведения об оценке готовности выпускников к самостоятельной жизни, которая показывает значительное за 20 лет увеличение числа молодых людей, считающих, что их хорошо подготовили к самостоятельной жизни. Очевидно, что изменение законодательства в сфере обеспечения выпускников жилыми помещениями, выделение финансирования регионам на строительство и приобретение жилья, внедрение программ подготовки, привело к увеличению примерно в 1,5 — 2 раза числа выпускников, готовых к решению жилищных проблем, бытовых проблем, самообеспечению, решению сложных жизненных проблем.

Выпускники 2021 года из замещающих семей незначительно лучше считают себя готовыми к продолжению образования, выбору профессии, оплате коммунальных услуг.

Таблица 1

Результаты оценки качества подготовки к самостоятельной жизни выпускниками целевых групп

Оцените, насколько хорошо подготовленными к	Выпускники		
	замещающи	организаци	детских

самостоятельной жизни Вы оказались (вне организации/замещающей семьи)	х семей 2021 г.	й для детей-сирот 2021 г.	домов, 2001 г.
К продолжению образования	84%	81%	66%
К выбору профессии	83%	80%	68%
К трудовой деятельности	85%	84%	72%
К решению жилищных проблем	72%	70%	36%
К созданию собственной семьи	73%	71%	47%
К взаимодействию, общению с различными людьми	89%	89%	62%
К решению бытовых проблем (оплата коммунальных услуг, вызов ремонтного мастера и т. д.)	81%	76%	50%
К самообеспечению (покупка одежды, обуви, питание и т. д.)	88%	88%	63%
К заботе о своем здоровье	91%	89%	60%
К защите своих прав и интересов	76%	79%	42%
К решению сложных жизненных проблем, конфликтных ситуаций	75%	76%	37%
К организации своего досуга	92%	88%	66%

Полученные сведения о трудностях выпускников в самостоятельной жизни позволили сравнить субъективную оценку готовности к самостоятельной жизни по основным параметрам с реальными проблемами выпускников (рис.1 и рис.2).

Из сравнения видно, что оценка своей готовности у выпускников 2021 года достаточно высокая и сформированных жизненных компетенций хватает для решения реальных проблем в постинтернатный период (за исключением создания собственной семьи).

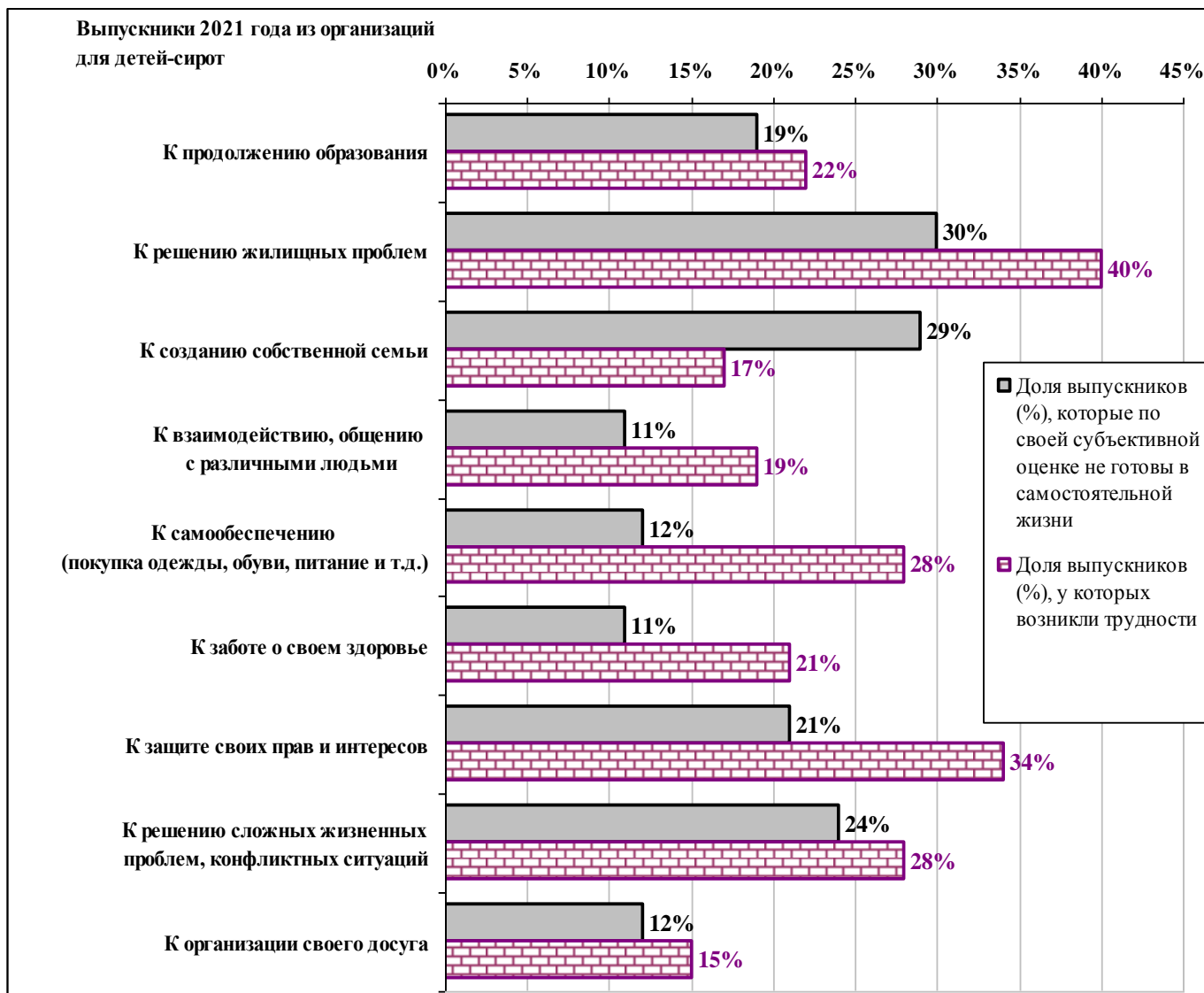

Рис. 1. Оценка выпускниками 2021 года своей готовности к самостоятельной жизни и перечень проблем, вызвавших у них трудности в период адаптации

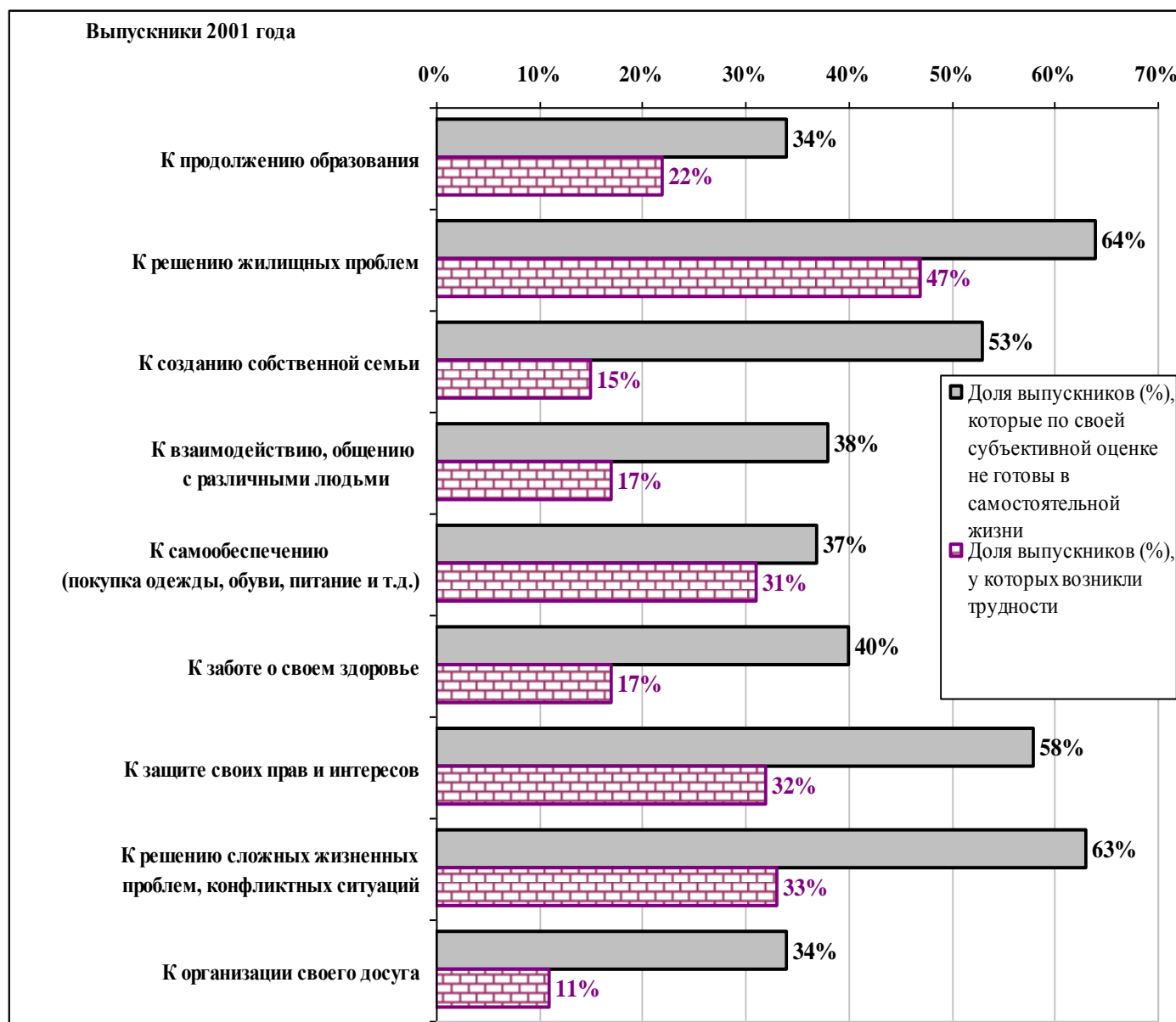

Рис. 2. Оценка выпускниками 2001 года своей готовности к самостоятельной жизни и перечень проблем, вызвавших у них трудности в период адаптации

В то же время выпускники 2001 года оценивают свою готовность существенно ниже, и, в первую очередь, они не готовы решать жилищные проблемы вместе с бытовыми (оплата коммунальных услуг, вызов ремонтного и пр.), а также разрешать конфликтные ситуации. Вероятно, это связано с существующей в то время закрытостью детских домов, долгим временем нахождения в условиях институционализации и необязательностью подготовки воспитанников к самостоятельной жизни. Кроме того, анкету заполняют выпускники, которые уже столкнулись с проблемами в самостоятельной жизни, и у них могла произойти переоценка своей готовности. У молодых людей 2001 года ситуация оказывается

противоположной: ситуация неопределенности перед самостоятельной жизнью приводит к существенно заниженной оценке своих возможностей.

Жизненные ценности и планы на будущее. В табл. 2 приведены ответы выпускников всех целевых групп о значимости жизненных ценностей.

Таблица 2

Ответы выпускников целевых групп на вопрос «Что лично для Вас ценно в жизни?»

№ п/ п	Что лично для Вас ценно в жизни?	Выпускники			
		2021 год			2001 год
		организация	Замещающая семья	Общая выборка 21	Детские дома
1	Материально обеспеченная жизнь	54%	52%	53%	74%
2	Здоровье	53%	52%	53%	74%
3	Счастливая семейная жизнь	43%	43%	43%	54%
4	Интересная работа	26%	29%	28%	51%
5	Любовь	22%	25%	24%	44%
6	Наличие хороших и верных друзей	20%	20%	20%	46%
7	Активная деятельная жизнь	16%	19%	17%	20%
9	Уверенность в себе	15%	12%	13%	34%
10	Максимально полное использование своих возможностей, сил, способностей	14%	15%	15%	12%
11	Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	10%	9%	9%	18%
12	Развлечения и отдых	8%	8%	8%	19%
13	Возможность творческой деятельности	6%	5%	5%	4%
14	Другое	4%	3%	3%	4%
	Всего выпускников	1792	1413	3205	968

В ранговой последовательности на первом месте во всех выборках стоят материально обеспеченная жизнь и здоровье, хотя их выраженность примерно в полтора раза была выше 20 лет тому назад.

На втором месте во всех выборках — счастливая семейная жизнь: ее ценят меньше половины выпускников 2021 года (43%) и 51% выпускников 2001 года. В реальности создали свою семью после одного года самостоятельной жизни 10% выпускников 2001 года, а через 6 лет после выпуска имеют семью уже 21%. Среди тех, кто удовлетворен семейной жизнью, 45% имеют детей и среди тех, кто «скорее удовлетворен, чем нет», — 21%.

Только 10% выпускников из замещающих семей в настоящее время зарегистрировали свой брак и 16% живут без регистрации, дети есть у 16%, а семейной жизнью удовлетворены 53% и «скорее да, чем нет» — еще 20%. Среди выпускников организаций для детей-сирот

женатых/замужем 12% и сожительствуют еще 20%, дети есть у 19%, а довольны семейной жизнью 47% и еще 20%, ответивших «скорее да, чем нет».

На третьем месте в каждой выборке стоит ценность работы. Для каждого второго выпускника начала века значима интересная работа (51%), а вот для современных выпускников значимость работы упала до 28%. В выборке 2001 года уже работали 40% молодых людей после первого года выпуска. Среди современных выпускников работают официально с трудовой книжкой в два раза меньше — 19% и неофициально подрабатывают 6% молодых людей из детских домов, из замещающих семей — 14% и 10% соответственно. Существенное различие объясняется тем, что в последние годы большая часть молодых людей продолжают свое обучение.

Наибольшие различия между группами выпускников всех форм устройства 2021 и 2001 годов получены по таким жизненным ценностям, как наличие хороших и верных друзей (20% и 46%, соответственно), уверенность в себе (13% и 34%), любовь (24% и 44%), самостоятельность, независимость в суждениях и поступках (9% и 18%), развлечение и отдых (8% и 19%).

Последний ранг занимает в обеих выборках ценность возможности творческой деятельности (5% и 4%), несмотря на то, что в организациях для детей-сирот воспитанники все время участвуют в различных творческих мероприятиях, посещают различные кружки и т. д.

Образование и профессия. Получение качественного образования всегда рассматривалось как социальный лифт для детей, оставшихся без попечения родителей. На вопрос, хватает ли полученного образования для выполнения своих жизненных планов, 20% выпускников двадцать лет тому назад ответили положительно и еще 16% были склонны согласиться с этим. Сегодня 30% выпускников из организаций и 32% семейной опеки говорят «да», и к ним добавляются 25% и 29% молодых людей соответственно, которые скорее согласны с этим утверждением, чем нет.

При этом 25% «семейным» выпускникам обучение дается легко, без особых усилий, 38% молодых людей — с небольшими усилиями. Труднее тем, кто вышел из институциональной опеки — только 17% справляются с учебой без усилий, с небольшим напряжением — 20%, а 25% обучающихся испытывают значительные трудности.

Двадцать лет назад легко, без усилий учились 17% выпускников и еще 23% — с небольшими усилиями в системе начального профессионального образования, 7% и 15% — в системе среднего профтехобразования соответственно. Большинство молодых людей пользовались правом на второе бесплатное начальное профессиональное образование, тем самым продлевая для себя время нахождения на полном государственном обеспечении, не утруждая себя учебой.

Выбором своей профессии довольны 59% молодых людей группы В01 и затрудняются с ответом 26%. Молодые люди, недовольные своей профессией, объяснили это тем, что при близком знакомстве с профессией она оказалась неинтересной, не соответствующей способностям и возможностям, непрестижной, малооплачиваемой. Получить новую профессию и работать в будущем по ней хотят 36%.

В выборке современных выпускников организаций для детей-сирот и приемных семей довольны выбором профессии 62% и 66% соответственно, затрудняются с ответом 22% и 22%; хотят получить другую профессию и работать в будущем по ней 27% и 24% и думает

об этом еще 21% и 19% соответственно.

Асоциальный образ жизни. На вопрос о наличии проблем был получен 3131 ответ от 2662 выпускников 2021 года. На первом месте проблемы с наркотиками — 39%, с алкоголем — 25%, с курением — 19%, со здоровьем — 17%. После выхода в самостоятельную жизнь проблемы с законом (задерживание за какие-либо правонарушения) были у 12% выпускников детских домов и в два раза меньше у выпускников из замещающих семей (6%). Судимость имели 5% выпускников группы ВО21 и 2% — группы ВС21.

Более подробно данная тема была изучена в 2001 году. Вопрос задавался не напрямую, а спрашивали о знакомых выпускниках из своего детского дома. В результате сложилась следующая картина: 10% очень часто и часто имели наркотическую зависимость (иногда пробовали — 31%), 28% — имели алкогольную зависимость (иногда употребляли — 53%), попадали под влияние преступных группировок, втягивались в противоправную деятельность 15% (иногда — 40%), совершали правонарушения 21% (иногда — 54%), начинали заниматься проституцией 9% (иногда — 30%).

Общественная активность. Данная проблема изучалась только для выпускников 2021 года. Участие в выборах любого уровня в европейских странах считается критерием успешной адаптации выпускников. Участвовали в выборах (местных депутатов / депутатов в Государственную Думу Российской Федерации / Президента Российской Федерации) 58% выпускников организаций и 47% — из замещающих семей. Были избраны в общественные органы, студенческие или иные советы, были старостой учебной группы 19% и 26% молодых людей групп ВО21 и ВС21; стали членами общественной организации выпускников детских домов (либо другой аналогичной организации) 7% и 11% соответственно.

Психологическое самочувствие и будущая жизнь. На вопрос «Можете ли вы сказать, что вы уже устроились, приспособились и чувствуете себя комфортно в жизни после выхода из стен организации/замещающей семьи?» в 2021 году одинаковый процент выпускников замещающих семей и организаций для детей-сирот (63%) ответили утвердительно и 17% — отрицательно. В равном положении с теми, кто никогда не жил в организации/замещающей семье, чувствовали себя 71% «семейных» молодых людей (14% сталкивались постоянно со стигматизацией в отношении них в обществе) и 66% молодых людей из организаций для детей-сирот (15% не смогли устроиться в жизни).

В 2001 году устроились в жизни и комфортно чувствовали себя только 39% выпускников, а 38% молодых людей не смогли приспособиться и адаптироваться. В равном положении с другими чувствовали себя 35% выпускников, а 40% считали себя отличными от других. Одной из причин такого дискомфорта может быть бытующее в то время у населения представление о детях-сиротах как о беспризорниках, преступниках.

Выпускникам был задан вопрос о том, что они думают о своем будущем, на который в 2021 году 62% выпускников семейной опеки и 73% молодых людей из организаций ответили, что уверены, что у них все будет хорошо, что они достигнут того, чего хотят; 19% и 18% соответственно затруднились сказать что-то определенное и только 1% ничего хорошего не ждут.

В два раза меньше выпускников 2001 года (38%) были уверены в том, что у них все будет хорошо, они сумеют добиться того, чего хотят; 23% были не совсем уверены в том, что все будет благополучно и считали, что могут возникнуть трудности и препятствия; 13% полагали, что придется нелегко, возникнет много проблем и трудностей на жизненном пути.

Ничего хорошего от будущего не ждали почти 4% молодых людей.

Заключение

Сравнительный анализ всегда позволяет оценить не только изменения, которые происходят с молодыми людьми, их субъективными оценками, но и сделать предположения о причинах изменений. Существенно выросла оценка собственной готовности к самостоятельной жизни, снизилась в два раза ценность работы и в два раза выросла уверенность в успешности в будущем. Различия в выборках выпускников начала века и сегодняшнего дня были ожидаемы, как по формальным, внешним, показателям, так и по внутренним ощущениям молодых людей (внутренняя оценка), в связи со значительными изменениями в институциональной жизни воспитанников, развитием института сопровождения выпускников, наставничеством и просветительской работой в обществе. В большей степени эти различия проявились в сравнении самими выпускниками себя с другими, чувстве равенства и комфорта в жизни.

А вот наличие только незначительных различий между выпускниками семейной формы воспитания и выпускниками организаций для детей-сирот оказалось неожиданным результатом. Всегда предполагалось, что погружение ребенка в семейную среду обеспечивает формирование традиционных семейных ценностей, лучшую по сравнению с организацией естественную подготовку к самостоятельной жизни. Исследование показало, что в самостоятельной жизни готовность и ресурсность выпускников из замещающих семей к решению проблем адаптации не оказались значимо выше, чем у молодых людей из организаций для детей-сирот. Возможная причина — имплицитные проблемы, связанные с непростым, стрессовым детством в неблагополучной семье или высокий уровень подготовки в организациях. Кроме того, надо учитывать обязательность подготовки выпускников к самостоятельной жизни в организациях и их сопровождения. Но в любом случае это означает необходимость, в первую очередь, пересмотреть содержание сопровождения замещающих семей, которое сегодня направлено в основном на адаптацию ребенка в семье и решение кризисных ситуаций, обратив внимание на такие вопросы, как помощь в выборе профессии, построении образовательной траектории; а также разработать критерии оценки готовности выпускников семейного воспитания к самостоятельной жизни (для институциональных выпускников их огромное количество). Следующим шагом в обеспечении успешности выпускников в постинтернатный период должны стать разработка и внедрение стандарта подготовки к самостоятельной жизни и стандарта сопровождения выпускников.

Литература

1. *Бобылева И.А., Заводилкина О.В.* Подготовка воспитанников интернатных учреждений к самостоятельной жизни // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 1. С. 6—15.
2. *Бобылева И.А., Заводилкина О.В.* Проявления самостоятельности у выпускника детского дома: взгляд специалиста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 123—137
3. *Бобылева И.А., Заводилкина О.В., Русаковская О.А.* Тренировочная квартира как формирующая среда для детей-сирот с ОВЗ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 60—74.

Семья Г.В.
Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 25–41.

Semya G.V.
Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 25–41.

4. Доклад по итогам мониторинга эффективности реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017. Том 1 / Науч. ред. В.В. Рубцов, Г.В. Семья. М., 2018.
5. *Зайцева Н.Г., Семья Г.В.* Система поддержки выпускников, выходящих из-под государственной опеки: зарубежный опыт // Вестник МГАДА. 2012. № 1(13). С. 24—42
6. *Левин С.А., Панов А.И., Юдицева Н.Н., Семья Г.В.* Социально-психологические технологии постинтернатной адаптации выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М.: БФ «Слово», 1999. 144 с.
7. *Майоров Н.А., Чепурных Е.Е., Лебедев О.Е., Семья Г.В.* Социализация и образование социальных сирот. Социальная адаптация выпускников интернатных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей: доклад. М.: Интеллект-центр. 2002.
8. *Маркелов К.А.* Роль детских домов в успешной социализации детей-сирот // Вестник Тывинского государственного университета. 2016. № 8. С. 89—96.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (дата обращения: 02.11.2021).
10. *Семья Г.В.* Основы психологической защищенности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Развитие личности. 2004. № 1. С. 28—46.
11. *Семья Г.В.* Психологическая защищенность детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях институционализации и замещающей семьи // Психологическая наука и образование. № 3. 2009. С. 24—31.
12. *Семья Г.В.* Условия психологической и социальной защищенности выпускников образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М., 2011. 136 с.
13. *Семья Г.В., Головань А.И., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г.* Результаты проведения статистического и психологического исследования положения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в городе Москве / Науч. ред. Г.В. Семья. М. 2014. 140 с.
14. *Семья Г.В., Телицина А.Ю.* Роль некоммерческих организаций и института добровольчества в реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы // Психологическая наука и образование. 2016. Том 21. № 1. С. 168—183.
15. *Семья Г.В.* Жизнеустройство и сопровождение в постинтернате лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. М., 2012. 128 с.
16. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71684480/#friends> (дата обращения: 02.05.2021).
17. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10135206/> (дата обращения: 02.11.2021).
18. *Цветкова И.А.* Особенности ресоциализации выпускников сиротских учреждений: дисс. ... канд. соц. наук. Казань, 2016.
19. *Шульга Т.И.* Смысложизненные ориентации выпускников интернатных учреждений //

Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 25–41.

Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 25–41.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 1. С. 5—11.

20. Шульга Т.И. Социально-психологические проблемы выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 3. С. 68—75.

21. Gabriel T., Keller S., Bombach C. Vulnerability and Well-Being Decades After Leaving Care // *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 12. P. 1–11. doi:10.3389/fpsyg.2021.577450

22. Gates L. B., S Pearlmutter., Keenan K., Divver C., Gorroochurn P. Career readiness programming for youth in foster care. *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 89. P.152—164. doi:https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2018.04.003.

23. Häggman-Laitila A., Salokkila P., Karki S. Transition to adult life of young people leaving foster care: A qualitative systematic review [Электронный ресурс] // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 95. P. 134–143. doi:10.1016/j.chilyouth.2018.08.017.

24. McGuire A., Jackson Y. Dimensions of maltreatment and academic outcomes for youth in foster care [Электронный ресурс] // *Child Abuse & Neglect*. 2018. Vol. 84. P. 82—94. doi:10.1016/j.chiabu.2018.07.029.

References

1. Bobyleva I.A., Zavidilkina O.V. Podgotovka vospitannikov internatnykh uchrezhdenii k samostoyatel'noi zhizni [Preparation of boarding school students for independent life]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences]*, 2015, no. 1, pp. 6—15. (In Russ.).

2. Bobyleva I.A., Zavidilkina O.V. Proyavleniya samostoyatel'nosti u vypusknika detskogo doma: vzglyad spetsialista [Manifestations of independence in a graduate of an orphanage: a specialist's view]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences]*, 2016, no.4, pp. 123—137. doi:10.18384/2310-7235-2016-4-123-137 (In Russ.).

3. Bobyleva I.A., Zavidilkina O.V., Rusakovskaya O.A. Trenirovochnaya kvartira kak formiruyushchaya sreda dlya detei-sirot s OVZ [Training apartment as a formative environment for orphans with disabilities]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences]*, 2018, no. 3, pp. 60—74. doi:10.18384/2310-7235-2018-3-60-74 (In Russ.).

4. Doklad po itogam monitoringa effektivnosti realizatsii Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012-2017 [Report on the results of monitoring the effectiveness of the implementation of the National Strategy of Actions in the Interests of Children for 2012-2017]. In G.V. Semya, I.E. Kalabikhina, A.M. Spivak, E.I. Tsymbal, A.V. Kuchmaeva, N.G. Zaitseva, A.A. Shvedovskaya (eds.) by V.V. Rubtsova, G.V. Semya. Moscow: Edition of the Federation Council Publ., 2018, Vol. 1. 272 p.

5. Zaitseva N.G., Sem'ya G.V. Sistema podderzhki vypusknikov, vykhodyashchikh iz-pod gosudarstvennoi opeki: zarubezhnyi opyt [The system of support for graduates leaving state guardianship: foreign experience]. *'Vestnik MGADA' [Bulletin of MGADA]*, 2012, no. 1 (13), pp. 24—42. (In Russ.).

6. Levin S.A., Panov A.I., Yuditseva N.N., Sem'ya G.V. Sotsial'no-psikhologicheskie tekhnologii

postinternatnoi adaptatsii vypusnikov obrazovatel'nykh uchrezhdenii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [Socio-psychological technologies of post-international adaptation of graduates of educational institutions for orphans and children left without parental care]. Moscow, BF 'Slovo' Publ., 1999. 144 p.

7. Maiorov N.A., Chepurnykh E.E., Lebedev O.E., Sem'ya G.V. Sotsializatsiya i obrazovanie sotsial'nykh sirot. Sotsial'naya adaptatsiya vypusnikov internatnykh uchrezhdenii dlya detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei: Doklad [Socialization and education of social orphans. Social adaptation of graduates of boarding schools for children left without parental care: Report] comp. In O.E. Lebedev, A.N. Maiorov, E.E. Chepurnykh, V.I. Zolotukhina, G.V. Sem'ya (eds.) by A.N. Maiorova. Moscow: 'Intellekt-tsentr', 2010. 208 p.

8. Markelov K.A. Rol' detskikh domov v uspekhnoy sotsializatsii detei-sirot [The role of orphanages in the successful socialization of orphans] (eds) K.A. Markelov. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tyva State University]*, 2016, no. 8, pp. 89—96. (In Russ.).

9. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 24 maya 2014 g. № 481 'O deyatel'nosti organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, i ob ustroistve v nikh detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei' [Elektronnyi resurs] [Decree of the Government of the Russian Federation of 24 May 2014 № 481 'On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them']. Available at: <https://base.garant.ru/70661542/> (Accessed 02.11.2021).

10. Sem'ya G.V. Osnovy psikhologicheskoi zashchishchennosti detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [Fundamentals of psychological protection of orphans and children left without parental care]. *Razvitie lichnosti [Personality development]*, 2004, no. 1, pp. 28—46. (In Russ.).

11. Sem'ya G.V. Psikhologicheskaya zashchishchennost' detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, v usloviyakh institutsionalizatsii i zameshchayushchei sem'i [Psychological Safety of Children Left without Parental Care under the Conditions of Institutionalization or a Substitute Family]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2009, Vol. 14, no. 3, pp. 24—32. (In Russ., Abstr. in Engl.).

12. Sem'ya G.V. Usloviya psikhologicheskoi i sotsial'noi zashchishchennosti vypusnikov obrazovatel'nykh uchrezhdenii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei [Conditions of psychological and social protection of graduates of educational institutions for orphans and children left without parental care]. Moscow, 2011. 136 p.

13. Sem'ya G.V., A.I. Golovan', G.O. Zaitsev, N.G. Zaitseva. Rezul'taty provedeniya statisticheskogo i psikhologicheskogo issledovaniya polozheniya vypusnikov organizatsii dlya detei-sirot i detei, ostavshikhsya bez popecheniya roditelei, v gorode Moskve [The results of a statistical and psychological study of the situation of graduates of organizations for orphans and children left without parental care in the city of Moscow] G.V. Sem'ya (ed.). Moscow, 2014. 140 p.

14. Sem'ya G.V., Telitsina A.Yu. Rol' nekommercheskikh organizatsii i instituta dobrovol'chestva v realizatsii Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 gody [The Role of Nonprofit Organizations and Volunteer Services in the Implementation of the National Strategy on Action for Children 2012–2017]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2016, Vol. 21, no. 1, pp. 168—183. doi:10.17759/pse.2016210115. (In Russ., Abstr. in Engl.).

15. Sem'ya G.V. Zhizneustroistvo i sprovozhdenie v postinternatnye lits iz chisla detei-sirot i detei, ostavshikh'sya bez popecheniya roditel'ei [Life arrangement and support in post-boarding of persons from among orphans and children left without parental care]. Moscow, 2012. 128 p.
16. Ukaz Prezidenta RF ot 29 maya 2017 g. № 240 'Ob ob'yavlenii v Rossiiskoi Federatsii Desyatilet'iya detstva' [Elektronnyi resurs] [Decree of the President of the Russian Federation No. 240 dated May 29, 2017 'On the declaration of the Decade of Childhood in the Russian Federation'. Available at: <https://base.garant.ru/71684480/#friends> (Accessed 02.05.2021).
17. Federal'nyi zakon ot 21 dekabrya 1996 g. № 159-FZ 'O dopolnitel'nykh garantiyakh po sotsial'noi podderzhke detei-sirot i detei, ostavshikh'sya bez popecheniya roditel'ei' (s popravkami ot 17 fevralya 2021 g.) [Federal Law No. 159-FZ of December 21, 1996 (as amended on 01.05.2017) 'On additional guarantees for the social support of orphans and children left without parental care' (as amended on February 17, 2021)] [Elektronnyi resurs]. Available at: <https://base.garant.ru/10135206/> (Accessed 02.11.2021).
18. Tsvetkova I.A. Osobennosti resotsializatsii vypusnikov sirotskikh uchrezhdenii. Diss. kand. sots. nauk. [Features of the re-socialization of graduates of orphanages. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Kazan, 2016.
19. Shul'ga T.I. Smyslozhiznennyye orientatsii vypusnikov internatnykh uchrezhdenii [Meaningful life orientations of graduates of boarding schools]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2010, no. 1, pp. 5—11. (In Russ.).
20. Shul'ga T.I. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy vypusnikov uchrezhdenii dlya detei-sirot i detei, ostavshikh'sya bez popecheniya roditel'ei [Socio-psychological problems of graduates of institutions for orphans and children left without parental care]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences], 2013, no. 3, pp. 68—75. (In Russ.).
21. Gabriel T., Keller S., Bombach C. Vulnerability and Well-Being Decades after Leaving Care. *Frontiers in Psychology*, 2012, Vol. 12, pp. 1—11. doi:10.3389/fpsyg.2021.577450
22. Gates L.B., Pearlmutter S., Keenan K., Divver C., Gorroochurn P. Career readiness programming for youth in foster care. *Children and Youth Services Review*, 2018, Vol. 89, pp.152—164. doi:10.1016/j.childyouth.2018.04.003
23. Häggman-Laitila A., Salohekkilä P., Karki S. Transition to adult life of young people leaving foster care: A qualitative systematic review [Electronic resource]. *Children and Youth Services Review*, 2018, Vol. 95, pp. 134—143. doi:10.1016/j.childyouth.2018.08.017
24. McGuire A., Jackson Y. Dimensions of maltreatment and academic outcomes for youth in foster care [Electronic resource]. *Child Abuse & Neglect*, 2018, Vol. 84, pp. 82—94. doi:10.1016/j.chiabu.2018.07.029.

Информация об авторах

Семья Галина Владимировна, доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии им. профессора Л.Ф. Обуковой, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9583-8698, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Семья Г.В.
Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: двадцать лет спустя
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 25–41.

Semya G.V.
Comparative Analysis of Post-orphanage Adaptation of Orphaned Children Deprived of Parental Care: 20 Years Later
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 25–41.

Information about the authors

Galina V. Semya, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9583-8698, e-mail: gvsemia@yandex.ru

Получена 31.10.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 31.10.2021
Accepted 10.11.2021

Digitalization of Social Contacts – Risks for Women Seeking a Spouse through Dating Sites and Apps

Mironova O.I.

National Research University ‘Higher School of Economics’ (HSE University), Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Ruonala L.A.

Independent Researcher, Magister of Psychology, Gothenburg, Sweden

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Mironov E.S.

National Research University ‘Higher School of Economics’ (HSE University), Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4429-236X>, e.s.m1ronov@yandex.ru

The article presents the results of an empirical study related to the problem of the risks of digitalization of social contacts when searching for marriage partners through dating sites. The research hypothesis suggests that these risks are fraud; sexual harassment; stalking; abuse of received information of an intimate nature; distortion of perception of the communicative situation, reality, communication partner; the occurrence of negative psychological consequences. It is assumed that the risks will increase due to the characteristics of the personality of women. The respondents were 197 women who used dating sites to find a marriage partner. A specially developed author's questionnaire was used, as well as standardized methods. It was revealed that such types of risks as fraud, sexual harassment occur regardless of the personal characteristics of the respondents. Risk of facing fraud increases among successful women. Risk of the distortion of the perception of the communicative situation, reality, communication partner and risk of the occurrence of negative psychological consequences directly depend on the personal characteristics of women.

Key words: risks of digitalization of social contacts, psychological characteristics of women, personal characteristics, dating sites.

For citation: Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S. Digitalization of Social Contacts – Risks for Women Seeking a Spouse through Dating Sites and Apps. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63. DOI:10.17759/psylaw.2021110404

Миронова О.И., Руонала Л.А., Миронов Е.С.
Цифровизация социальных контактов – риски для
женщин, использующих приложения и сайты
знакомств для поиска брачного партнера
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 42–63.

Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S.
Digitalization of Social Contacts –
Risks for Women Seeking a
Spouse through Dating Sites and Apps
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63.

Цифровизация социальных контактов – риски для женщин, использующих приложения и сайты знакомств для поиска брачного партнера

Миронова О.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Л.А.

Независимый исследователь, г. Гетеборг, Швеция
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Миронов Е.С.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4429-236X>, e-mail: e.s.mironov@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования, связанного с проблемой рисков цифровизации социальных контактов при поиске брачных партнеров через сайты знакомств. В гипотезе исследования предполагается, что эти риски связаны с мошенничеством; сексуальными домогательствами; сталкингом; злоупотреблением полученной информацией интимного характера; искажением восприятия коммуникативной ситуации, реальности, партнера по общению; возникновением негативных психологических последствий. Предполагается, что риски будут возрастать в связи с характеристиками личности женщин. В качестве респондентов выступили 197 женщин, использовавших сайты знакомств для поиска брачного партнера. Применялись специально разработанная авторская анкета, а также стандартизированные методики. Выявлено, что сексуальное домогательство случаются вне зависимости от личностных характеристик опрошенных. Риск столкновения с мошенничеством возрастает у социально успешных женщин. Риск искажения восприятия коммуникативной ситуации и риск возникновения негативных психологических последствий зависят от ряда личностных характеристик женщин.

Ключевые слова: риски цифровизации социальных контактов, психологические особенности женщин, личностные характеристики, сайты знакомств.

Для цитаты: *Миронова О.И., Руонала Л.А., Миронов Е.С.* Цифровизация социальных контактов – риски для женщин, использующих приложения и сайты знакомств для поиска брачного партнера [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 42–63. DOI:10.17759/psylaw.2021110404

Introduction

The problem of digitalization of social contacts has especially become critical for the scientific community after the unique situation of self-isolation measures developed in 2020 to counter the spread of the new coronavirus infection (COVID – 19). Digitalization of contacts is not only technical but also a socio - cultural process that includes transfer of oral, written and visual information through intermediate channels – devices or digital systems (smartphones, electronic messaging systems, video communication systems, social networks) [10]. New methods of communication affect the socio – psychological state of people, their vision about inclusion in the social space, the density and variety of social connections and networks where a person is situated [3]. A.V. Andreenkova notes that the impact of digitalization has an ambivalent character: on one hand, it brings an increase of opportunities for social contacts with close people in crisis situations or in the conditions of distance barriers but in the case of intensive immersion into the world of digital social networks it has negative socio – psychological effect [1].

The development of digital technologies and availability of portable devices for internet access have greatly influenced the ways of meeting potential spouses. In modern Russia ideas on family values are undergoing significant changes but no one questions the importance and value of family relationships. Searching for a marriage partner for a woman is less and less for physical surviving or social belonging but is becoming more and more the result of her individual, personal and social preferences [21].

The modern market offers a variety of variants for digitalization of communication. The dating industry is not the exception. According to a major study (N=5421 couples) of Stanford University, starting from 2013 online – dating has left behind all other traditional ways of searching for partners for romantic relationships [18]. And since March 2020 during the global lockdown, internet sites and applications have become the main tools for searching for partners [9].

The phenomenon of online dating has become interesting for sociologists, psychologists, lawyers, criminologists and physicians. But as ideas about the specifics of internet communication are only in the process of being formed, at this moment the study of this problem cannot be called systemic. There is no generally accepted terminology, theoretical and methodological aspects of the digitalization of dating are not defined. At this moment there are several directions for development of knowledge in the online dating field.

First, the scientists describe a social portrait of those who prefer websites and apps for searching for marriage partners over traditional forms of dating. The main focus of this group of studies is lies on the characteristics of the personality of dating sites and applications users.

Chin, K., Edelstein R.S. and Vernon P.A. discover that people with attachment anxiety choose digital ways of dating while respondents with attachment avoidance hide the fact of using dating sites and applications [4].

Fontalova N.S., Artamonova V.V. and Turganova G.E. come to similar conclusions – there are more people with low self-esteem level among people preferring digital communication that negatively affect communicative qualities and motivation of an individual [7].

Among other negative factors influencing the choice of online dating apps as a way of dating Veel K. and Thylstrup N.B. emphasize irrational attitudes regarding the image of one's body, aggression and risky sexual behaviour [22].

In their study Barrada J.R. and Castro Á. show correlation between the use of popular dating applications and psychosocial parameters (positive and negative affect, body satisfaction,

sociosexuality and attitude to consensual non – monogamy) as well as psychosexual well - being (self-esteem, satisfaction with sexual life, sexual preoccupation) [2].

In their work Procentese F. and Gatti F. analyse correlation between people’s loneliness and relational motivation to use dating apps. People’s loneliness is considerably associated with searching for love and the desire to meet new people bypassing restrictions imposed by offline communication [17].

To the social features of internet communication we can relate the idea of dating sites as a public place where a person (especially a man) can express his intent in the beginning of a dialogue bypassing the courtship rituals [11].

Secondly, researchers have considerable interest in the study of the negative consequences of online dating practices. Phana A., Seigfried-Spellar K. and Choo K. R. formulate two groups of complexities arising in online communications: the ease of access to potential victims for people prone to sexual compulsion and the fact that people who are too trusting, can share confidential information (including photo and video content, conversations of sexual nature, personal data) [16].

Shetty R., Grispos G., Choo K. R. [20] wrote about the risks associated with the misuse of received confidential information and in her dissertation Cobb C. [6] studied problems of confidentiality breaches related to interpersonal relations as well as the reasons why users of popular dating apps distort their behavior to meet applications requirements.

Chugh R., Guggisberg M. [5] highlighted such possible negative consequences of internet dating as stalking, involuntary coercion, violence and questionable masculine behavior.

Mayshak R., King R.M., Chandler B. and Hannah M. studied risks of victimization as a result of experiencing sadism, asocial and controlling behaviour during communication through dating sites and apps [12]. Gillett R. concludes that modern dating applications normalize sexual harassment as well as psychological consequences of abuse have a cumulative character and need further study along with sexual crimes [8]. Rowse J., Bolt C. and Gaya S. cite data on the increase of sexual crimes committed after meeting people through dating sites and apps [19]. Myrphy A. notes that as a result of experiencing a false feeling of intimacy that arose during internet communication on dating sites and apps, gullible users can become victims of scammers, be harassed, be involved in illegal acts [15].

No studies about the effect of job satisfaction on women's social media behavior were found. Professional implementation has a huge impact to women’s social and psychological well-being [13, 14], so it can be interesting to highlight this factor.

The conducted theoretical analysis of sources shows that at the moment there are local researches of social and psychological portrait of dating sites and apps users, the level of life satisfaction, loneliness, gender and age characteristics, sexual orientation, self-esteem, level of life motivation of these groups are being studied. However, the problems of the risks of digitalization of social contacts among women using dating sites and apps for a marriage partner searching have not been studied enough at present.

The aim of the research is to identify the risks of digitalization of social contacts among women using dating sites and apps for finding a marriage partner as well as to analyze social and psychological conditions under which these risks increase.

Hypothesis of this research is the assumption that

1. The risks of digitalization of contacts among women who use dating sites and apps for a marriage partner searching are associated with fraud; sexual harassment; stalking, abuse of received

information of intimate nature; distortion of the perception of communicative situation, reality, communication partner (the subject of interaction embellishes himself, sends photoshopped photos – creates images that do not correspond to reality); the occurrence of negative psychological consequences (negative conditions, psychotraumas, decreased self-esteem).

2. The risks will increase in the younger age group (inexperience, gullibility) and older age group («last hope»); their growth is associated with pronounced irrational attachments among women; a negative example of family relations; living in provincial towns; victim behaviour; dissatisfaction with the quality of life, acute experience of their own loneliness; an increased level of aspirations (subject to dissatisfaction with professional activities).

Methodology

The study was carried out in two stages. At *the first stage* the survey of women, active participants of dating sites and apps for finding a marriage partner, was organized. The research was conducted by collecting data using «Google Forms» tools. 197 women, participants of women's group in social networks and training sessions for searching for a marriage partner including orthodox women, took part in the survey. The survey was conducted anonymously on a voluntary basis.

A special author's questionnaire «Risks of social contact for dating sites and apps users» was developed, which helped to reveal direct experience of the interviewed women. The questionnaire offered 12 statements (identified as the result of the theoretical analysis) and also 4 open and 2 half – open questions. In addition, the women were asked to answer questions from the sociological block.

The second phase of the study, with the help of the standardized methods, defined social and psychological conditions that increased risks for the women using dating sites and apps for searching for a marriage partner. With this purpose all women were divided into two groups: those who constantly faced risks and those who never faced them.

The following methods were used: the method of irrational beliefs diagnostic by A. Ellis, the methodology of studying the propensity for victim behaviour by O.O. Andronnikova, the questionnaire for defining the type of loneliness by S.G. Korchagina, the methodology «Assessment of aspiration level» by V.K. Gerbachevskogo, the questionnaire «Assessment of satisfaction with the quality of life» by N.Ye. Vodopyanova, the methodology for studying the factors of a profession's attractiveness by V.A. Yadov (modification by N.V. Kuzmina, A.A, Rean).

Research results and their discussion

The study involved women from 25 to 60 years old. At the time of the survey 51% of the interviewed women are actively looking for a marriage partner, 33% are currently planning to start active searching again, 16% have found a spouse through online dating sites and apps.

It was offered to women to choose a statement that most fully characterises the example of the relations that they got from the adults who brought them up. 48% cannot name the relations between parents or foster parents as a role model, 29% note that they cannot say that relations between adults were the example for imitation but in general they lived well, 16% had been brought up in a warm and loving relation between parents and another 7% indicated they were raised by the mother and they would prefer she had gotten married.

The most popular service for dating among the interviewed women was the Tinder app. It is

chosen by 39% of the respondents. The second place is taken by the Mamba service – it is regularly used by 28% of the respondents.

It is interesting to note that only 13% (25 women) of the respondents hide their telephone number for communication at the dating sites and apps and buy a special sim-card for virtual communication. The remaining 87% (172 women) use their regular telephone number for virtual communication.

At the same time 39% fear that the information the respondents shared when communicating with men from dating sites and apps may be used to their detriment. 5% of them personally encountered such situations and 34% are aware it happens. 25% of the respondents think that they are not in danger of facing such situations as they are not used to tell much about themselves.

As for the sexual behaviour of the respondents more than half (54%) have the opinion that it is necessary to get to know each other better before entering into intimate relations; 29% of the women consider non – binding sexual relations possible at the condition of mutual consent. 11% of the interviewed women admit intimate relations only with their husband; 7% of women have positive attitude to signs of attention of a sexual nature from men.

Figures 1, 2, 3, 4, 5, 6 show the results of *the first stage* of the study:

Figure 1. Frequency of experiences with scams when using dating sites and apps for finding a marriage partner

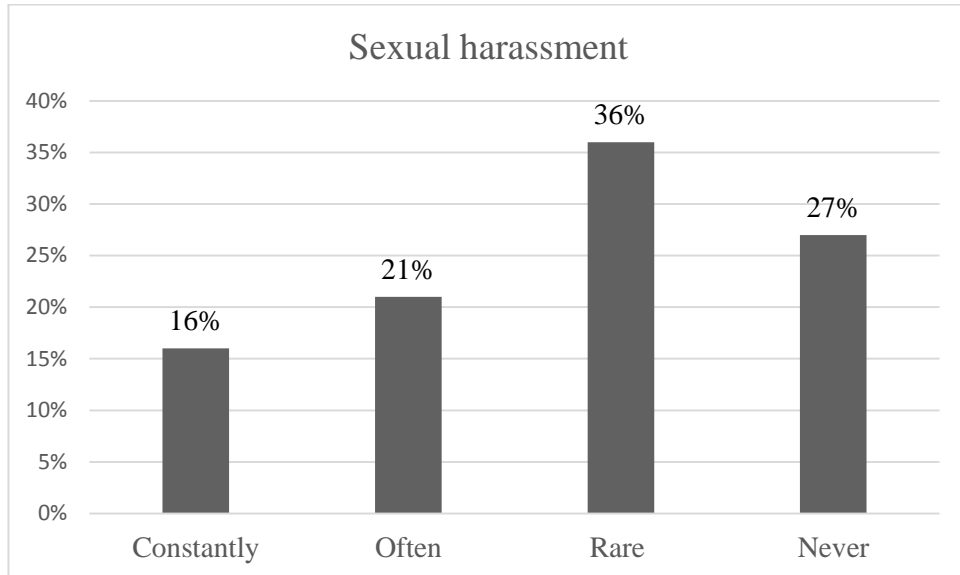

Figure 2. Frequency of experiences with sexual harassment when using dating sites and apps for finding a marriage partner

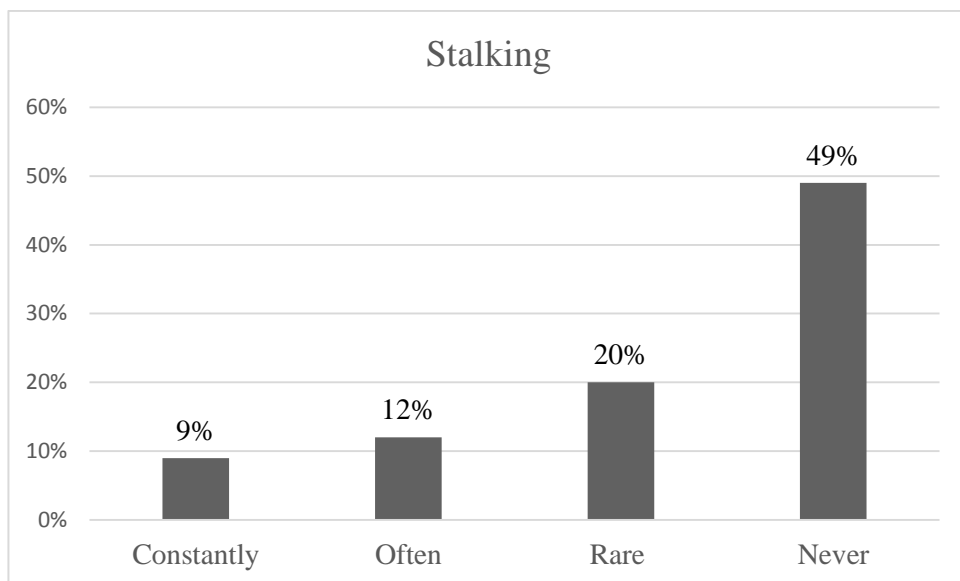

Figure 3. Frequency of experiences with stalking when using dating sites and apps for finding a marriage partner

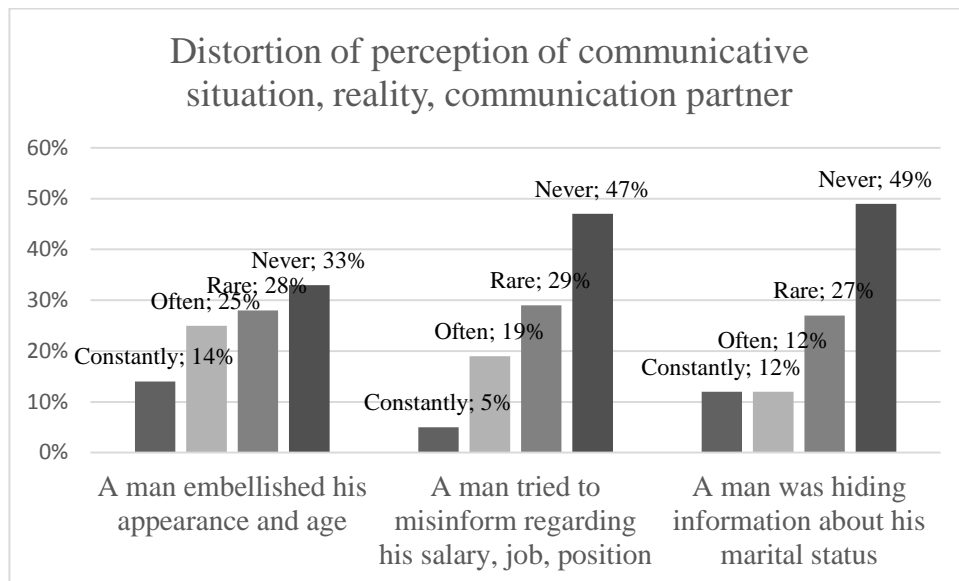

Figure 4. Distortion of perception of communicative situation, reality, communication partner when using dating sites and apps for finding a marriage partner

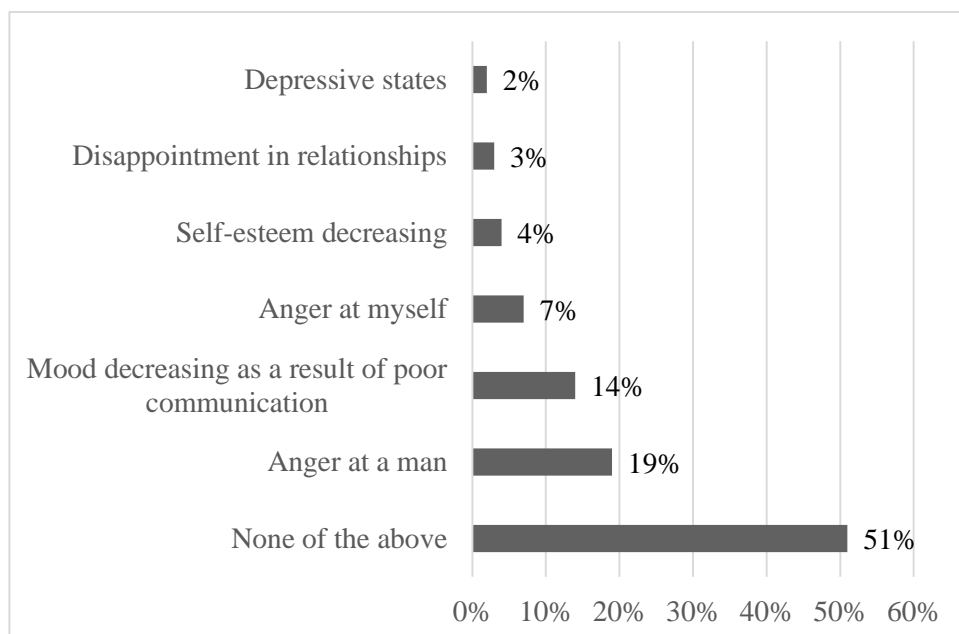

Figure 5. Negative mental states when using dating sites and apps for finding a marriage partner

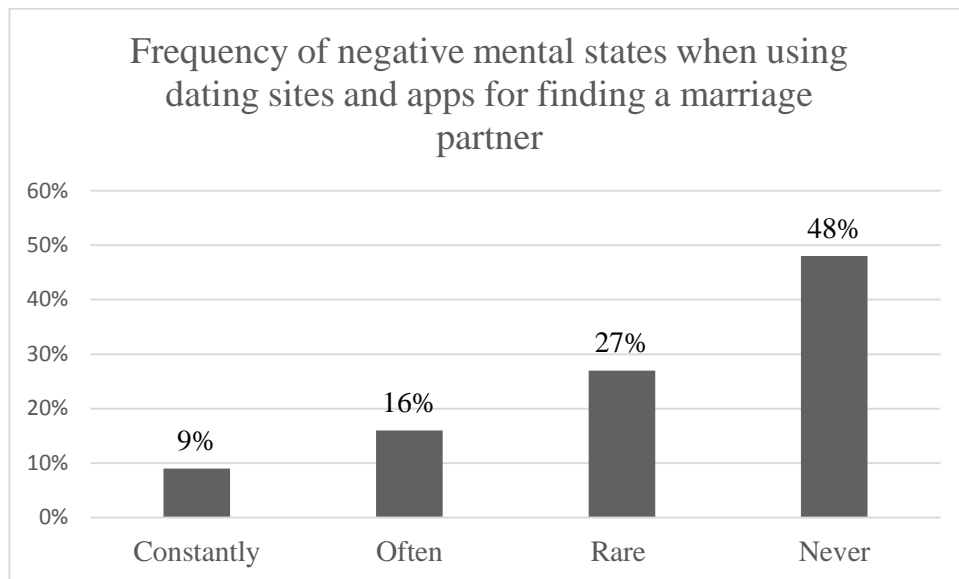

Figure 6. Frequency of negative mental states when using dating sites and apps for finding a marriage partner

Thus, 73% of the respondents at least once have experienced sexual harassment; 68% of women have experienced fraud at least once; 67% of the interviewed women had the experience when at the stage of online – communication a man embellished his appearance and age; 53% of the respondents were faced with the fact that a man tried to misinform them regarding his salary, job, position; 52% of the women had negative mental states after using dating online – services; 51% at least once became victims of stalking; another 51% at least once discovered that a man was hiding information about his marital status.

We will take a closer look at each of the identified risks of digitalization of social contacts. The analysis shows the results only for the methods where differences were found between the compared groups of women.

Fraud

Two groups of women were interviewed: those who constantly faced fraud when using dating site (42 women) and those who never faced scams (61 women).

The average age of the women from the first group is 42 years, while the average age of the women from the second group is 31 years old. All respondents from the first group live in million – plus cities and have children with whom they live together. All interviewed women from the first group indicated that they couldn't call relations between their parents as an example to follow. In the second group the statistics are not so homogeneous.

Let us consider in more detail the results of those methods where differences between the groups are observed. On figure 7 and 8 there are answers given to the methods 'Diagnostics of the loneliness type' and 'Satisfaction with the quality of life'

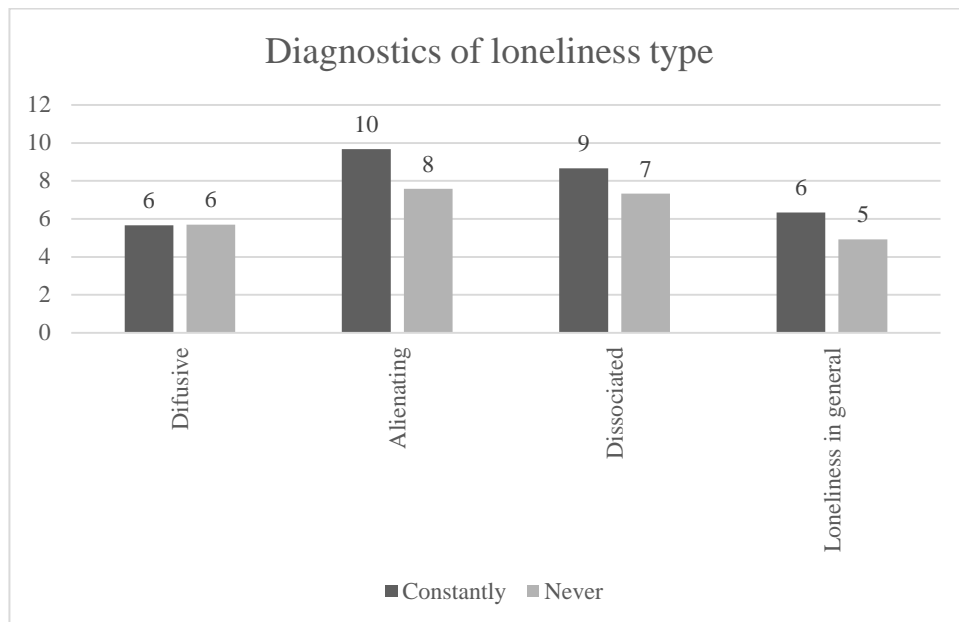

Figure 7. Distribution of the results of diagnostics of loneliness type in the interviewed groups

Figure 8. Distribution of the results of diagnostics of the quality of life in the interviewed groups

As we can see from the survey results, women who constantly faced fraud, have more pronounced alienating and dissociated loneliness as well as a level of stress. At the same time they are more satisfied with their job and personal achievements.

The alienating loneliness is associated with isolation from other people and social values. There

is a loss of meaningful connections and contacts. A person doesn't have the opportunity to share her condition and get help and support. Dissociated loneliness is associated with an ambivalent attitude towards oneself and switching between idealization and devaluation. Such an attitude is carried over to other people: from unconditional acceptance to alienation. In relations with others the person can be selfish and submissive alternately.

Women who have never faced scams, are more optimistic and more satisfied with communication with close people, friends and relatives.

It can be assumed that, on one hand, more successful women who live in large cities and are satisfied with their achievements are more attractive to scammers. On the other hand, women who are more optimistic and satisfied with communication with close people can differently build communication with men: for example, they can quickly translate communication into real life, respond to a smaller quantity of men (as there is no need to fill loneliness). These assumptions need additional testing in further research of the risks of digitalization of contacts among women using online dating services.

Sexual harassment

Two groups of women were formed: those who constantly faced sexual harassment when using dating sites (32 people) and those who have never encountered them. (53 women).

Figure 9 shows the results of the methodology «Diagnostics of irrational attitudes»

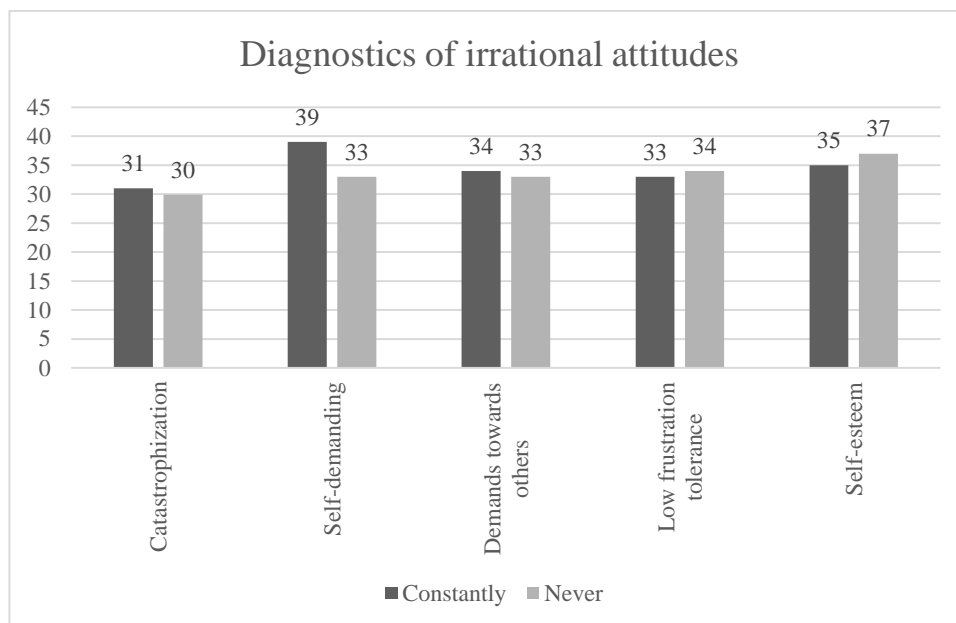

Figure 9. Distribution of the diagnostics results of irrational attitudes in the interviewed groups

In both groups of women irrational attitudes have been found, while the women who constantly faced sexual harassment had fewer attitudes that they owed something to someone.

It is important to note that sexual behaviour of women does not affect whether a woman is sexually harassed while communicating on dating sites or not.

Stalking

Two groups of women were interviewed; those who constantly faced stalking at meetings through dating sites (18 women) and those who have never encountered it (97 women).

The differences in the answers of the methodology «Diagnostics of irrational attitudes» are shown in figure 10.

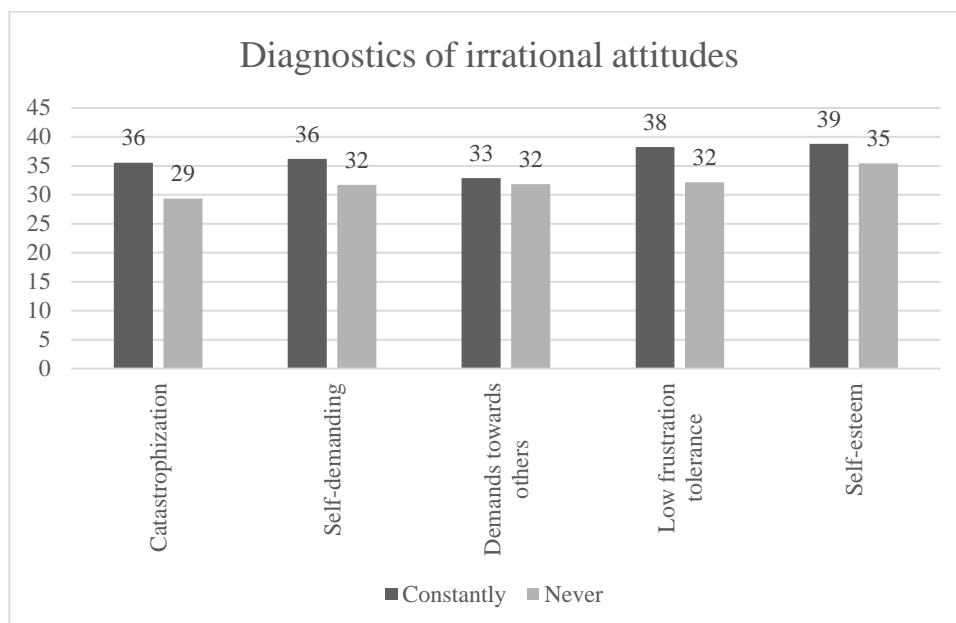

Figure 10. Results of diagnostics of irrational attitudes in the interviewed groups

If the index on this scale in this methodology is below 30 points, then the attitude is very pronounced. As it can be seen from the presented results of comparison in the groups of those who have never encountered stalking, the irrational attitude «Catastrophization» is more pronounced. It can be assumed that a negative attitude towards communicative situation can contribute to the fact that women will hide real data about themselves more and complicate the situation with stalking.

Misuse of received information of an intimate nature

Two groups of women were interviewed: those who faced the misuse of information received as a result of communication (10 women) and those who believe they are not in danger (49 women).

The analysis did not show any significant differences between the diagnostic indexes in the analysed groups.

Distortion of perception of a communicative situation, reality, communication partner

For the analysis of this risk two pairs of groups were formed: women who by themselves contributed to the distortion of perception of communicative situation, reality and communication partner and women who faced the fact that a man acted as the agent of these distortions.

The first selection consists of women who digitally enhance their photos (13 women) and women who never use photoshop, masks etc (91 women).

Let us look at this pair of groups in detail. The analysis showed differences in the answers according to the methods «Diagnostics of irrational attitudes», «Diagnostics of the type of loneliness», «Diagnostics of aspiration level», «Diagnostics of satisfaction with the quality of life». The results of the survey are shown in figures 11, 12, 13, 14.

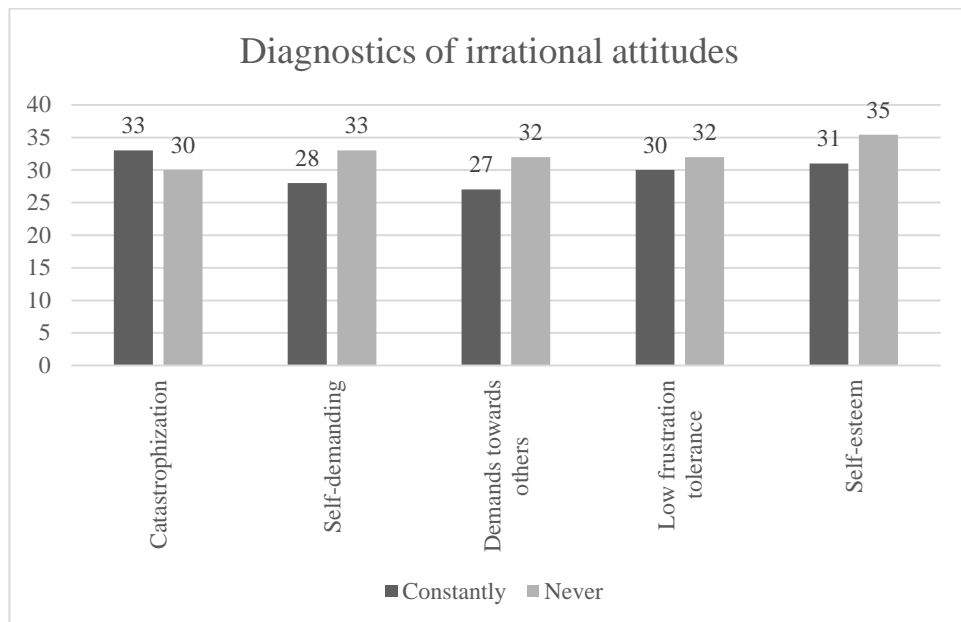

Figure 11. The results of diagnostics of irrational attitudes in the interviewed groups

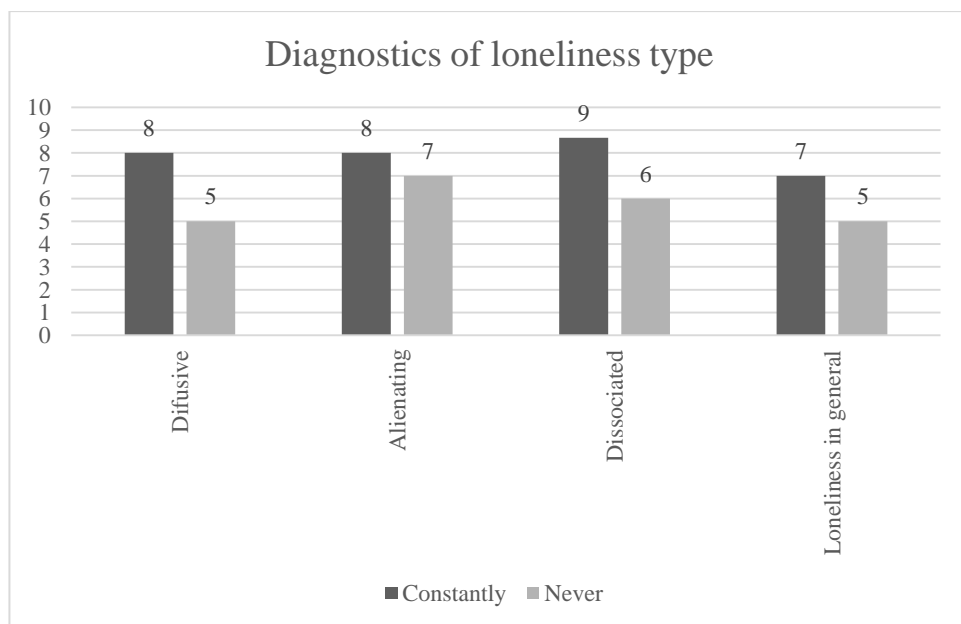

Figure 12. Distribution of results of the diagnostics of the type of loneliness in the interviewed groups

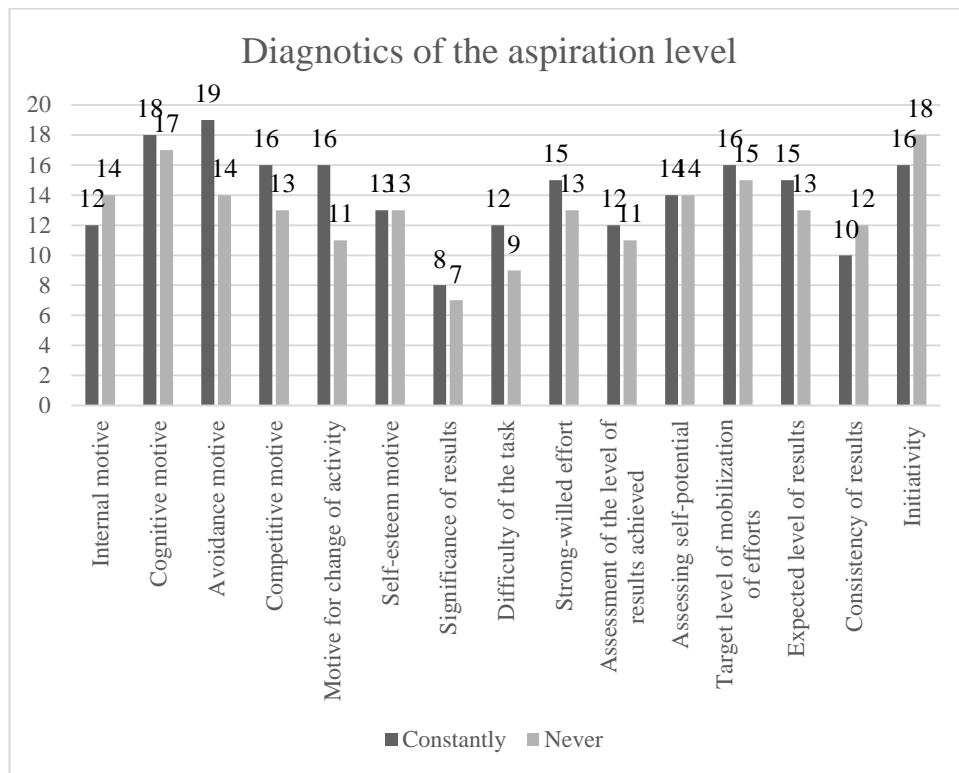

Figure 13. Distribution of the results of the diagnostics of the aspiration level in the groups of respondents

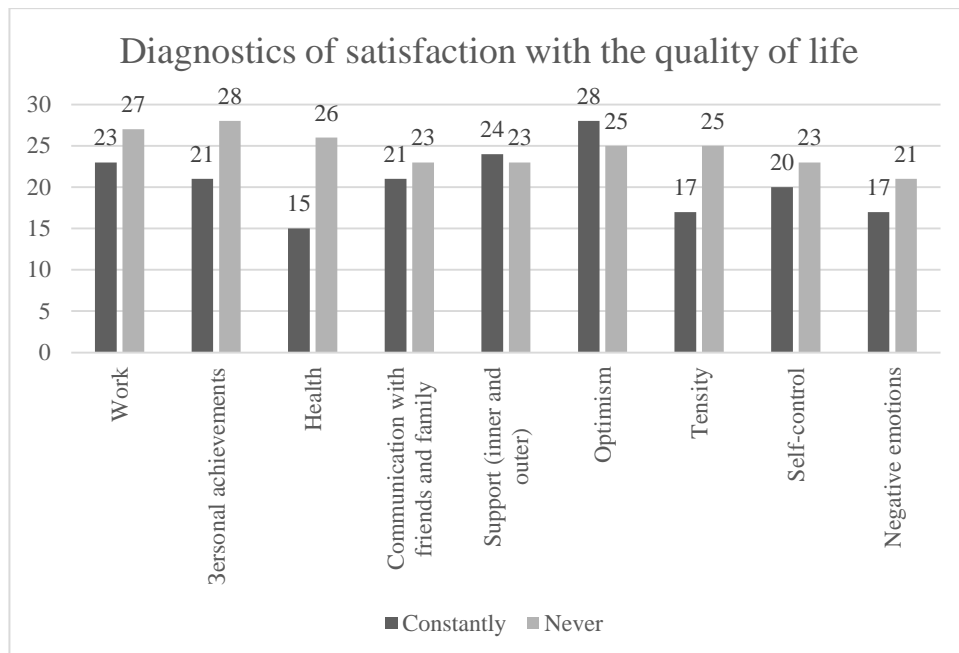

Figure 14. Distribution of the results of the diagnostics of the satisfaction with the quality of life in the groups of respondents

Thus, women who use digital methods for enhancing their photos have pronounced irrational attitudes of obligations both towards themselves and others. They are also lonelier, they have a tendency to avoid and reduce reliance on intrinsic motives. At the same time they have a higher aspiration level and lower satisfaction with their job and personal achievements. It is possible to assume that such women are more accustomed to focus on external ideals of success which they can see in social networks, mass media and literature and natural inability to correspond to them realizes the motives of avoidance and brings to the experience of loneliness.

The women who never use services for improving their photos are significantly more satisfied with their work, achievements, health and communication with close people, they are less demanding of themselves and their level of achievements.

Two other groups were also compared, one of which included women who constantly faced deception from men regarding their appearance and age (27 women) and another group which never faced such situations (65 women).

The answers to the methods «Diagnostics of irrational attitudes» and «Diagnostics of types of loneliness» are shown in figures 15 and 16.

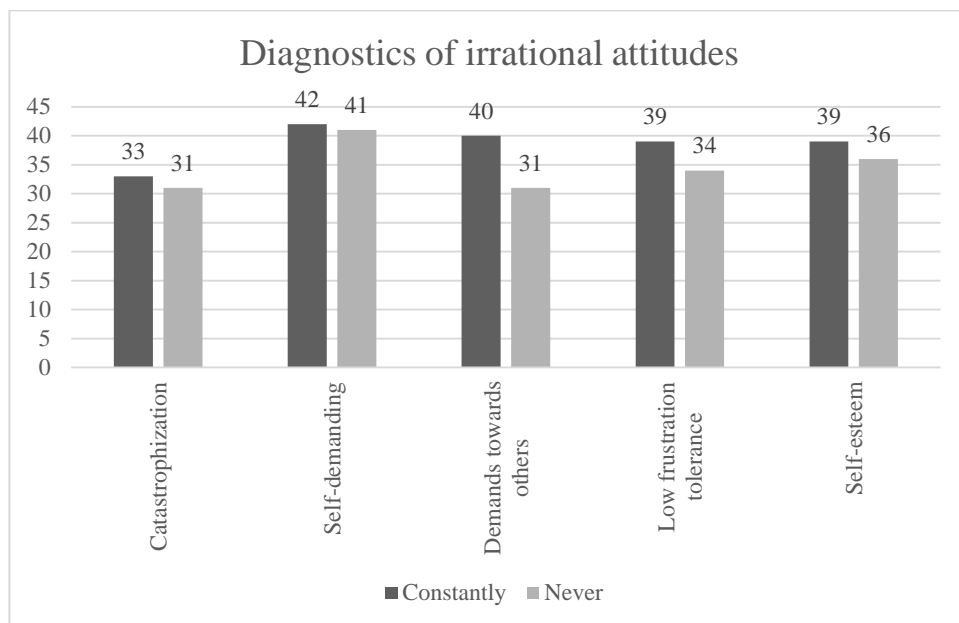

Figure 15. Distribution of the results of the diagnostics of irrational attitudes in the groups of respondents

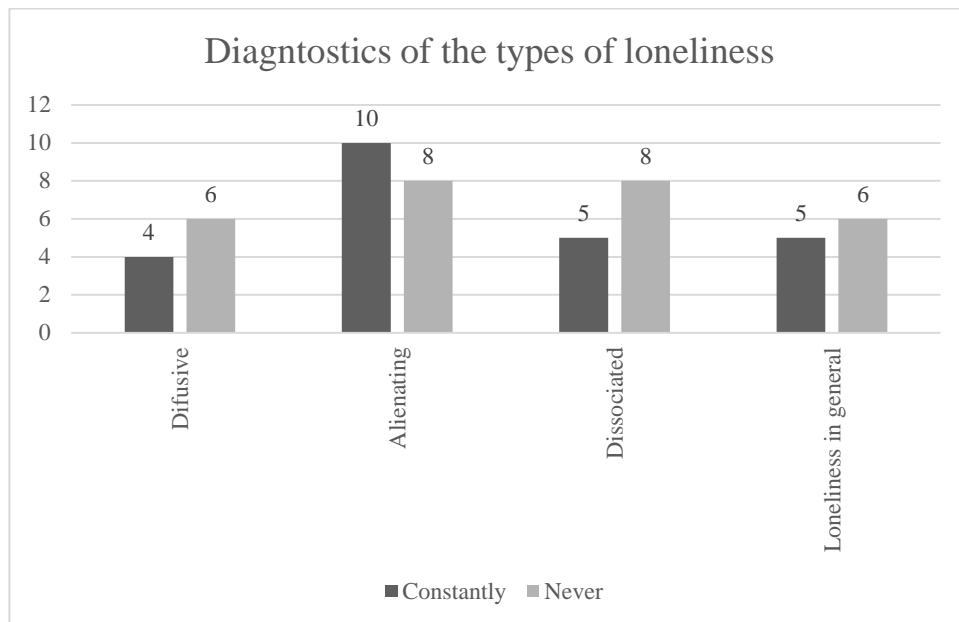

Figure 16. Distribution of the results of the diagnostics of the types of loneliness in the groups of respondents

In accordance with the obtained data, the women from the group of those who constantly face deception by men regarding their appearance and age have fewer irrational attitudes regarding obligations towards themselves and others.

They are also more prone to alienation and do not seek help from others in periods of loneliness.

Women who never faced such situations are more likely to suffer from loneliness associated to idealization and devaluation of themselves and others.

The emergence of negative psychological consequences

Two groups of women were interviewed: those who constantly face negative psychological consequences after using dating sites (18 women) and those who have never experienced negative psychological consequences at online meetings (95 women).

The results of the survey are shown in figures 17, 18,19.

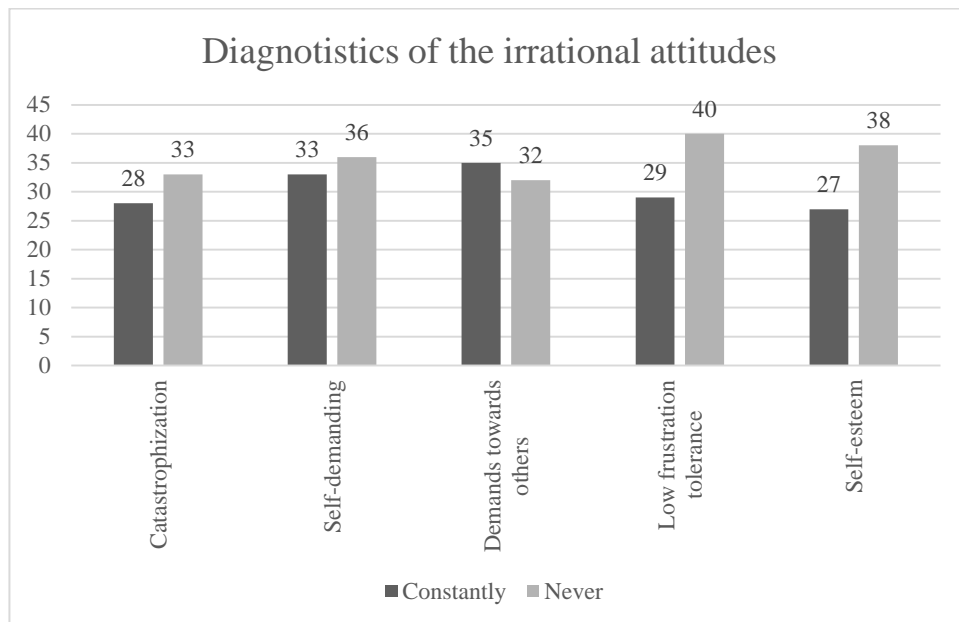

Figure 17. Distribution of the results of the diagnostics of the irrational attitudes in the groups of respondents

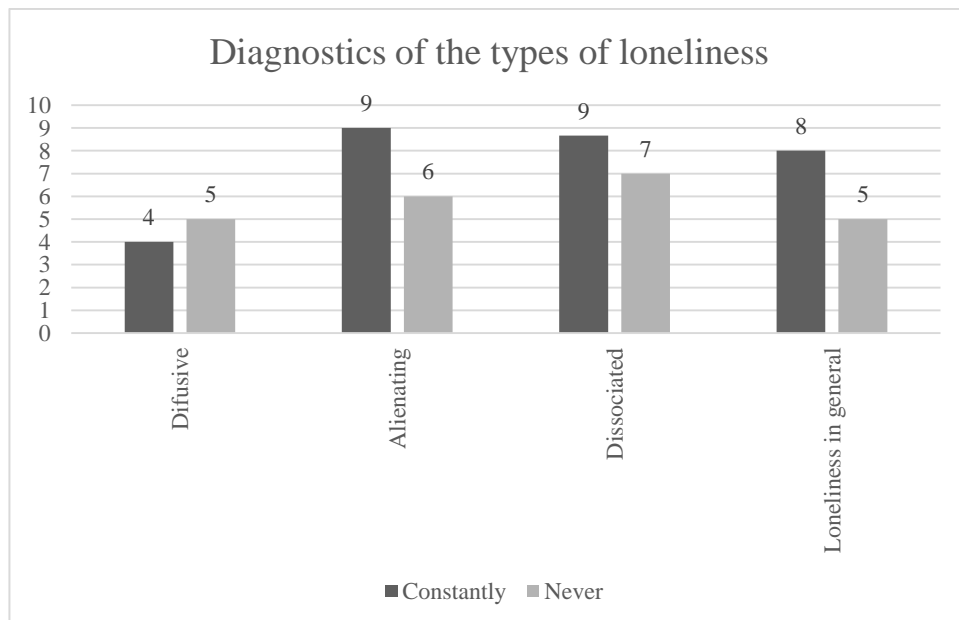

Figure 18. Distribution of the results of the diagnostics of the types of loneliness in the groups of respondents

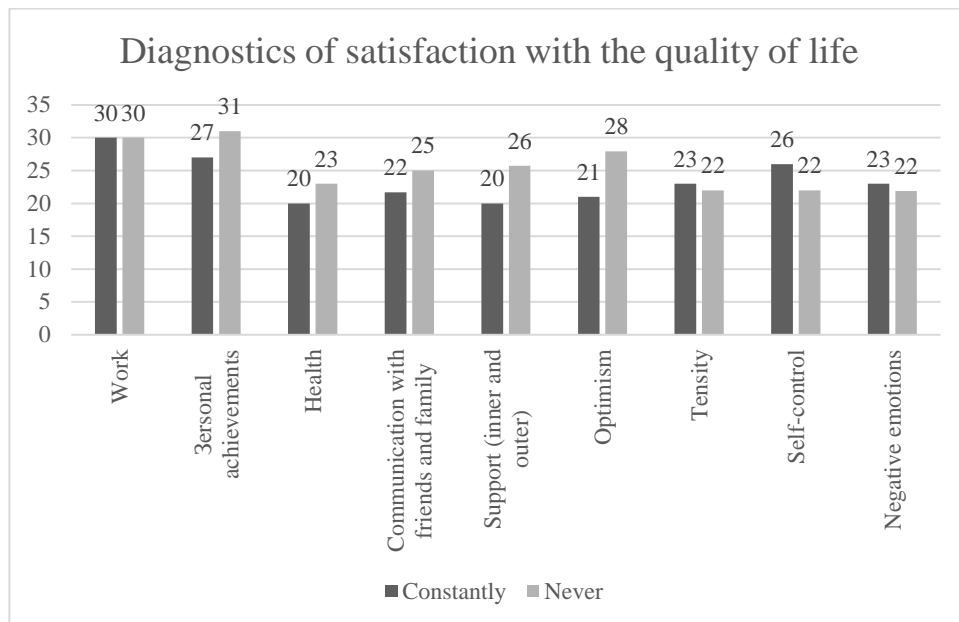

Figure 19. The results of the diagnostics of satisfaction with the quality of life in the groups of respondents

The women experiencing negative psychological consequences of dating digitalization tend to assess negative situations in their lives as terrible and unbearable. They have a low level of stress resistance, they evaluate not single actions and characteristics of people but the person in general. These women cannot ask for help from other people. Their general state of loneliness is also more pronounced. In general, they are less satisfied with their health, communication and support, they are less optimistic. It can be assumed that failures during internet communications can exacerbate already existing mental conditions including depression, PTSD and others.

To identify differences between groups of women who constantly encountered the risks of digitalization of social contacts and of those who have never had such experience at all, the nonparametric Mann – Whitney U test was used to compare independent groups. Table 1 below shows indexes of significant differences.

Table 1
Statistically significant differences between groups of the interviewed women who constantly face the risks of digitalization of contacts and those who have never had such experiences

Scales	U-test	Level of statistical significance
Fraud		
Age of respondents	653,000	0,005**
Living in million – plus cities	555,000	0,000**

Scales	U-test	Level of statistical significance
Alienating loneliness	738,500	0,034*
Dissociated loneliness	681,000	0,010**
Optimism	606,000	0,002**
Distortion of women’s perception of communicative situation		
Self-demanding	544,500	0,000**
Demands towards others	515,000	0,000**
Self-esteem	283,000	0,022*
Diffuse loneliness	280,000	0,017*
Dissociated loneliness	291,000	0,041*
Avoidance motive	292,000	0,046*
Personal achievements	528,000	0,018*
Health	381,000	0,019*
Emergence of negative psychological consequences		
Low frustration tolerance	287,000	0,000**
Self-esteem	295,000	0,000**
Alienating loneliness	639,000	0,022*
Loneliness in general	578,000	0,014*
Personal achievements	385,000	0,046*
Optimism	-438,000	0,041*

On the basis of the obtained data we can make the conclusion that the risk of facing fraud increases among older women who live in large cities, experience loneliness but at the same time they are very optimistic about life.

The risks of distortion of the perception of communicative situation are directly related to the personal characteristics of women: the type of loneliness, obligation towards oneself and others, self – esteem, an increased level of aspiration being unsatisfied with job and personal success.

The risk of emergence of the negative mental states increases among women who are initially prone to a depressive, pessimistic experience of life and their own achievements, low stress resistance, low self – esteem, alienating loneliness.

Conclusions

Based on the results of the conducted empiric research, the following conclusions were made:

1) There are a number of risks that are not related to the personal characteristics of women. They are sexual harassment, stalking. To prevent such risks it is necessary to increase cyber security comprehension of dating sites users. In turn, dating sites and apps themselves should pay attention to the ways to prevent such risks.

2) Risk of fraud increases with a woman’s social success.

3) There are a number of risks that directly related to the personal characteristics of women, namely, tendency to distort the perception of the communicative situation, reality, communication partner and the occurrence of negative psychological consequences.

It is interesting to note that the propensity to victimize and sexual behaviour of women do not increase risks of digitalization of social contacts.

References

1. Andreenkova A.V. Tsifrovizatsiya sotsial'nykh kontaktov sredi studencheskoi molodezhi v Rossii vo vremya pandemii koronavirusa [Digitalization of Social Contacts Among University Students in Russia During COVID-19]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremennyye [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, 2020, Vol. 6, pp. 403–426. doi:10.14515/monitoring.2020.6.1749. (In Russ., Abstr in Engl.)
2. Barrada, J.R., Castro, Á. Tinder Users: Sociodemographic, Psychological, and Psychosexual Characteristics. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, Vol. 21(17), Article 8047. doi:10.3390/ijerph17218047
3. Boulianne S., Yannis T. Young People, Digital Media, and Engagement: A MetaAnalysis of Research. *Social Science Computer Review*, 2020, Vol. 2 (38), pp. 111–127. doi:10.1177/0894439318814190
4. Chin, K.; Edelstein, R.S.; Vernon, P.A. Attached to dating apps: Attachment orientations and preferences for dating apps. *Mobile Media & Communication*, 2018, Vol. 1 (7), pp. 41–59. doi:10.1177/2050157918770696
5. Chugh R., Guggisberg M. Stalking and Other Forms of Dating Violence: Lessons Learned from You in Relation to Cyber Safety. *Journal of Interpersonal Violence*, 2020, Oct 21:886260520966674. doi:10.1177/0886260520966674
6. Cobb C. User-to-User Privacy in Social and Communications Applications [User-to-User Privacy in Social and Communications Applications]. Ph. D. Dissertation. University of Washington, 2019. 154 p.
7. Fontalova N.S., Artamonova V.V., Turganova G.E. Vsaimosvyaz lichnostnykh osobennostey i motivatsii ludej, pribegajuschih k internet-znakomstvam [Correlation between personality traits and motivation of people opting for on-line dating service]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Theoretical and Practical Issues of Journalism]*, 2020, Vol. 1, no. 9, pp. 149–160. doi:10.17150/2308-6203.2020.9(1).149-160. (In Russ., Abstr in Engl.)
8. Gillett R. Intimate intrusions online: Studying the normalisation of abuse in dating apps. *Women's Studies International Forum*, 2018, Vol. 69, pp. 212–219. doi:10.1016/j.wsif.2018.04.005
9. Lupton, D., Willis, K. The COVID-19 Crisis. Social Perspectives. London: Routledge, 2021. 240 p.
10. Marlowe J. M., Bartley A., Collins F. Digital Belongings: The Intersections of Social Cohesion, Connectivity and Digital Media. *Ethnicities*, 2017, Vol. 1 (17), pp. 85–102. doi:10.1177/1468796816654174
11. Matantseva D.A. Stereotipy i narushenie sotsialnykh ritualov obscheniya na saytah znakomstv (Badoo) [Stereotypes and violation of social rituals of communication on dating sites (Badoo)]. *Sotsiologicheskij narrativ 2020. Obschestvo v epohu turbulentnosti: poiski, ugrozy i perspektivy. Sbornik statey po materialam XIX Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov*

Миронова О.И., Руонала Л.А., Миронов Е.С.
Цифровизация социальных контактов – риски для
женщин, использующих приложения и сайты
знакомств для поиска брачного партнера
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 42–63.

Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S.
Digitalization of Social Contacts –
Risks for Women Seeking a
Spouse through Dating Sites and Apps
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63.

(Moskva, 15 maya 2020 g.). M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet [Sociological Narrative 2020. Society in the Age of Turbulence: Searches, Threats and Prospects. Collection of articles based on the materials of the 19th All-Russian Scientific Confirmation of Students and Postgraduates]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 2020, pp. 214–223. (In Russ.).

12. Mayshak R., King R.M., Chandler B., Hannah M. To swipe or not to swipe: The Dark Tetrad and risks associated with mobile dating app use. *Personality and Individual Differences*, 2020, Vol. 163, Article 110099. doi:10.1016/j.paid.2020.110099

13. Mironova, O., Ivanova O., Bepalova I. Dissatisfaction with the quality of life in women who've succeeded in their careers. *Economic and Social Development: Book of Proceedings*, 2018, pp. 637–645. doi:10.14505/jarle.v5.2(10).10

14. Mironova O.I., Pluzhnikova N.I., Akimova N.N., Nekrasova M.V., Shagaeva E.A., Zhukova V.I. Social and psychological factors of the compelled choice of profession. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2014, Vol. 2(5), pp. 147–156. doi:10.14505/jarle.v5.2(10).10

15. Murphy A. Dating dangerously: Risks lurking within mobile dating apps. *Catholic University Journal of Law and Technology*, 2018, Vol. 1(26), pp. 100–126. doi:10.34239/ajops.v1i2.123

16. Phana A., Seigfried-Spellar K., Choo K. R. Threaten me softly: A review of potential dating app risks. *Computers in Human Behavior Reports*, 2021, Vol. 3, Article 1000552. doi:10.1016/j.chbr.2021.100055

17. Procentese F., Gatti F. People-nearby applications and local communities: Questioning about individuals' loneliness and social motivations toward people-nearby applications. *Journal of Community Psychology*, 2019, Vol. 5 (47), pp. 1282–1294. doi:10.1002/jcop.22175

18. Rosenfeld M. J., Thomas R. J., Hausen S. Disintermediating your friends: How online dating in the United States displaces other ways of meeting. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2019, Vol. 116 (3), Article 17753. doi:10.1073/pnas.1908630116

19. Rowse J., Bolt C., Gaya S. Swipe right: the emergence of dating-app facilitated sexual assault. A descriptive retrospective audit of forensic examination caseload in an Australian metropolitan service. *Forensic Science, Medicine and Pathology volume*, 2020, Vol. 16, pp. 71–77. doi:10.1007/s12024-019-00201-7

20. Shetty R., Grispos G., Choo K.-K. R. Are You Dating Danger? An Interdisciplinary Approach to Evaluating the (In)Security of Android Dating Apps. *IEEE Transactions on Sustainable Computing*, 2021, Vol. 2 (6), pp. 197–207. doi:10.1109/TSUSC.2017.2783858

21. Urusova E.A., Khusyainov T.M. Nesluchainye vstrechi: kak tekhnologiziruyutsya znakomstva i otnosheniya v usloviyakh obshchestva postmoderna [Non-accidental meetings: how technologies are known through dating and relationships in the postmodern society]. *Logos et Praxis [Logos et Praxis]*, 2018, Vol. 17, no. 4, pp. 31–40. doi:10.15688/lp.jvolsu.2018.4.4 (In Russ., Abstr in Engl.)

22. Veel K., Thylstrup N.B. Geolocating the stranger: The mapping of uncertainty as a configuration of matching and warranting techniques in dating apps. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2018, Vol. 3 (10), pp. 43–52. doi:doi.org/10.1080/20004214.2017.1422924

Information about the authors

Oksana I. Mironova, Professor, Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University 'Higher School of Economics' (HSE University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Миронова О.И., Руонала Л.А., Миронов Е.С.
Цифровизация социальных контактов – риски для
женщин, использующих приложения и сайты
знакомств для поиска брачного партнера
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 42–63.

Mironova O.I., Ruonala L.A., Mironov E.S.
Digitalization of Social Contacts –
Risks for Women Seeking a
Spouse through Dating Sites and Apps
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 42–63.

Lydia A. Ruonala, Independent Researcher, Magister of Psychology, Gothenburg, Sweden, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Evgeny S. Mironov, Student, Faculty of Economic Sciences, National Research University ‘Higher
School of Economics’ (HSE University), Moscow, Russian Federation, ORCID:
<http://orcid.org/0000-0003-4429-236X>, e-mail: e.s.mironov@yandex.ru

Информация об авторах

Миронова Оксана Ивановна, доктор психологических наук, профессор департамента
психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4822-5877>, e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Руонала Лидия Александра, независимый исследователь, магистр психологии, г. Гетеборг,
Швеция, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6838-3373>, e-mail: lydia.ruonala@gmail.com

Миронов Евгений Сергеевич, студент, факультет экономических наук, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г.
Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4429-236X>, e-mail:
e.s.mironov@yandex.ru

Получена 30.06.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 30.06.2021
Accepted 10.11.2021

Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства

Мосечкин И.Н.

Вятский государственный университет (ФГБОУ ВО ВятГУ), г. Киров, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Статья посвящена исследованию правовых проблем охраны от разновидностей дистанционного психического насилия, проявляющихся в электронной форме. Целью исследования является оценка общественной опасности кибербуллинга, киберсталкинга и киберхарассмента среди потенциальных и реальных жертв, направленная на разработку рекомендаций по совершенствованию отечественного законодательства. Основные результаты исследования были получены посредством проведения опроса 207 человек и сравнительно-правового анализа отечественного и зарубежного законодательства. Полученные результаты позволили сделать выводы о том, что дистанционное насилие имеет место, но его оценка со стороны законодателя и общественности крайне неоднозначна. Киберхарассмент признается более опасным явлением, чем кибербуллинг и киберсталкинг, в связи с чем целесообразно поставить вопрос о его криминализации в уголовном законе. Для этого требуется корректное определение сексуальных домогательств в дистанционной форме, поскольку есть вероятность либо затронуть социально приемлемое поведение, либо упустить разновидности социально неприемлемого поведения.

Ключевые слова: травля, психическое насилие, домогательство, преследование, кибербуллинг, киберсталкинг, киберхарассмент, дистанционное насилие.

Для цитаты: Мосечкин И.Н. Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 64—76. DOI:10.17759/psylaw.2021110405

Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation

Ilya N. Mosechkin

Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

The article researches the legal issues of protection from various forms of distant psychological violence arising in electronic communication. The study aims to assess the public danger of cyber-bullying, cyber-stalking and cyber-harassment among potential and real victims in order to develop recommendations for improvement of domestic legislature. The main results of the study have been obtained by surveying 207 individuals and by means of comparative review of domestic and foreign law. The results indicate that distant violence does take place, but its assessment by legislators and the public is highly controversial. Cyber-harassment is commonly seen as a more dangerous phenomenon than cyber-bullying or cyber-stalking, which raises a question of its criminalization in the law. This necessitates a correct definition of sexual harassment in distant form as there are risks of either intruding into the field of socially acceptable behavior or overlooking the socially unacceptable ones.

Keywords: bullying, psychological violence, harassment, stalking, cyberbullying, cyberstalking, cyber harassment, distant violence.

For citation: Mosechkin I.N. Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 64—76. DOI:10.17759/psylaw.2021110405 (In Russ.).

Введение

Развитие средств связи повлияло на изменение способов совершения преступлений. Появились новые формы мошенничества, вымогательства, нарушения интеллектуальных прав и других противоправных деяний. Насилие, которое существует столько, сколько существует человечество, также подверглось влиянию технологий, что породило кибернасилие. В зарубежной литературе отмечается, что оно крайне тяжело поддается определению и измерению [18].

Ученые все же предпринимают попытки оценить распространенность отдельных его форм. В литературе к кибернасилию относят буллинг, сексуальные домогательства и сталкинг (преследование), совершенные посредством использования электронной информации. По мнению некоторых авторов, число домогательств в Интернете за десятилетие увеличилось с 6% в 2000 году до 11% в 2010 [12]. Ученые также указывают, что традиционный буллинг и кибербуллинг в последнее время находятся практически на одном уровне [14].

Статистические показатели государственных органов могли бы облегчить оценку распространенности кибернасилия, но различие законодательных подходов к его регулированию не позволяет использовать их должным образом. В отдельных странах существует уголовная ответственность за совершение большинства форм кибернасилия. В других — уголовно-правовые меры применяются только за наиболее опасные акты насилия, хотя не исключается возможность охраны иными отраслями права.

Увеличение количества случаев дистанционного психического насилия, их неодинаковое правовое регулирование определяют актуальность проблемы.

Методы исследования

Целью исследования выступала оценка общественной опасности кибербуллинга, киберсталкинга и киберхарассмента среди потенциальных и реальных жертв, направленная на разработку рекомендаций по криминализации или декриминализации форм кибернасилия. Для определения мнения потенциальных и реальных жертв относительно общественной опасности указанных явлений был использован метод опроса. Опрос проводился в письменной форме на территории трех субъектов Российской Федерации (Кировская область, Республика Коми и Нижегородская область) в течение шести месяцев 2019 года. Любое лицо старше 18 лет могло принять участие в опросе, независимо от пола, национальности, профессии и т. д. Для обеспечения сохранности тайны личной жизни респондентов опрос был анонимным. Всего было опрошено 207 человек. Характеристики респондентов отражены в табл. 1.

Сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства применялся для изучения отношения законодателя к проблемам юридической охраны от дистанционного насилия.

Ввиду того, что понимание форм кибернасилия отличается не только у каждого человека, но и в законодательстве различных стран, в настоящей статье и в проведенном опросе используются следующие определения. Под кибербуллингом понимаются оскорбления, издевательства, травля и иное подобное поведение в Интернете. Под киберсталкингом понимается навязчивое и настойчивое преследование со стороны другого человека в Интернете. Под киберхарассментом понимаются домогательства сексуального характера в Интернете.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ зарубежного законодательства показывает неоднозначность подходов к правовому регулированию охраны от кибернасилия. Нормативные акты США содержат противоречивые положения, что объясняется наличием множества источников права и уровнем их действия. Законы большинства штатов предусматривают наказание за киберсталкинг и киберхарассмент. Но сущность, содержание и оценка общественной опасности таких деяний разнятся [11]. Похожая ситуация наблюдается с регулированием буллинга. В том или ином виде длительные, систематические издевательства влекут наступление ответственности, но прямое указание на возможность совершения их в электронной форме присутствует не во всех источниках [19].

Законодательство стран Евросоюза, направленное на противодействие кибернасилию, также не отличается единообразием. Исследования зарубежных авторов показывают, что во многих странах-членах Евросоюза сталкинг и киберсталкинг запрещены под угрозой уголовного наказания. Исключением являются Болгария, Кипр, Дания, Эстония, Греция, Латвия и Литва [21].

В Великобритании имеется ряд законов, направленных на противодействие всем вышеуказанным формам дистанционного насилия. Например, действуют Закон о защите от преследования 1997 года и Закон о защите свобод 2012 года.

Несмотря на общие черты законодательства стран СНГ, единообразие в противодействии кибернасилию также отсутствует. Уголовные кодексы стран СНГ не используют термины «кибербуллинг», «киберсталкинг» или «киберхарассмент», но частичную защиту от таких явлений обеспечивают. Так, УК Кыргызской Республики предусматривает ответственность

за склонение к самоубийству (ст. 102 и 103), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 131) и нарушение неприкосновенности частной жизни человека (ст. 135). То есть обеспечивается защита от некоторых разновидностей травли, домогательств и настойчивого преследования.

В Республике Казахстан установлена уголовная ответственность за понуждение лица к действиям сексуального характера, которое совершается путем шантажа или иными описанными в законе способами (ст. 123 УК Республики Казахстан). Кроме того, запрещено незаконное собирание сведений о частной жизни лица, причем более строгое наказание предусмотрено в случае незаконного доступа к электронной информации (ст. 147). Противодействию кибербуллингу частично посвящена статья 131, запрещающая оскорбление с использованием сетей телекоммуникаций.

УК Республики Беларусь похожим образом воспроизводит норму, предусматривающую ответственность за понуждение к действиям сексуального характера, которой запрещаются некоторые виды киберхарассмента (ст. 170). Противодействие кибербуллингу осуществляется путем запрета действий, направленных на доведение до самоубийства (ст. 145 и 146) или оскорбление (ст. 189).

В России защита от дистанционной травли обеспечивается посредством ст. 110 УК РФ. Наказуемыми являются разновидности насилия, если они повлекли самоубийство или покушение на самоубийство. Совершение таких действий в электронной форме образует квалифицированный состав преступления и наказывается строже. Кроме того, за оскорбления (в том числе, в Интернете) предусмотрена административная ответственность (ст. 5.61 КоАП РФ).

Навязчивое и настойчивое преследование со стороны другого человека может быть признано запрещенным деянием, но лишь в крайне редких случаях. С некоторыми оговорками киберсталкинг может охватываться ст. 137 УК РФ. Обязательным признаком в таком случае должно выступать собирание либо распространение сведений, составляющих личную или семейную тайну (история болезни, сексуальная ориентация, семейные взаимоотношения).

Таким образом, некоторые элементы киберсталкинга (как думается, наиболее опасные) могут повлечь уголовную ответственность. В свою очередь, чрезмерное количество сообщений в электронной форме или комментариев в социальных сетях не является преступным поведением.

Это утверждение можно проиллюстрировать судебной практикой. Как следует из решения Советского районного суда города Казани от 14 июня 2018 года, Гражданка Ш. была вынуждена обратиться в суд с иском к К. с требованием взыскать с ответчика денежные средства. Ш. и К. в 2017 году состояли в отношениях. В мае 2017 года отношения были прекращены по инициативе Ш. в связи с регулярным проявлением агрессии и грубым обращением со стороны К. Затем от К. начали поступать угрозы, попытки принудить Ш. к возобновлению отношений. В связи с агрессивным поведением К., постоянными звонками и слежкой Ш. обращалась в правоохранительные органы. Впервые полиция провела беседу с К. в мае 2017 года. Примененные полицией меры не возымели воздействия. На момент судебного разбирательства угрозы в адрес Ш. продолжались: К. звонил по телефону, писал сообщения, в ночное время звонил в домофон, длительное время проводил у подъезда, мешал общаться с людьми. Обращение в полицию в октябре 2017 года к результатам вновь не привело.

Таким образом, гражданин К. осуществлял навязчивое и настойчивое преследование (в том числе дистанционно), но не привлекался к ответственности, поскольку действия не образовывали состав преступления или правонарушения.

Что касается дистанционных домогательств, то они могут быть признаны преступными при строгом соблюдении ряда условий. Если действия сексуального характера осуществляются в отношении несовершеннолетних, то нарушитель может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 135 УК РФ. Ненасильственные действия сексуального характера по отношению к взрослым наказываются, если приобретают характер понуждения и совершаются способами, закрепленными в ст. 133 УК РФ. Сексуальные домогательства в электронной форме, совершаемые по отношению к взрослым жертвам, без каких-либо угроз и использования зависимости, не влекут наступление уголовной ответственности. Очевидно, остается достаточно большое число потенциальных жертв, не защищаемых уголовным законом.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательство России достаточно фрагментарно обеспечивает охрану от кибернасилия. Конечно, в том или ином виде все формы находят отражение в законодательстве, но лишь при соблюдении ряда вышеуказанных условий. В действительности нарушения могут не обладать всем набором необходимых признаков. В связи с этим законодателю было бы полезно оценить мнения реальных и потенциальных потерпевших, в пользу или против криминализации отдельных случаев кибернасилия.

Проведенный опрос частично отражает такое мнение. Среди респондентов примерно в равном соотношении оказались мужчины и женщины старше 18 лет.

Таблица 1

Показатели респондентов

Пол	
Мужской — 42,5%	Женский — 57,5%
Возраст	
18–20 лет — 16%	31–40 лет — 5,4%
21–24 года — 45,8%	41 год и старше — 1,9%
25–30 лет — 30,9%	
Количество часов, в течение которых лицо пользуется интернетом за сутки	
0 часов — 0,5%	5–6 часов — 28%
1–2 часа — 21,25%	Больше 7 часов в день — 12,5%
3–4 часа — 37,75%	

Преобладающее число опрошенных никогда не сталкивались с дистанционным насилием, указанным в анкете. Навязчивое и настойчивое преследование в цифровой среде встречалось респондентам чаще остальных форм. Так, 26% участников анкетирования столкнулись с киберсталкингом, 23,6% — с кибербуллингом, и лишь 10,1% — с киберхарасментом. Небольшое число респондентов стали жертвами сразу нескольких форм кибернасилия.

Как удалось выявить, женщины чаще страдают от преследований и сексуальных домогательств, чем мужчины. Доля жертв киберсталкинга женского пола составляет 79,6%, а киберхарасмента — 95,2%. Меньше всего половая принадлежность оказывает влияние на

вероятность стать жертвой дистанционной травли. Из общего числа пострадавших 51% — это мужчины, а 49% — женщины.

Общественная опасность дистанционного насилия оценивается неоднозначно. По мнению опрошенных, в качестве наименее опасного явления выступает киберсталкинг. Только 29,5% всех опрошенных выступили в пользу уголовной ответственности, больше половины (52,1%) — административной, 8,2% — имущественной. 10,2% респондентов утверждают, что дистанционное преследование не должно влечь за собой наступление юридической ответственности.

Вторым по уровню опасности является кибербуллинг. Почти треть (31,4%) респондентов выступили в пользу уголовной ответственности, 54,1% — административной, 8,2% — имущественной.

Самым опасным поведением, по мнению респондентов, являются дистанционные сексуальные домогательства. Подавляющее большинство (72,9%) посчитало, что такое явление должно быть уголовно наказуемо. В пользу административной ответственности высказались 21,3% опрошенных, а в пользу гражданско-имущественной — 3,9%. По мнению 1,9% опрошенных дистанционные сексуальные домогательства не должны влечь за собой наступление юридической ответственности.

Таблица 2

Ответственность за кибернасилие по мнению опрошенных лиц

Количество человек, которые столкнулись с кибер-насилием			
Киберсталкинг (дистанционное преследование)		26%	
Женщины — 79,6%		Мужчины — 20,4%	
Кибербуллинг (дистанционная травля)		23,6%	
Женщины — 49%		Мужчины — 51%	
Киберхарассмент (дистанционные сексуальные домогательства)		10,1%	
Женщины — 95,2%		Мужчины — 4,8%	
Вид юридической ответственности, являющийся адекватным для киберсталкинга			
Уголовная — 29,5%	Административная — 52,1%	Имущественная — 8,2%	Не требуется — 10,2%
Вид юридической ответственности, являющийся адекватным для кибербуллинга			
Уголовная — 31,4%	Административная — 54,1%	Имущественная — 8,2%	Не требуется — 6,3%

Вид юридической ответственности, являющийся адекватным для киберхарассмента			
Уголовная — 72,9%	Административная — 21,3%	Имущественная — 3,9%	Не требуется — 1,9%

Как следует из результатов опроса, с кибернасилием сталкивались четверть опрошенных лиц. Такие показатели в целом соответствуют ранее проведенным исследованиям. Например, распространенность киберсталкинга оказалась на уровне 26% среди опрошенных. В зарубежной литературе указывается на 16% потерпевших среди женщин и 5% среди мужчин [5]. Другие исследования показывают разброс от 8% до 32% среди женщин [16].

Распространенность кибербуллинга оказалась на уровне 23,6% среди опрошенных. В то же время по результатам исследования, проводимого в Турции, число жертв составило 27% [2]. В Малайзии исследование кибербуллинга среди взрослых выявило 39,7% потерпевших, которые подвергались насилию в течение шести месяцев [3].

Самые неоднозначные показатели наблюдаются в исследованиях дистанционных сексуальных домогательств. Доля потерпевших из опрошенных нами лиц составила 10,1%, в то время как другие исследования указывают на 33,6% [4] или даже 40% потерпевших [8]. Обзор литературы, проведенный А. Калаитзаки, показывает распространенность виктимизации, варьирующуюся от 18,9% до 45,2% [13].

Распределение потерпевших по половому составу, полученное в результате исследования, достаточно закономерно и подтверждается иными исследованиями. Ряд авторов указывают, что потерпевшими от киберсталкинга и киберхарассмента чаще становятся женщины [7; 17]. Данные формы девиантного поведения в основном имеют сексуальную направленность, в то время как основными нарушителями выступают мужчины [15].

Распределение потерпевших от дистанционной травли по половому составу по разным исследованиям отличается. Некоторые авторы утверждают, что женщины страдают от такого насилия чаще, чем мужчины [23]. Однако наше исследование подтверждает позицию, согласно которой пол несущественно сказывается на вероятности стать жертвой кибербуллинга [22].

Распространенность кибернасилия является одним из индикаторов необходимости криминализации его форм. Изучение мнения потерпевших от кибернасилия выступает в качестве дополнительного аргумента, с учетом того, что относительно криминализации единства нет ни среди законодателей стран, ни в научной литературе. Высказывается даже весьма критикуемое мнение о том, что кибербуллинг не должен быть запрещен, поскольку является проявлением свободы слова [9].

Думается, можно согласиться с тем, что криминализация дистанционной травли вряд ли оправдана, а расходы на расследование и судопроизводство могли бы с большим успехом быть направленными на программы профилактики кибербуллинга. В то же время респонденты выступили в пользу менее репрессивной административной ответственности (54,1%), что следует принять во внимание.

Навязчивое и настойчивое преследование в электронной форме не запрещено в нескольких странах-членах Евросоюза и в большинстве стран-членов СНГ. Опасность такого явления отражена в ряде зарубежных и отечественных трудов [1; 20]. С другой стороны, часть опрошенных лиц, высказывающихся в пользу уголовной ответственности, оказалась

незначительной, даже среди жертв. Казалось бы, лица, пережившие длительные навязчивые преследования в Интернете, должны строже относиться к нарушителям, но из 54 жертв лишь 6 человек указали на необходимость уголовной ответственности. Полагаем возможным согласиться с мнениями респондентов. Киберсталкинг нарушает права и свободы граждан, но не обладает столь высокой опасностью, влекущей обязательность уголовно-правовой охраны. Основываясь на мнениях респондентов, полагаем необходимым признать киберсталкинг в качестве деликта, но без применения уголовно-правовых мер. Однако когда киберсталкинг перерастает в преступления сексуального характера или деяния, посягающие на охраняемую законом тайну, уголовно-правовая охрана необходима.

Дистанционные сексуальные домогательства были оценены респондентами наиболее негативно. Большинство опрошенных лиц выступают за уголовную ответственность в отношении нарушителей. Действующее законодательство стран СНГ уже предполагает уголовно-правовую охрану, но лишь в случае, если домогательства приобретают форму понуждения. Жертвы не считают действующие меры достаточными, поэтому выступают за криминализацию иных форм.

Такая проблема существует и в странах Евросоюза. Как отмечает Г. Карстенсен, некоторые разновидности проблемного поведения, связанные с полом, не признаются в качестве домогательств. При этом большое количество проблемных моделей поведения и ситуаций носят полулегальный характер, а это означает, что им уделяется мало внимания и, скорее всего, они останутся без контрмер. То есть неприемлемое поведение может быть оценено правоприменителем как «нормальное» [6].

Следует согласиться с тем, что частота домогательств может усиливаться, когда жертвы сталкиваются с вторичной виктимизацией из-за отказа в правосудии со стороны системы уголовного правосудия [10]. Авторы, помимо прочего, указывают на необходимость большей защиты женщин, но гендерно ориентированное законодательство, на наш взгляд, может стать ошибкой. Действительно, как показал проведенный опрос, подавляющее большинство потерпевших — лица женского пола. Однако мужчины также могут выступать в качестве потерпевших, причем не всегда вследствие действий нарушителя противоположного пола. Это указывает на необходимость правовой защиты всех граждан без исключения, хотя меры профилактики все же следует ориентировать на женщин, как преобладающую долю потерпевших.

Опасность отсутствия должного правового регулирования интернет-насилия обусловлена также тем, что без правовой охраны люди могут находить выход из ситуации с помощью незаконных способов [11]. Так, 10 апреля 2013 года гражданин З. был приговорен Воткинским районным судом Удмуртской Республики к лишению свободы за совершение убийства гражданина С (дело № 1-142). Согласно показаниям осужденного З., когда он пришел в квартиру к С., то у них возник словесный конфликт на почве того, что С. длительное время писал ему непристойные сообщения (гомосексуального характера) в сети Интернет. В ходе конфликта он начал наносить удары ножом, что привело к смерти С.

Таким образом, представляется возможным согласиться с мнением респондентов о криминализации киберхарассмента, что позволит охватить даже те случаи, когда киберхарассмент не связан с использованием угроз, шантажа или зависимости. Криминализация должна быть гендерно нейтральной несмотря на то, что большинством потерпевших являются женщины. Наиболее сложной проблемой для законодательства любой страны является корректное определение киберхарассмента, поскольку есть

вероятность либо затронуть социально приемлемое поведение, либо, напротив, упустить разновидности социально неприемлемого поведения.

Выводы

1. Подход к криминализации форм кибернасилия отличается в законодательстве различных стран. Даже интеграция государств не означает единства в борьбе с дистанционным насилием. Совершение травли, преследований и сексуальных домогательств в электронной форме в зависимости от места совершения преступления может повлечь уголовную ответственность, а может вовсе не считаться запрещенной деятельностью.

2. Проведенный опрос показал, что дистанционное насилие имеет место. Как минимум четверть респондентов стали потерпевшими от отдельных его разновидностей. Наиболее опасными и заслуживающими уголовной ответственности опрошенные лица назвали сексуальные домогательства в электронной форме. В то же время дистанционные травля и преследование были оценены респондентами как менее опасные деяния, которые должны повлечь не уголовную, а административную ответственность.

3. Киберхарассмент, по мнению опрошенных лиц и большей части ученых, является одной из самых опасных форм дистанционного насилия, поэтому целесообразно предусмотреть уголовную ответственность за такое деяние. Криминализация должна охватывать случаи, когда сексуальные домогательства не связаны с использованием угроз, шантажа или зависимости. Для этого требуется корректное определение сексуальных домогательств в дистанционной форме, поскольку есть вероятность либо затронуть социально приемлемое поведение, либо упустить разновидности социально неприемлемого поведения.

4. Навязчивое преследование в электронной форме является менее опасной разновидностью кибернасилия, поэтому его криминализация может быть оправдана в том случае, если есть вероятность наступления вредных последствий или грубого нарушения прав человека. Само по себе навязчивое присутствие лица в электронной форме не должно быть основанием применения к нему уголовно-правовых мер. В то же время, поскольку такие действия не являются социально приемлемыми, то для их ограничения достаточным может быть применение административной ответственности.

5. Травля в электронной форме имеет разное выражение и может причинять существенный вред обществу. Поэтому возможность применения уголовно-правовых мер должна разрешаться в зависимости от содержания. Действия, направленные на понуждение к совершению самоубийства или разжигание ненависти к социальным группам, безусловно должны быть строго наказаны посредством применения уголовно-правовых норм. Если же речь идет об оскорблениях, в том числе систематических, то, возможно, достаточным окажется применение административно-правовых мер.

Литература

1. Барышева К.А. Преследование как новый вид уголовно-наказуемого деяния // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. № 8. С. 178—182.
2. Arslan S., Savaser S., Hallett V., Balci S. Cyberbullying Among Primary School Students in Turkey: Self-Reported Prevalence and Associations with Home and School Life // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 10. P. 527—533.

3. *Balakrishnan V.* Cyberbullying among young adults in Malaysia: The roles of gender, age and Internet frequency // *Computers in Human Behavior*. 2015. № 46. P. 149—157. doi:<https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.01.021>
4. *Beran T.N., Rinaldi C., Bickham D.S., Rich M.* Evidence for the need to support adolescents dealing with harassment and cyber-harassment: Prevalence, progression, and impact // *School Psychology International*. 2012. Vol. 33. № 5. P. 562—576.
5. *Black M.C., Basile K.C., Breiding M.J., Smith S.G., Walters M.L., Merrick M.T.* The national intimate partner and sexual violence survey (NISVS): 2010 summary report [Электронный ресурс] // Atlanta, GA: National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention. 2011. URL: https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/nisvs_report2010-a.pdf (дата обращения: 15.12.2019).
6. *Carstensen G.* Sexual Harassment Reconsidered: The Forgotten Grey Zone // *NORA — Nordic Journal of Feminist and Gender Research*. 2016. Vol. 24. № 4. P. 267—280.
7. *Cavezza C., McEwan T.E.* Cyberstalking versus off-line stalking in a forensic sample // *Psychology, Crime & Law*. 2014. Vol. 20. № 10. P. 955—970. doi:10.1080/1068316X.2014.893334
8. *Dreßing H., Bailer J., Anders A., Wagner H., Gallas C.* Cyberstalking in a Large Sample of Social Network Users: Prevalence, Characteristics, and Impact Upon Victims // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2014. Vol. 17. № 2. P. 61—67. doi:10.1089/cyber.2012.0231
9. *El Asam A., Samara M.* Cyberbullying and the law: A review of psychological and legal challenges // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 65. P. 127—141.
10. *Halder D., Jaishankar K.* Cyber gender harassment and secondary victimization: A comparative analysis of the United States, the UK, and India // *Victims & Offenders*. 2011. Vol. 6. № 4. P. 386—398. doi:10.1080/15564886.2011.607402
11. *Hazelwood S.D., Koon-Magnin S.* Cyber stalking and cyber harassment legislation in the United States: A qualitative analysis // *International Journal of Cyber Criminology*. 2013. Vol. 7. № 2. P. 155—168.
12. *Jones L.M., Mitchell K.J., Finkelhor D.* Online harassment in context: Trends from three youth internet safety surveys (2000, 2005, 2010) // *Psychology of Violence*. 2013. Vol. 3. № 1. P. 53—69.
13. *Kalaitzaki A.* Cyberstalking victimization and perpetration among Greek college students // *Identity, Sexuality, and Relationships among Emerging Adults in the Digital Age / Under ed. M.F. Wright*. Hershey PA, USA: Information Science Reference, 2017. 369 p.
14. *Kessel Schneider S., O'Donnell L., Smith E.* Trends in Cyberbullying and School Bullying Victimization in a Regional Census of High School Students, 2006-2012 // *Journal of School Health*. 2015. Vol. 85. № 9. P. 611—620. doi:10.1111/josh.12290
15. *Ménard K.S., Pincus A.L.* Predicting Overt and Cyber Stalking Perpetration by Male and Female College Students // *Journal of Interpersonal Violence*. 2011. Vol 27. № 11. P. 2183—2207.
16. *Pereira F., Matos M.* Cyber-Stalking Victimization: What Predicts Fear Among Portuguese Adolescents? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2015. Vol. 22. № 2. P. 253—270. doi:10.1007/s10610-015-9285-7
17. *Pereira F., Spitzberg B.H., Matos M.* Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 62. P. 136—146.
18. *Peterson J., Densley J.* Cyber violence: What do we know and where do we go from here? // *Aggression and Violent Behavior*. 2017. № 34. P. 193—200. doi:10.1016/j.avb.2017.01.012

19. Smit D. Cyberbullying in South African and American schools: A legal comparative study // *South African Journal of Education*. 2015. Vol. 35. №. 2. P. 1—11.
20. Tjaden P.G. Stalking and cyberstalking // *The encyclopedia of criminology and criminal justice* / under ed. G. Bruinsma, D. Weisburd. New Jersey, USA: Wiley-Blackwell, 2014. 2760 p.
21. Van der Aa S. New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2017. № 24. P. 315—333. doi:10.1007/s10610-017-9359-9
22. Watts L.K., Wagner J., Velasquez B., Behrens P.I. Cyberbullying in higher education: A literature review // *Computers in Human Behavior*. 2017. № 69. P. 268—274. doi:https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038
23. Zalaquett C.P., Chatters S.J. Cyberbullying in College: Frequency, Characteristics, and Practical Implications [Электронный ресурс] // *SAGE Open*. 2014. Vol. 4. №. 1. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244014526721 (дата обращения: 20.01.2020).

References

1. Barysheva K.A. Presledovaniye kak novyy vid ugovovno-nakazuyemogo deyaniya [Stalking as a new criminal offence]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal [Gaps in Russian legislation]*, 2016, no 8, pp. 178-182. (In Russ.)
2. Arslan S., Savaser S., Hallett V., Balci S. Cyberbullying Among Primary School Students in Turkey: Self-Reported Prevalence and Associations with Home and School Life. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2012, Vol. 15, no 10, pp. 527—533.
3. Balakrishnan V. Cyberbullying among young adults in Malaysia: The roles of gender, age and Internet frequency. *Computers in Human Behavior*, 2015, no 46, pp. 149—157. doi:https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.01.021
4. Beran T.N., Rinaldi C., Bickham D.S., Rich M. Evidence for the need to support adolescents dealing with harassment and cyber-harassment: Prevalence, progression, and impact. *School Psychology International*, 2012, Vol. 33, no 5, pp. 562—576.
5. Black M.C., Basile K.C., Breiding M.J., Smith S.G., Walters M.L., Merrick M.T. The national intimate partner and sexual violence survey (NISVS): 2010 summary report. Atlanta, GA: National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention, 2011. Available at: https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/nisvs_report2010-a.pdf (Accessed 15.12.2019).
6. Carstensen G. Sexual Harassment Reconsidered: The Forgotten Grey Zone. *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 2016, Vol. 24, no 4, pp. 267—280.
7. Cavezza C., McEwan T.E. Cyberstalking versus off-line stalking in a forensic sample. *Psychology, Crime & Law*, 2014, Vol. 20, no 10, pp. 955—970. doi:10.1080/1068316X.2014.893334
8. Dreßing H., Bailer J., Anders A., Wagner H., Gallas C. Cyberstalking in a Large Sample of Social Network Users: Prevalence, Characteristics, and Impact Upon Victims. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2014, Vol. 17, no 2, pp. 61—67. doi:10.1089/cyber.2012.0231
9. El Asam A., Samara M. Cyberbullying and the law: A review of psychological and legal challenges. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 65, pp. 127—141.
10. Halder D., Jaishankar K. Cyber gender harassment and secondary victimization: A comparative analysis of the United States, the UK, and India. *Victims & Offenders*, 2011, Vol. 6, no 4, pp. 386—398. doi:10.1080/15564886.2011.607402

11. Hazelwood S.D., Koon-Magnin S. Cyber stalking and cyber harassment legislation in the United States: A qualitative analysis. *International Journal of Cyber Criminology*, 2013, Vol. 7, no 2, pp. 155—168.
12. Jones L.M., Mitchell K.J., Finkelhor D. Online harassment in context: Trends from three youth internet safety surveys (2000, 2005, 2010). *Psychology of Violence*, 2013, Vol. 3, no 1, pp. 53—69.
13. Kalaitzaki A. Cyberstalking victimization and perpetration among Greek college students. *Identity, Sexuality, and Relationships among Emerging Adults in the Digital Age*. In M.F. Wright (ed.). Hershey PA, USA: Information Science Reference, 2017. 369 p.
14. Kessel Schneider S., O'Donnell L., Smith E. Trends in Cyberbullying and School Bullying Victimization in a Regional Census of High School Students, 2006-2012. *Journal of School Health*, 2015, Vol. 85, no 9, pp. 611—620. doi:10.1111/josh.12290
15. Ménard K.S., Pincus A.L. Predicting Overt and Cyber Stalking Perpetration by Male and Female College Students. *Journal of Interpersonal Violence*, 2011, Vol. 27, no 11, pp. 2183—2207.
16. Pereira F., Matos M. Cyber-Stalking Victimization: What Predicts Fear Among Portuguese Adolescents? *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2015, Vol. 22, no 2, pp. 253—270. doi:10.1007/s10610-015-9285-7
17. Pereira F., Spitzberg B.H., Matos M. Cyber-harassment victimization in Portugal: Prevalence, fear and help-seeking among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 2016, no 62, pp. 136—146.
18. Peterson J., Densley J. Cyber violence: What do we know and where do we go from here? *Aggression and Violent Behavior*, 2017, no 34, pp. 193—200. doi:10.1016/j.avb.2017.01.012
19. Smit D. Cyberbullying in South African and American schools: A legal comparative study. *South African Journal of Education*, 2015, Vol. 35, no 2, pp. 1—11.
20. Tjaden P.G. Stalking and cyberstalking. *The encyclopedia of criminology and criminal justice*. In G. Bruinsma, D. Weisburd (eds.). New Jersey, USA: Wiley-Blackwell, 2014. 2760 p.
21. Van der Aa S. New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 2017, no 24, pp. 315—333. doi:10.1007/s10610-017-9359-9
22. Watts L.K., Wagner J., Velasquez B., Behrens P.I. Cyberbullying in higher education: A literature review. *Computers in Human Behavior*, 2017, no 69, pp. 268—274. doi:https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.038
23. Zalaquett C.P., Chatters S.J. Cyberbullying in College: Frequency, Characteristics, and Practical Implications. *SAGE Open*, 2014, Vol. 4, no 1, Available at: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244014526721 (Accessed 20.01.2020).

Информация об авторах

Мосечкин Илья Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, Вятский государственный университет (ФГБОУ ВО ВятГУ), г. Киров, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Information about the authors

Ilya N. Mosechkin, PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminal Procedure Law and National Security, Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9724-9552>, e-mail: weretowelie@gmail.com

Мосечкин И.Н.

Дистанционное психическое насилие: перспективы совершенствования уголовного законодательства
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 64—76.

Mosechkin I.N.

Distant Psychological Violence: Prospects for Improvement of Criminal Legislation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 64—76.

Получена 30.01.2020

Принята в печать 10.11.2021

Received 30.01.2020

Accepted 10.11.2021

Особенности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента интернет- телевидения на правосознание и поведение участников дорожного движения

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО ОрЮИ
МВД России имени В.В. Лукьянова), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Раскрывается специфика информационно-психологического влияния современного интернет-телевидения на материале новостных видеорепортажей официального YouTube канала Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании. Приводятся результаты интерактивного опроса и обобщения точек зрения сотрудников Госавтоинспекции, осуществивших в рамках процедуры исследования анализ предложенных видеосюжетов. Характеризуются компоненты видеоконтента, обладающие возможностями положительного информационно-психологического воздействия на сознание и поведение участников дорожного движения и касающиеся динамики ситуации правонарушения, обстоятельств жизненного пути водителя-правонарушителя, значения грамотных профессиональных действий сотрудников дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения. Формулируются предложения, предусматривающие разработку технологий позитивного информационно-психологического воздействия на психологию участников дорожного движения с учетом достижений разных наук и областей человеческой практики.

Ключевые слова: психологическое воздействие, информационно-психологическое воздействие, интернет-телевидение, видеоконтент, правосознание, правомерное поведение, участники дорожного движения, водитель транспортного средства, административное правонарушение, сотрудники Госавтоинспекции.

Для цитаты: Борисова С.Е. Особенности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента интернет-телевидения на правосознание и поведение участников дорожного движения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89. DOI:10.17759/psylaw.2021110406

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

Particularities of the Informational and Psychological Effect of Internet TV News Videos on the Legal Awareness and Behavior of Road Users

Svetlana E. Borisova

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

The article analyzes the informational and psychological impact of modern internet television on the basis of the materials taken from news video coverings of the official YouTube channel of the Russian Television and Radio Broadcasting Company. The research work provides the results of online polls and consolidated opinions of traffic police officers who analyzed the aforementioned video materials as part of the study. Parts of the videos are described that have potentially positive informational and psychological effect on the consciousness and behavior of road users and pertaining to the dynamics of traffic law violation events, the offending driver's life circumstances, the significance of correct professional action of traffic patrol officers of the State Road Traffic Safety Inspectorate. Based on the progress made in different sciences and practical domains of human activity, several recommendations have been formulated aiming to develop methodologies for positive informational and psychological effect on road users.

Keywords: psychological impact, informational and psychological effect, internet television, videos, legal awareness, lawful conduct, road users, vehicle driver, administrative offence, traffic police officers.

For citation: Borisova S.E. Particularities of the Informational and Psychological Effect of Internet TV News Videos on the Legal Awareness and Behavior of Road Users. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no.4, pp. 77—89. DOI:10.17759/psylaw.2021110406 (In Russ.).

В настоящее время наблюдается возросший общественный интерес к вопросам использования потенциала психологии в разных областях жизнедеятельности. Среди многообразия явлений феномен психологического воздействия находится в поле зрения современных научных исследований, а повышение роли информационно-коммуникационных процессов позволяет рассуждать о развитии такого вида социального влияния, как информационно-психологическое воздействие. Подобное влияние в значительной мере реализуется общероссийскими обязательными общедоступными телеканалами, использующими разные технологии вещания, в том числе трансляции в формате онлайн и на официальных страницах социальных сетей.

Одновременно следует констатировать немаловажную роль авторитетных средств

массовой информации и коммуникации в формировании аттитюдов и компонентов правосознания, определяющего, в свою очередь, поведение человека в юридически значимых обстоятельствах, часто возникающих в условиях дорожного движения.

Стоит сослаться на распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018—2024 годы» (далее — Стратегии). Согласно документу в перечне основных задач реализации Стратегии предписано улучшать практику проведения информационно-разъяснительной работы, осуществляемой средствами массовой информации и направленной на изменение поведения участников дорожного движения; формировать в общественном сознании негативное отношение к нарушителям правил дорожного движения и фактам агрессивного поведения на дороге [15]. Осознание приоритета идей и направлений, утверждаемых Стратегией, находит отражение в точке зрения опрошенных нами в марте 2021 года руководителей подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее — ГИБДД). В числе важных мер, способствующих снижению аварийности на дорогах России, более 70% респондентов указали использование приемов информационно-психологического воздействия, позволяющего совершенствовать правосознание и поведение участников дорожного движения.

Обобщая содержание литературных источников, обозначим основные тенденции изучения сущности и закономерностей психологического воздействия. Так, благодаря достижениям фундаментальных изысканий раскрываются трактовки данного понятия, освещается история и современное состояние изученности явления, обосновывается построение его концептуальной модели [12], разъясняются когнитивные эффекты, критерии и факторы продуктивности психологического воздействия [11].

Применительно к сфере межличностной и массовой коммуникации учеными приводятся результаты прикладных исследований психологического воздействия масс-медийного курса [6; 10, с. 25—65; 13] и роли интернет-среды в проявлении личностных и когнитивных особенностей пользователей [1]; затрагиваются вопросы взаимосвязи интернет-телевидения и аудитории [21], а также специфики разных видов воздействия на человека в электронной информационной среде [4].

Самостоятельная роль отводится информационно-психологическому воздействию, выступающему объектом познания философии, социологии, педагогики, политологии, лингвистики, информатики и военной науки. В психологической сфере вырисовывается свой круг вопросов, связанных с изучением обсуждаемого феномена, трактуемого как целенаправленный процесс и итог воздействия на индивидуальный, групповой, массовый или общественный уровень сознания [3]; определяемого как вид психологического воздействия, способствующего изменению личностных характеристик посредством определенным образом оформленной и предъявленной информации [17].

Интересы теоретиков и практиков нацелены на понимание специфики деструктивного информационно-психологического воздействия, выработку эффективных способов и оригинальных решений, позволяющих нейтрализовать негативные факторы [5; 16; 19]. Особое значение придается проблеме обеспечения информационно-психологической безопасности личности и общества, в том числе подрастающего поколения [7; 14; 20];

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

приводятся суждения о необходимости правового регулирования обозначенных вопросов [14].

Отдельное место в литературных источниках выделяется определению и характеристике информационно-психологического воздействия, оказываемого средствами массовой информации (далее — СМИ) на формирование общественного и индивидуального правосознания [17; 18]; раскрываются задачи информационно-психологического воздействия в правовой социализации личности [2].

Исходя из результатов осуществленного нами исследования, сформулируем *цель научной статьи*, состоящую в анализе и систематизации совокупности характеристик новостного видеоконтента интернет-телевидения, обладающих свойством оказания положительного информационно-психологического воздействия на правосознание и поведение участников дорожного движения.

Эмпирическое изучение феномена проведено с использованием оригинального сочетания предлагаемых заданий, связанных с просмотром видеосюжетов и их обсуждением с помощью вопросов открытого и закрытого типа. Видеосюжеты заимствованы с официального YouTube канала Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, а именно российского информационного канала «Россия 24» и встроены в разработанные шаблоны с использованием элемента «Обратная связь» системы управления обучением Moodle.

Благодаря виртуальной беседе оказалось возможным изучить мнение сотрудников Госавтоинспекции из разных субъектов Российской Федерации, проходивших повышение квалификации с использованием дистанционной образовательной технологии в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова в феврале — марте 2021 года. В исследовании приняли участие 15 командиров подразделений дорожно-патрульной службы ГИБДД (далее — командиры ДПС ГИБДД) и 21 руководитель подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД (далее — руководители подразделений пропаганды БДД ГИБДД).

Продолжительность служебной деятельности в органах внутренних дел командиров ДПС ГИБДД составляет в среднем 19 лет, в подразделениях ГИБДД — 16,4 года, непосредственно в ДПС ГИБДД — 15,5 года. Продолжительность служебной деятельности в органах внутренних дел руководителей подразделений пропаганды БДД ГИБДД насчитывает в среднем 17 лет, в ГИБДД — 15 лет, в подразделении пропаганды БДД ГИБДД — 8,3 года. Средний стаж службы в занимаемой управленческой должности опрошенных сотрудников Госавтоинспекции составил 2,35 года.

Результаты эмпирического исследования, расцениваемые как достоверное экспертное мнение в виду статуса и профессионального опыта респондентов, позволили выделить три составляющие новостного видеоконтента, выполняющие функцию информационно-психологического воздействия на сознание и поведение участников дорожного движения, прежде всего водителей транспортных средств (далее — ТС).

К первой составляющей относится *освещение динамики конкретной ситуации в контексте совершенного правонарушения*. При этом позитивное следствие информационно-психологического воздействия на правосознание зрительской аудитории обуславливается соблюдением строгой логики изложения события, согласно которой факт выявления

правонарушения сотрудниками Госавтоинспекции влечет за собой реализацию правил и принципов назначения административного наказания, отраженных в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [8].

Например, доминирующей причиной, способствующей повышению уровня правосознания водителей, просмотревших видеосюжет «Мажорская выходка: в Петербурге завели дело на водителя Bentley — Россия 24» (видео размещено на официальном YouTube-канале ВГТРК — Россия 24), по преобладающему мнению респондентов, выступает проставленный в репортаже смысловой акцент на необходимости заслуженного наказания за нарушения правил дорожного движения (рис.1).

Рис. 1. Гистограмма, отражающая процентное распределение ответов на вопрос:
«Выберите 3 варианта ответа. Укажите доминирующие причины, способствующие
повышению уровня правосознания водителей, посмотревших видеосюжет ”
“Мажорская выходка: в Петербурге
завели дело на водителя Bentley—Россия 24”»

Дополнительно подавляющее большинство опрошенных пояснило, что воздействие разбираемого видео на правосознание зрительской аудитории обусловлено отражением в журналистском материале причинно-следственной связи между событием правонарушения и неизбежностью привлечения водителя к административной ответственности, а также разъяснением негативных последствий административных правонарушений в области дорожного движения.

Судя по распределению ответов, несомненное психологическое влияние оказывает использование журналистами приема контраста, когда относительно благополучию участника дорожного движения противопоставляется вероятная дальнейшая перспектива его привлечения к уголовной ответственности, а также демонстрация в репортаже юридически точных и четких профессиональных действий сотрудников ДПС ГИБДД.

Важной деталью анализируемых видеосюжетов является лаконичное, но аргументированное толкование процесса рассмотрения дела об административном правонарушении и результата о назначении административного наказания, а в случаях, когда неприемлемые реакции водителя выступают основанием для преломления их через призму уголовно-правового поля, значимый психологический эффект оказывает рассказ о воплощении принципа неотвратимости ответственности.

В целом, в рамках указанного содержательного компонента видеоматериалов ключевым аспектом является грамотное освещение юридического факта в сочетании с компетентными пояснениями, направленными на формирование правовых установок граждан и профилактику правонарушений в сфере дорожного движения.

Ко второй составляющей видеоконтента, способной оказывать информационно-психологическое воздействие на сознание и поведение участников дорожного движения, относится *освещение событий в контексте жизненного пространства правонарушителя*, неразрывно связанного с его личностными характеристиками и процессом социализации.

В качестве примера уместно рассмотреть сюжетную линию репортажа «По Кирову ездит водитель без прав, которого невозможно остановить —Россия 24» (видео размещено на официальном YouTube канале ВГТРК — Россия 24). Приводимые нами суждения о формировании правосознания правонарушителя носят гипотетический характер, фрагментарно касаются двух взаимосвязанных этапов возрастного психологического развития и затрагивают сопутствующие факторы, способствующие отклонению траектории правовой социализации личности в нежелательную сторону.

Содержание видеоматериала позволяет рассуждать об ограниченной воспитательной роли институтов правовой социализации и слабом социальном контроле действий подростка. Уместно сослаться на умозаключение, согласно которому противоречивая структура ценностных ориентаций в переходном возрасте может быть связана с недостатками семейного воспитания и порождать непоследовательность поведения [9].

Раскрытый в репортаже инцидент с участием тринадцатилетнего лица, управляющего транспортным средством, повлекший трагичные последствия для пешеходов, способен обусловить как минимум два сценария дальнейшего личностного развития несовершеннолетнего. Первый сценарий подразумевает понимание собственной вины и драматичности исхода правонарушения, что может явиться предпосылкой перестройки внутреннего мира и образа действий индивида. В этом случае, как правило, личность готова к положительной трансформации, а окружающая ее социальная среда благоприятствует преодолению зарождающихся дефектов правосознания. Второй вариант психологических изменений приобретает неконструктивную форму и оказывается промежуточной стадией усвоения социально неприемлемых стереотипов поведения, наиболее ярко проявляющихся в последующем периоде возрастного психологического становления.

В ходе просмотра видеоматериала обращает на себя внимание самоуверенность повзрослевшего главного персонажа, проявляющаяся при управлении транспортным средством и предположительно подкрепляемая демонстрацией близким членом семьи жизненной позиции оправдания отдельных административных правонарушений.

Стоит обратиться к результатам опроса респондентов, указавших в числе особенностей ситуации и видеоконтента, вызывающих у них как зрителей и профессионалов отрицательные эмоции, демонстрируемое водителем-правонарушителем чувство безнаказанности (87,2% ответов) и констатацию факта, свидетельствующего о несовершенстве правовых норм Российской Федерации (54,3% ответов). При этом основная часть комментариев направлена на обоснование необходимости изменения ряда положений КоАП РФ и включает аргументацию, касающуюся пересмотра мер ответственности за повторные административные правонарушения.

Интересным представляется мнение сотрудников Госавтоинспекции об информации, направленной на формирование правомерного поведения участников дорожного движения, которой они, исходя из своих профессиональных позиций, дополнили бы рассматриваемый репортаж.

Один из важных смысловых оттенков, отсутствующих в видео, заключается в показе конкретного юридически значимого результата допускаемых водителями аналогичных правонарушений, в частности, указании на характер составленных административных материалов и размер денежных взысканий, установленных КоАП РФ, описании принятых мер по задержанию и эвакуации транспортного средства. Согласимся, что эти сведения усилят степень правовой осведомленности участников дорожного движения, помогающей ориентироваться в системе правовых норм и моделировать поступки, мысленно предвосхищая их последствия.

Третьей составляющей видеоконтента, способной оказывать позитивное информационно-психологическое воздействие на сознание и поведение участников дорожного движения, является *освещение событий в контексте широких социальных отношений и общественно одобряемых идеалов*. При этом противовесом отрицательным факторам правовой социализации участников дорожного движения могут быть умелые и подкрепленные нормами законодательства Российской Федерации профессиональные действия сотрудников Госавтоинспекции, непринятие поведения водителей-правонарушителей обществом, принципиальная позиция СМИ, обнажающих существующие проблемы.

Показательной представляется точка зрения слушателей, отраженная в процессе разбора материала «Как главный полицейский Сахалина сам ловит автомобилистов-нарушителей — Россия 24» (видео размещено на официальном YouTube канале ВГТРК — Россия 24).

Согласно мнению 96,67% опрошенных повышению уровня правосознания участников дорожного движения способствует принципиальная, беспристрастная и юридически грамотная позиция полицейского, демонстрирующего личным примером отрицательное отношение к правонарушениям и убежденность в том, что перед законом все равны. Примечательно, что, по мнению респондентов, видимый позитивный эффект психологического воздействия таких видеорепортажей возможен при условии максимального освещения правильных профессиональных действий полицейских в СМИ.

В связи с этим целесообразно отметить, что преобладающим большинством опрошенных (97,5% ответов) приоритетным способом доведения до общества полезных сведений о деятельности подразделений ДПС ГИБДД признается передача видеoinформации федеральными телеканалами первого мультиплекса, освещающими остросюжетные и вызывающие общественный резонанс события. Наглядными, доходчивыми и интересными для зрителя-обывателя формами подачи материала о профессиональной деятельности инспекторов ДПС ГИБДД в глобальной сети «Интернет» респонденты сочли емкие по смыслу видеосюжеты продолжительностью до четырех минут (70,8% ответов), вызывающие эмоциональный отклик и укладывающиеся в шаблоны клипового мышления современного поколения людей.

Уточним, что позитивное информационно-психологическое воздействие материалов, раскрывающих социально значимую миссию Госавтоинспекции, возможно лишь при условии профессиональной компетентности сотрудников ДПС ГИБДД, проявляющейся в реальных ситуациях взаимоотношений с участниками дорожного движения.

Основываясь на итогах проведенного исследования, сформулируем обобщенные *предложения*, направленные на совершенствование информационно-психологического воздействия на правосознание и поведение участников дорожного движения.

Так, в текущий момент приходится констатировать необходимость разработки научно обоснованных психологических технологий, предусматривающих ненавязчивое, но убедительное и конструктивное влияние на структурные элементы правосознания участников дорожного движения. Важным компонентом обозначенных технологий являются новостные и иные видеосюжеты интернет-телевидения, рассматриваемые с точки зрения психологии как своеобразный стимульный инструментарий, помогающий совершенствовать и актуализировать человеческую способность к непреложному соблюдению правил дорожного движения.

Продуктивность влияния во многом определяется учетом в содержательном и композиционном построении видеоконтента интернет-телевидения социально-психологических механизмов воздействия, возрастных и иных психологических особенностей адресной аудитории. При этом требуется опора на синтез знаний в области разных отраслей наук (психологии, юриспруденции, лингвистики) и видов практической деятельности, непосредственно связанных с журналистикой, обеспечением безопасности дорожного движения, административной деятельностью и психологической коррекцией.

Достижение цели, связанной с изменением поведения водителей, пассажиров и пешеходов

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

в сторону безусловного соблюдения ими ПДД РФ, возможно при осуществлении системы масштабных и взаимно дополняемых мер. Информационно-психологическое воздействие интернет-телевидения на психологию участников дорожного движения стоит рассматривать как один из элементов комплексного подхода к улучшению состояния безопасности дорожного движения, предполагающего совершенствование механизма административно-правового регулирования и дальнейшее изучение вопросов юридической психологии, находящихся на стыке с административной деятельностью ГИБДД.

Литература

1. *Алмаев Н.А., Сордия Г.М.* Воздействие интернет-среды на личностные и когнитивные особенности пользователей [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 75—93. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/51945.html> (дата обращения: 14.04.2021).
2. *Андрианов М.С.* Информационно-психологическое воздействие в правовой социализации // Энциклопедия юридической психологии / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 51—52.
3. *Анцупов А.Я., Макаренков А.А.* Информационно-психологическое воздействие: понятийная схема описания // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 102—109.
4. *Баканов А.С.* Исследование модели воздействия на человека в электронной информационной среде [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 310—322. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (дата обращения: 14.04.2021).
5. *Виноградов М.В., Ульянина О.А.* Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 18—29. doi:10.17759/psylaw.2020100102
6. *Гребенищикова Т.А., Павлова Н.Д.* Дискурс и его психологическое воздействие: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2017. Том 38. № 3. С. 18—31.
7. *Дементьев С.А.* Социально-философское осмысление информационной безопасности личности в современной информационной среде // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4(34). С. 145—148.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.04.2021).
9. *Коноплева И.Н., Лозовенко А.С.* Стиль воспитания в семье и ценностные ориентации у подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. Том 2. № 2. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52034.shtml> (дата обращения: 03.04.2021).
10. *Кубрак Т.А., Латынов В.В.* Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие [Электронный ресурс]. М.: Институт психологии РАН, 2019. 214 с. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/88103.html> (дата обращения: 14.04.2021).

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

11. *Латынов В.В.* Критерии и факторы эффективности психологического воздействия [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 74—96. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (дата обращения: 14.04.2021).
12. *Латынов В.В.* Психологическое воздействие: принципы, механизмы, теории [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под редакцией А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 11—52. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (дата обращения: 14.04.2021).
13. *Латынов В.В.* Психологическое воздействие массмедийного дискурса [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Под редакцией А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2014. С. 11—31. Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/51945.html> (дата обращения: 14.04.2021).
14. *Пимонов В.А.* Основные проблемы обеспечения информационной безопасности субъектов образовательного процесса [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Том 1. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49302.shtml> (дата обращения: 05.04.2021).
15. Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р «Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018—2024 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288413/ (дата обращения: 01.04.2021).
16. *Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М., Грищенко Л.Л.* Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 75—89. doi:10.17759/psylaw.2019090406
17. *Стуканов В.Г.* К уточнению понятия «информационно-психологическое воздействие» // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 224—227.
18. *Стуканов В.Г.* Содержательный анализ информационно-психологического воздействия печатных СМИ в формировании правосознания граждан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. С. 1(65). С. 206—210.
19. *Черненилов В.И.* Психологическая устойчивость личного состава органов внутренних дел к деструктивным информационно-психологическим воздействиям // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3(66). С. 3—6.
20. *Шпагина Е.М., Чиркина Р.В.* Компетентность педагогов и психологов в области информационной безопасности детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 261—277. doi:10.17759/psylaw.2019090319
21. *Юревич А.В., Марченко Ф.О.* Эксплицитные и имплицитные представления о зрителе в социально-психологических исследованиях телевидения [Электронный ресурс] // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М.: Институт психологии РАН, 2012. С. 115—128.

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

Электронно-библиотечная система IPR BOOKS. URL: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html>
(дата обращения: 14.04.2021).

References

1. Almaev N.A., Sordiya G.M. Vozdeistvie internet-sredy na lichnostnye i kognitivnye osobennosti pol'zovatelei [Elektronnyi resurs] [The impact of the Internet environment on the personal and cognitive characteristics of users]. In Zhuravlev A.L. (ed.), *Psikhologicheskoe vozdeistvie v mezhlichnostnoi i massovoi kommunikatsii* [Psychological impact in interpersonal and mass communication]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2014, pp. 75—93. Elektronno-bibliotecnayaya sistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/51945.html> (Accessed 14.04.2021).
2. Andrianov M.S. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeistvie v pravovoi sotsializatsii [Information and psychological impact in legal socialization]. In Stolyarenko A.M. (ed.), *Entsiklopediya yuridicheskoi psikhologii* [Encyclopedia of legal psychology]. Moscow: YUNITI-DANA Publ., Zakon i parvo, 2003, pp. 51—52.
3. Antsupov A.Ya., Makarenkov A.A. Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeistvie: ponyatiinaya schema opisaniya [Informational and psychological impact: conceptual description scheme]. *Voennyya kademicheskii zhurnal* [Military Academic Journal], 2019, no. 4 (24), pp. 102—109. (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Bakanov A.S. Issledovanie modeli vozdeistviya na cheloveka v elektronnoi informatsionnoi srede [Elektronnyi resurs] [Study of the human impact model in the electronic information environment]. In Zhuravlev A.L. (ed.), *Psikhologicheskoe vozdeistvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya* [Psychological impact: mechanisms, strategies, possibilities of counteraction]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2012, pp. 310—322. Elektronno-bibliotecnayasistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (Accessed 14.04.2021).
5. Vinogradov M.V., Ul'yanina O.A. Psikhologicheskie aspekty informatsionnogo vozdeistviya na sotrudnikov organov vnutrennikh del [Elektronnyi resurs] [Psychological aspects of information impact on employees of internal affairs bodies]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020, Vol.10, no. 1, pp. 18—29. doi:10.17759/psylaw.2020100102. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
6. Grebenshchikova T.A., Pavlova N.D. Diskursi ego psikhologicheskoe vozdeistvie: podkhody k issledovaniyu [Discourse and its psychological impact: Research approaches]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2017, Vol. 38, no. 3, pp. 18—31. (In Russ., Abstr. in Engl.).
7. Dement'ev S.A. Sotsial'no-filosofskoe osmyslenie informatsionnoi bezopasnosti lichnosti v sovremennoi informatsionnoi srede [Socio-philosophical understanding of the information security of the individual in the modern information environment]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4 (34), pp. 145—148. (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Kodeks Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ [Elektronnyi resurs] [Code of the Russian Federation on administrative offences of 30.12.2001 no. 195-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Accessed 03.04.2021).

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

9. Konopleva I.N., Lozovenko A.S. Stil' vospitaniya v sem'e i tsennostnye orientatsii u podrostkov s deviantnym povedeniem [Elektronnyi resurs] [Parenting style in the family and value orientations in adolescents with deviant behavior]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2012, Vol. 2, no. 2. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52034.shtml> (Accessed 03.04.2021).
10. Kubrak T.A., Latynov V.V. Psikhologiya kinodiskursa: factory vybora, vospriyatie, vozdeistvie [Elektronnyi resurs] [Psychology of film discourse: factors of choice, perception, impact]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019. 214 p. Elektronno-bibliotechnaya sistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/88103.html> (Accessed 14.04.2021).
11. Latynov V.V. Kriterii I factory effektivnosti psikhologicheskogo vozdeistviya [Elektronnyi resurs] [Criteria and factors of effectiveness of psychological impact]. In Zhuravlev A.L. (ed.), *Psikhologicheskoe vozdeistvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya [Psychological impact: mechanisms, strategies, possibilities of counteraction]*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2012, pp. 74—96. Elektronno-bibliotechnaya sistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (Accessed 14.04.2021).
12. Latynov V.V. Psikhologicheskoe vozdeistvie: printsipy, mekhanizmy, teorii [Elektronnyi resurs] [Psychological impact: principles, mechanisms, theories]. In Zhuravlev A.L. (ed.), *Psikhologicheskoe vozdeistvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya [Psychological impact: mechanisms, strategies, possibilities of counteraction]*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2012, pp. 11—52. Elektronno-bibliotechnaya sistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (Accessed 14.04.2021).
13. Latynov V.V. Psikhologicheskoe vozdeistvie massmediinogo diskursa [Elektronnyi resurs] [Psychological impact of mass media discourse]. In Zhuravlev A.L. (ed.), *Psikhologicheskoe vozdeistvie v mezhlichnostnoi i massovoi kommunikatsii [Psychological impact in interpersonal and mass communication]*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2014, pp.11—31. Elektronno-bibliotechnaya sistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/51945.html> (Accessed 14.04.2021).
14. Pimonov V.A. Osnovnye problem obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa [Elektronnyi resurs] [The main problems of ensuring the information security of the subjects of the educational process]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2011, Vol. 1, no. 4. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49302.shtml> (Accessed 05.04.2021).
15. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.01.2018 № 1-r 'Ob utverzhdenii Strategii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossiiskoi Federatsii na 2018-2024 gody' [Elektronnyi resurs] [Decree of the Government of the Russian Federation of 08.01.2018 no. 1-r 'On Approval of the Road Safety Strategy in the Russian Federation for 2018-2024']. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288413/ (Accessed 01.04.2021).
16. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Vakhnina V.V., Boeva O.M., Grishchenko L.L. Psikhologicheskie aspekty destruktivnogo informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya [Elektronnyi resurs] [Psychological aspects of destructive information and psychological impact] // *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2019, Vol. 9, no. 4, pp. 75—89. doi:10.17759/psylaw.2019090406. (In Russ., Abstr. in Engl.).

Борисова С.Е.
Особенности информационно-психологического
воздействия новостного видеоконтента интернет-
телевидения на правосознание и поведение
участников дорожного движения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 77—89.

Borisova S.E.
Particularities of the Informational and Psychological
Effect of Internet TV News Videos on the
Legal Awareness and
Behavior of Road Users
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 77—89.

17. Stukanov V.G. K utochneniyu ponyatiya 'informatsionno-psikhologicheskoe vozdeistvie' [To clarify the concept of 'information and psychological impact']. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 5, pp. 224—227. (In Russ., Abstr. in Engl.).
18. Stukanov V.G. Soderzhatel'nyi analiz informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya pechatnykh SMI v formirovanii pravosoznaniya grazhdan [Content analysis of the information and psychological impact of print media in the formation of the legal consciousness of citizens]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 1 (65), pp. 206—210. (In Russ., Abstr. in Engl.).
19. Chernenilov V.I. Psikhologicheskaya ustoichivost' lichnogo sostava organov vnutrennikh del k destruktivnym informatsionno-psikhologicheskim vozdeistviyam [Psychological stability of the personnel of the internal affairs bodies to destructive information and psychological influences]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement agencies], 2016, no. 3 (66), pp. 3—6. (In Russ., Abstr. in Engl.).
20. Shpagina E.M., Chirkina R.V. Kompetentnost' pedagogovpsikhologov v oblasti informatsionnoi bezopasnosti detei [Elektronnyi resurs] [Competence of teachers and psychologists in the field of information security of children]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 261—277. doi:10.17759/psylaw.2019090319. (In Russ., Abstr. in Engl.)
21. Yurevich A.V., Marchenko F.O. Eksplitsitnye i implitsitnye predstavleniya o zritele v sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniyakh televideniya [Elektronnyi resurs] [Explicit and implicit representations of the viewer in socio-psychological studies of television]. In Zhuravlev A.L. (ed.), *Psikhologicheskoe vozdeistvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya* [Psychological impact: mechanisms, strategies, possibilities of counteraction]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2012, pp. 115—128. Elektronno-bibliotchnaya sistema IPR BOOKS. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/47552.html> (Accessed 14.04.2021).

Информация об авторах

Борисова Светлана Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ФГКОУ ВО ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana E. Borisova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Psychology, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6355-4017>, e-mail: ya.borisowa-svet2012@yandex.ru

Получена 12.05.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 12.05.2021
Accepted 10.11.2021

О предикторах негативной креативности у взрослых на примере курсантов

Мешкова Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Ениколопов С.Н.

Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Кудрявцев В.Т.

Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ), Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vt kud@mail.ru

Бочкова М.Н.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

Мешков И.А.

Независимый исследователь, Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

Работа направлена на прояснение вклада моральной идентичности и макиавеллизма как предикторов негативной креативности. Негативная креативность — решение легитимной задачи, в результате чего был нанесен ненамеренный вред другим. Для предотвращения такого воздействия на окружающих важно понять, какие личностные характеристики являются предикторами поведенческих проявлений негативной креативности. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке курсантов одного из вузов ОВД России (N=277 человек, из них 200 мужчин, средний возраст 20 лет). Использовались адаптированные на российской выборке опросники Мак IV и «NEO-FFI», а также моральной идентичности (К. Aquino и А. Reed, II). Для диагностики негативной креативности были использованы шкалы «Ложь» и «Злые шутки» опросника «The Malevolent Creativity Behavior Scale» (Hao et al.). Гипотеза исследования: ключевыми характеристиками профиля негативной креативности взрослых (на примере курсантов) являются макиавеллизм и низкие значения моральной идентичности. Согласно результатам, способность контролировать собственные импульсы и интериоризация моральных качеств, развитые на

*Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.*
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

*Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.*
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

среднем уровне, а также высокий макиавеллизм и средняя способность самоконтроля являются предикторами негативной креативности и компонентами риска. Новизна полученных результатов состоит в том, что в случае негативной креативности важно принимать во внимание не низкое развитие положительных характеристик (добросовестность и моральная идентичность), а средние значения.

Ключевые слова: негативная креативность, взрослые, Большая пятерка, моральная идентичность, метод исследования негативной креативности, поведенческие проявления негативной креативности.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-013-00240-А.

Для цитаты: Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т., Бочкова М.Н., Мешков И.А. О предикторах негативной креативности у взрослых на примере курсантов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108. DOI:10.17759/psylaw.2021110407

Predictors of Negative Creativity in Adults on the Example of Cadets

Natalya V. Meshkova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Sergey N. Enikolopov

Mental Health Research Center, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Vladimir T. Kudryavtsev

Moscow City University, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

Margarita N. Bochkova

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: Boschkova.m84@gmail.com

Ivan A. Meshkov

Independent Researcher, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

The work is aimed at clarifying the contribution of moral identity and Machiavellianism as predictors of negative creativity. Negative creativity is the solution of a legitimate task, as a result of which unintentional harm was inflicted on others. To prevent such an impact on others, it is important to understand which

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

personal characteristics are predictors of behavioral manifestations of negative creativity. The materials of an empirical study obtained on a sample of cadets of one of the universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia (N=277 people, 200 of them men, the average age is 20 years) are presented. We used questionnaires adapted from the Russian sample of Mac IV and NEO-FFI; as well as moral ideality (K. Aquino and A. Reed, II). To diagnose negative creativity, the scales 'Lies' and 'Evil Jokes' of the questionnaire 'The Malevolent Creativity Behavior Scale' (Hao et al.) were used. Research hypothesis: the key characteristics of the negative creativity profile of adults (on the example of cadets) are Machiavellianism and low values of moral identity. According to the results, the ability to control one's own impulses and the internalization of moral qualities developed at the average level, as well as high Machiavellianism and average self-control ability, are predictors of negative creativity and risk components. The novelty of the results obtained is that in the case of negative productivity, it is important to take into account not the low development of positive characteristics (conscientiousness and moral identity), but the average values.

Keywords: negative creativity, adults, Big Five, moral identity, research method of negative creativity, behavioral manifestations of negative creativity.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 19-013-00240-A.

For citation: Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtsev V.T., Bochkova M.N., Meshkov I.A. Predictors of Negative Creativity in Adults on the Example of Cadets. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108. DOI:10.17759/psylaw.2021110407 (In Russ.).

Введение

Проблема использования творческого мышления, когда побочным продуктом креативного процесса становится нанесение ненамеренного вреда другим людям или объектам, остается малоизученной [5; 14], несмотря на то, что первая публикация появилась в 1999 г. [17; см.: 20]. В данном случае речь идет о негативной креативности. Под негативной креативностью мы понимаем решение легитимной задачи, результатом чего стало ненамеренное нанесение вреда другим людям [6]. Негативная креативность может проявляться в девиантном поведении и, в том числе, в коррупции и «беловоротничковой» преступности.

Для диагностики негативной креативности используются задания в виде социальных ситуаций из реальной жизни — Real Word Divergent Task (RWDT) [см.: 20; 4] и тесты на дивергентное мышление с заданиями придумать оригинальное использование обычных предметов [см.: 20]. Однако все они задуманы для диагностики мышления и по полученным результатам нельзя делать выводы о реальном поведении респондентов. Н. Кароог и А. Хан изучали негативную креативность в рамках интеракционистского подхода, согласно которому, креативное поведение является продуктом взаимодействия личностных характеристик, когнитивных стилей, намерений и ситуационных переменных — контекста и типа задачи [см.: 21]; но и в данном случае под негативным креативным поведением рассматривалось продуцирование негативных идей. Заслужой данных авторов является то,

что они показали обратную связь негативных идей, выявляемых тестами дивергентного мышления, с добросовестностью и прямую связь с психопатией [21].

На текущий момент исследователи приходят к выводу о том, что остается не выясненным, какие компоненты креативного потенциала, ведущие к порождению негативных идей, приводят к нанесению вреда, а связь продуцирования идей и поведения остается малоизученной [14]. Говоря о компонентах креативного потенциала, важно установить личностные характеристики негативной креативности.

Ранее нами было показано, что негативная креативность у старших подростков связана с нейротизмом, низким уровнем внутриличностного эмоционального интеллекта, низким уровнем развития личностной черты «сотрудничество», макиавеллизмом [2]. Также было показано, что беглость (количество решений ситуации) в просоциальной ситуации и ситуации лжи значимо коррелируют и было высказано предположение о том, что креативность может являться в просоциальной ситуации и ситуации лжи единым конструктом, а продуцирование решений в ситуации лжи может являться легитимным действием для креативных индивидов. Кроме того, было показано, что, во-первых, и оригинальность решений также значимо коррелирует, а, во-вторых, для подростков является характерным предлагать негативные решения в просоциальных ситуациях и заданиях на вербальную креативность [4]. Подросткам 15—16 лет ($N = 50$; из них 26 — юноши) было предложено придумать как можно больше таких решений на 4 задания, которые до этого никто не придумывал. Среди заданий была просоциальная ситуация, два задания на вербальную креативность, ситуация с негативной коннотацией лжи (придумать как можно больше оправданий опоздания на занятие). При анализе ответов-решений на предложенные задания было обнаружено, что практически во всех просоциальных заданиях (т. е. задание сформулировано таким образом, что предполагается получить социально приемлемый ответ) встречаются ответы с негативной коннотацией, которые можно расценить как агрессивные или унижающие с помощью злых шуток, что можно расценивать как негативную креативность [1; 4]. Также был получен интересный результат: выявлены подростки, которые отказались предлагать идеи в ситуации негативной коннотации лжи, а предложили просто извиниться за опоздание и эти ответы значимо положительно коррелировали (коэффициент корреляции по Спирмену — 0,283; корреляция значима на уровне $p < 0,05$) с моральной идентичностью (опросник моральной идентичности был включен в батарею опросников данного исследования, при этом полученные результаты не были включены в статью, исходя из заложенных в статье целей) [4]. Применительно к уточнению профиля негативной креативности у взрослых респондентов представляется важным проанализировать шкалы опросника антисоциальной креативности «Ложь» и «Злые шутки» на предмет корреляции с моральной идентичностью, как имеющие потенциал не только антисоциальной креативности, реализующейся в ситуациях мести [см.: 7; 8], но и негативной, реализующейся в просоциальных ситуациях.

Хотя ряд авторов не нашли связь между негативной креативностью и макиавеллизмом [18; 19], представляется важным проанализировать ее на поведении в виде лжи и злых шуток. Поскольку было показано, что молодые люди с высокими значениями макиавеллизма обладают таким комплексом характеристик, как незначимость для них моральных качеств; стремление к удовлетворению собственных интересов в ущерб интересам других, слабый контроль собственных импульсов, они быстро раздражаются и злятся при столкновении с

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

ситуациями, не вписывающимися в их стереотипы; однако развитое категоричное мышление способствует принятию быстрых решений и моментальным решительным действиям, при этом с ориентацией на избегание неудач [9], т. е. для них первичны их личные интересы и, пренебрегая интересами других, они могут ненамеренно наносить им вред с помощью лжи и злых шуток.

Основываясь на мнении о том, что феномен креативности не следует рассматривать вне рамок нравственности, морали и конвенциональности [22; 23], хотя вклад морали в креативность и неоднозначен [25], можно предположить, что существует обратная связь между моральной идентичностью и негативной креативностью, при этом уровень моральной идентичности может вносить неоднозначный вклад в комплекс предикторов. Кроме того, согласно социокогнитивной модели, предложенной А. Бандурой, моральная идентичность регулирует социальное поведение личности [13]. Учитывая результаты по различиям выборок кадетов и курсантов [см.: 10] по черте «Сотрудничество» (значимо выше в выборке курсантов) мы формулируем следующую гипотезу: ключевыми характеристиками профиля негативной креативности взрослых (на примере курсантов) являются макиавеллизм и низкие значения моральной идентичности.

Выборка и методики исследования

Цель исследования состояла в выявлении роли компонентов моральной идентичности и макиавеллизма в негативной креативности. Выборку составили курсанты одного из вузов ОВД России в количестве 277 человек, из них 200 мужчин, средний возраст — 20 лет. Исследование проводилось в 2018—2019 гг.

В ходе исследования использовались следующие опросники: шкала макиавеллизма личности «Мак-IV» (адаптация В.В. Знакова [3]), «NEO-FFI» — сокращенный вариант опросника «NEO PI-R» П. Коста и Р. Макраэ [15] (адаптация В.Е. Орла, И.Г. Сенгина [11]).

Для диагностики негативной креативности использовались шкалы «Ложь» и «Злые шутки», адаптированного на русскоязычной выборке опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (адаптация Н.И. Мешковой и др. [8], в оригинале — опросник «The Malevolent Creativity Behavior Scale» (Hao et al., [16])). Негативная креативность оценивалась по сумме ответов на 6 вопросов о частоте встречаемости (от 0 — никогда, до 4 — постоянно) у респондента того или иного вида поведения. Например: «Как часто Вы придумываете отговорки, чтобы оправдать собственные поступки?» («Ложь») и «Как часто Вы пытаетесь злыми шутками отомстить другим?» («Злые шутки») [8; 16]. Ответы испытуемых суммировались и учитывались как показатель негативной креативности.

Также использовался опросник К. Aquino и А. Reed, II (2002) «Moral Identity». Респондентам предлагалось представить, каким должен быть человек, обладающий девятью характеристиками: заботливый, сострадательный, справедливый, дружелюбный, щедрый, помогающий, трудолюбивый, честный, добрый), а затем по 7-бальной шкале выразить степень согласия с утверждениями. Согласно замыслу авторов, опросник включает две шкалы: первая касается степени интернализации данных качеств респондентом (насколько они важны для респондента, хотел бы он ими обладать и т. д.); вторая шкала касается воплощения качеств в поведении [12]. Поскольку в опроснике в качестве морального поведения рассматривается волонтерство, мы пренебрегли второй шкалой, так как

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

диагностика волонтерства не входила в наши задачи. Опросник был переведен нами на русский язык и проверен на надежность внутренней согласованности (альфа кронбаха=0,85). Стоит отметить, что под моральной идентичностью авторы опросника понимают степень важности в Я-концепции обладания качествами морального человека. Являясь частью социальной идентичности, моральная идентичность может активироваться под влиянием контекста и ситуации, а также индивидуальных различий. Чем важнее качества морального человека для респондента, тем сильнее их связь с моральными убеждениями и моральными действиями. Оригинальная англоязычная версия показала высокую надежность и валидность [12].

Статистическая обработка проводилась с использованием SPSS Statistics 23.0.

Результаты исследования

На первом этапе обработки полученных результатов мы проводили корреляционный и регрессионный анализ параметров, полученных на выборке курсантов. Описательные статистики и результаты анализа представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Описательные статистики выборки курсантов и корреляции параметров, по Спирмену

№ п.п.	Курсанты (N=277)	Мин.	Макс.	Ср.	Ср-кв. откл.	1	2	3	4
1	Сотрудничество	27	56	42,1 5	5,040	-	-	-	-
2	Добросовестность	28	60	46,4 4	5,806	,307**	-	-	-
3	Макиавеллизм	39	112	70,9 8	11,66 2	-,449**	-,340**	-	-
4	Моральная идентичность	5	36	28,0 4	4,361	,291**	,204**	- ,277**	-
5	Негативная креативность	0	21	7,27	4,421	-,229**	-,344**	,277**	- ,033

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне $p < 0,01$; Мин. — минимум; Макс. — максимум; Ср. — среднее; Ср-кв. откл. — среднеквадратичное отклонение.

Были выявлены значимые положительные корреляции негативной креативности с макиавеллизмом и отрицательные — с чертами Большой пятерки «Сотрудничество» и «Добросовестность» (все корреляции значимы на уровне $p < 0,01$). При этом показатели моральной идентичности отрицательно коррелируют с макиавеллизмом, и положительно — с чертами Большой пятерки (все корреляции значимы на уровне $p < 0,01$).

Пошаговый регрессионный анализ показал, что 16% дисперсии значений негативной креативности объясняются вкладом добросовестности и макиавеллизма (табл. 2).

Таблица 2

Регрессионный анализ: сводки для моделей и коэффициенты

Курсанты		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	R	R-квадрат
		B	Стандартная ошибка	Бета				
1	(Константа)	20,277	2,000		10,136	,000		
	Добросовестность	-,281	,043	-,368	-6,567	,000	,368	,135
2	(Константа)	13,483	2,974		4,533	,000		
	Добросовестность	-,237	,044	-,311	-5,338	,000		
	Макиавеллизм	,067	,022	,178	3,050	,003	,404	,163

На *втором этапе* обработки полученных результатов выборка была разделена на 2 подвыборки по уровню моральной идентичности: 1 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности выше среднего значения (N=126); 2 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности ниже среднего значения (N=151). Были выявлены следующие значимые корреляции негативной креативности: в подвыборке 1 — отрицательные с добросовестностью и моральной идентичностью; положительные — с макиавеллизмом; в подвыборке 2 — отрицательные с сотрудничеством и добросовестностью, положительные — с макиавеллизмом (табл. 3).

Таблица 3

Корреляции черт Большой пятерки, макиавеллизма, моральной идентичности и негативной креативности, по Спирмену, в подвыборках с разным уровнем моральной идентичности

Параметры	Сотрудничество		Добросовестность		Макиавеллизм		Моральная идентичность	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Добросовестность	,286**	,301**	-	-	-	-	-	-
Макиавеллизм	-,443**	-,356**	-,356**	-,273**	-	-	-	-
Моральная идентичность	,282**	,116	,175*	,089	-,206*	-,038	-	-
Негативная креативность	-,119	-,340**	-,303**	-,399**	,213*	,368*	-,288**	,116

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
 Бочкова М.Н., Мешков И.А.
 О предикторах негативной креативности у взрослых
 на примере курсантов
 Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
 Bochkova M.N., Meshkov I.A.
 Predictors of Negative Creativity in Adults on the
 Example of Cadets
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне $p < 0,01$; «*» — корреляция значима на уровне $p < 0,05$; 1 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности выше среднего значения ($N=126$); 2 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности ниже среднего значения ($N=151$).

Непараметрические сравнения по критерию Манна—Уитни показали, что подвыборки имеют значимые различия. В подвыборке 1 выше значения сотрудничества и добросовестности и ниже макиавеллизма (табл. 4).

Таблица 4

Значимые различия подвыборок по Манну—Уитни и значения среднего ранга

Значения	Сотрудничество	Добросовестность	Макиавеллизм
Средний ранг 1	161,68	155,39	117,05
Средний ранг 2	122,92	128,14	159,45
U Манна—Уитни	7025,500	7824,500	6726,500
W Вилкоксона	18806,500	19605,500	14982,500
Z	-3,996	-2,808	-4,376
Асимптотическая значимость (двусторонняя)	,000	,005	,000

Примечание: 1 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности выше среднего значения ($N=126$); 2 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности ниже среднего значения ($N=151$).

Пошаговый регрессионный анализ показал, что: а) 15,8% дисперсии значений негативной креативности в подвыборке 1 объясняются вкладом добросовестности и моральной идентичности и б) 24,3% дисперсии значений негативной креативности в подвыборке 2 объясняются вкладом добросовестности и макиавеллизма (табл. 5).

Таблица 5

**Регрессионный анализ: сводки для моделей по подвыборкам с разным
 уровнем моральной идентичности и коэффициенты**

Курсанты / Модели			Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	R	R-квadrat
			B	Стандартная ошибка	Бета				
1	1	(Константа)	17,896	2,899		6,173	,000		
		Добросовестность	-,228	,061	-,318	-3,749	,000	,318	,101
	2	(Константа)	30,896	5,303		5,826	,000		
		Добросовестность	-,202	,060	-,282	-3,381	,001		
		Моральная идентичность	-,451	,156	-,241	-2,893	,005	,397	,158
	2	1	(Константа)	22,275	2,805		7,942	,000	
Добросовестность			-,327	,061	-,402	-5,362	,000	,402	,162
2		(Константа)	9,388	4,203		2,234	,027		
		Добросовестность	-,265	,060	-,326	-4,402	,000		
		Макиавеллизм	,136	,034	,294	3,976	,000	,493	,243

Примечание: 1 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности выше среднего значения (N=126); 2 — подвыборка курсантов со значениями моральной идентичности ниже среднего значения (N=151).

На *третьем этапе* обработки полученных результатов выборка была разделена на 2 подвыборки по значениям добросовестности: 1 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности выше среднего значения (N=144); 2 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности ниже среднего значения (N=133). Были выявлены следующие значимые корреляции негативной креативности: значимо отрицательные с добросовестностью, сотрудничеством и значимо положительные с макиавеллизмом в подвыборке 1; значимо отрицательные — с добросовестностью и значимо положительные — с макиавеллизмом в подвыборке 2 (см. табл. 6).

Таблица 6

Корреляции черт Большой пятерки, макиавеллизма, моральной идентичности и негативной креативности, по Спирмену, в подвыборках с разным уровнем добросовестности

Параметры Подвыборки	Сотрудничест во		Добросовест- ность		Макиавел- лизм		Моральная идентичность	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Добросовест- ность	,182*	,279**	-	-	-	-	-	-
Макиавел- лизм	-,458**	-,335**	-	-	-	-	-	-
Моральная идентичность	,320**	,213*	-	-	-,29 9* *	-	-	-
Негативная креативность	-,217**	-	-,229**	-,273**	,22 5* *	,195*	-	-

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне $p < 0,01$; «*» — корреляция значима на уровне $p < 0,05$; 1 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности выше среднего значения (N=144); 2 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности ниже среднего значения (N=133).

Непараметрические сравнения по критерию Манна—Уитни показали, что подвыборки имеют значимые различия. Подвыборка 1 значимо отличается более высокими значениями сотрудничества и моральной идентичности, и более низкими макиавеллизмом и негативной креативностью (табл. 7).

Таблица 7

Значимые различия подвыборок, по Манну—Уитни, и значения среднего ранга

Значения	Сотрудничество	Макиавеллизм	Моральная идентичность	Негативная креативность
Средний ранг 1	158,35	113,60	154,32	119,49
Средний ранг 2	120,14	166,49	123,56	162,19
U Манна—Уитни	7054,000	5919,500	7513,000	6741,500
W Вилкоксона	16099,000	16359,500	16558,000	17326,500
Z	-3,960	-5,492	-3,199	-4,427
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	,000	,000	,001	,000

Примечание: 1 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности выше среднего значения (N=144); 2 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности ниже среднего значения (N=133).

Пошаговый регрессионный анализ показал, что: а) 10,6% дисперсии значений негативной креативности в подвыборке 1 объясняются вкладом макиавеллизма и добросовестности и б) 9% дисперсии значений негативной креативности в подвыборке 2 объясняются вкладом добросовестности (табл. 8).

Таблица 8

Регрессионный анализ: сводки для моделей по подвыборкам с разным уровнем добросовестности и коэффициенты

Курсанты / Модели		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость	R	R-квадрат
		B	Стандартная ошибка	Бета				
1	1	(Константа)	,468	1,839		,255	,799	
		Макиавеллизм	,084	,027	,255	3,134	,002	,255
	2	(Константа)	14,072	5,650		2,490	,014	

		Макиавеллизм	,076	,027	,228	2,833	,005		
		Добросовестность	-,256	,101	-,205	-2,541	,012	,326	,106
2	1	(Константа)	23,16 8	4,095		5,657	,000		
		Добросовестность	-,353	,098	-,300	-3,606	,000	,300	,090

Примечание: 1 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности выше среднего значения (N=144); 2 — подвыборка курсантов со значениями добросовестности ниже среднего значения (N=133).

Обсуждение полученных результатов

Исследование проводилось с целью уточнения профиля негативной креативности у взрослых и выяснения роли, которую играют в негативной креативности (НК) макиавеллизм и моральная идентичность. Для анализа результатов по предикторам НК для нас представляли интерес следующие подвыборки: а) со значениями моральной идентичности выше среднего и б) со значениями добросовестности выше среднего. Такой отбор респондентов был обусловлен используемым опросником для диагностики НК, предназначенным для выявления антисоциальной креативности в поведении. Исходя из наших предыдущих исследований, мы пришли к выводу о том, что при определенных обстоятельствах этот опросник можно использовать для исследования НК. В пользу нашего выбора свидетельствуют и непараметрические сравнения, позволяющие сделать следующие выводы.

А. Подвыборка, выделенная по значениям моральной идентичности выше среднего, не отличалась по уровню НК от подвыборки со значениями ниже среднего, но отличалась низким макиавеллизмом, и именно в ней были выявлены значимые корреляции НК с моральной идентичностью. Отрицательными предикторами НК в данной группе стали добросовестность и моральная идентичность. Получается, что именно люди со средними значениями моральной идентичности в совокупности со средними значениями добросовестности составляют группу риска и способны осуществлять креативные решения, наносящие вред другим, при этом не задумываясь, что могут нанести вред. Данный факт можно объяснить тем, что средний уровень моральной идентичности не способен выступать регулятором собственных импульсов и стремления к удовлетворению собственных интересов, а индивид не замечает, что происходит это в ущерб интересам других.

Б. Подвыборка, выделенная по значениям добросовестности выше среднего значения, отличалась от своей «визави» высокими значениями моральной идентичности и низкими макиавеллизмом и НК, при этом предикторами НК стали макиавеллизм (положительный предиктор) и добросовестность (отрицательный предиктор). Иными словами, средний уровень контроля собственных импульсов может сочетаться с высоким макиавеллизмом, при этом индивид, в стремлении достичь собственных интересов, не задумывается о соблюдении чужих.

Таким образом, выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась: и макиавеллизм, и

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

моральная идентичность были выявлены в качестве предикторов негативной креативности, измеряемой как поведенческие проявления в виде лжи и злых шуток.

Особо отметим, что новизна нашего исследования состояла в том, что в качестве инструментария для исследования негативной креативности была использована методика, исследующая ее поведенческие особенности. До настоящего исследования негативная креативность диагностировалась с помощью социальных ситуаций и необычного использования обычных предметов [20].

Полученные нами результаты показали, что для определенного контингента испытуемых с целью выявления негативной креативности можно использовать шкалы «Ложь» и «Злые шутки» из опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» [8], если принимать во внимание отсутствие намерения нанесения вреда другим людям.

Что касается уточнения профиля негативной креативности, то, согласно результатам, можно говорить о том, что сочетания среднего уровня моральной идентичности и добросовестности, а также среднего уровня добросовестности и высокого макиавеллизма определяют группу риска, как компоненты, позволяющие оправдывать собственную ложь и злые шутки для достижения собственных целей и выполнения поставленных задач. При констелляции данных элементов человек не считает для себя неприемлемыми ложь и злые шутки и не задумывается о том, что они могут приносить вред другим людям.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Предикторами негативной креативности, проявляющейся в девиантном поведении (во лжи и злых шутках), являются макиавеллизм и моральная идентичность. В профиль негативной креативности входят следующие констелляции: средние значения моральной идентичности в сочетании со средними значениями добросовестности и высоким макиавеллизмом со средними значениями добросовестности. Выявленные сочетания означают, что способность контролировать собственные импульсы и интериоризация моральных качеств, развитых на среднем уровне, а также высокий макиавеллизм и средняя способность самоконтроля являются компонентами риска, когда человек, обладающий ими, не осознает, что его ложь и злые шутки могут наносить вред другим, так как на первом месте для него собственные импульсы и задачи.

2. Поведенческие особенности негативной креативности можно диагностировать с помощью двух шкал из опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» (Нао, et al., 2016), адаптированного на российской выборке (Мешкова и др., 2018б). Результат креативного процесса, реализующийся во лжи и злых шутках, но без намерения нанести вред другим может быть диагностирован у тех людей: а) у кого средние показатели моральной идентичности и добросовестности и б) у кого средние показатели добросовестности и высокие макиавеллизма.

3. Новизна полученных результатов состоит в том, что в случае негативной креативности важно принимать во внимание не низкое развитие положительных характеристик (добросовестность и моральная идентичность), а средние значения.

Заключение

Изучение негативной креативности дало возможность обратить внимание на средние значения таких положительных психологических характеристик, как моральная идентичность и добросовестность. Ранее считалось, что именно низкие значения приносят вред другим [см.: 7; 8; 1; 2; 9; 10], что было показано в исследованиях антисоциальной (наносящей вред) креативности. Новизна полученных результатов состоит в том, что впервые было проанализировано поведение, в котором может воплотиться негативная креативность, и получены предикторы такого поведения: для лжи и злых шуток предикторами стали макиавеллизм, моральная идентичность и черта Большой пятерки «Добросовестность».

В дальнейшем могут быть осуществлены следующие направления исследования: половые и возрастные различия в предикторах, а также расширение спектра методик для выявления связи между поведенческими и когнитивными параметрами негативной креативности.

В исследовании мы рассматривали негативность, проявляющуюся в поведении с нанесением ненамеренного вреда с помощью лжи и злых шуток. Мы согласны с М. Рунко в том, что процесс, используемый для производства негативных идей, сам по себе не является злонамеренным и не имеет ни моральной, ни аморальной стороны, это лишь познавательный процесс, ведущий к оригинальным результатам. Наша задача свести его негативные последствия к минимуму [24], а для этого необходимо продолжить изучение феномена и его связи с такими видами поведения, как коррупция и «воротничковая» преступность.

Литература

1. Антропова М.Ю., Мешкова Н.В. О ситуационных характеристиках креативности в социальном взаимодействии старших школьников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2017. Том 9. № 3. С. 175—185. doi:10.17759/psyedu.2017090318
2. Бочкова М.Н., Мешкова Н.В. Поведенческие особенности негативной и антисоциальной креативности на примере подростков [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 1. С. 93—106. doi:10.17759/psyedu.2019110108
3. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности // Сибирский психологический журнал. 2001. № 14—15. С. 122—128.
4. Косенкова М.Н., Мешкова Н.В. Самооценка и виды креативности у подростков: связь и предикторы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020 № 2. С. 45—61. doi:10.11621/vsp.2020.02.03
5. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Негативная креативность в образовании: особенности, угрозы и перспективы исследования // Психологическая наука и образование. 2017. Том 22. № 5. С. 67—76. doi:10.17759/pse.2017220508
6. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 15. № 2. С. 279—290. doi:10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
7. Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А., Потарыкина М.С., Мешков И.А. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018а. Том 8. № 3. С. 83—96.
doi:10.17759/psylaw.2018080306

8. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Митина О.В., Мешков И.А. Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности» // Психологическая наука и образование. 2018б. Том 23. № 6. С. 25—40. doi:10.17759/pse.2018230603

9. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кравцов О.Г. Психологический профиль макиавеллистов в рамках исследования симптомокомплекса жертв манипулятивного поведения // Сибирский Психологический журнал. 2020а. № 78. С. 6—20.

10. Мешкова Н.В. и др. Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020б. Том 17. № 1. С. 59—71. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72

11. Орел В.Е., Сенгин И.Г. Опросник NEO PI R. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2004.

12. Aquina K., Reed II A. The Self-Importance of Moral Identity // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 83(6). P. 1423—1440. doi:10.1037//0022-3514.83.6.1423

13. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation. Organizational Behavior and Human Decision Processes, 1991. Vol. 50. P. 248—287.

14. Barbot B. et al. Negative ideation in creative problem-solving is task-specific too: Evidences from a sample of incarcerated juveniles // Thinking Skills and Creativity. 38 (2020): 100740. doi:https://DOI.org/10.1016/j.tsc.2020.100740

15. McCrae R.R., Costa P.T. Validation of the five — factor model of personality across instruments and observers // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. P. 81—90.

16. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // Front. Psychol. 2016. Vol. 7. P. 682. doi:10.3389/fpsyg.2016.00682

17. James K., Clark K., Cropanzano R. Positive and negative creativity in groups, institutions, and organizations: A model and theoretical extension // Creativity Research Journal. 1999. Vol. 12(3). P. 211—226. doi:10.1207/s15326934crj1203_6

18. Jonason P.K., Richardson E.N., Potter L. Self-reported creative ability and the Dark Triad traits: An exploratory study // Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts. 2015. Vol. 9(4). P. 488—494. doi:10.1037/aca0000037

19. Kapoor H. The creative side of the Dark Triad // Creativity Research Journal. 2015. Vol. 27(1). P. 58—67. doi:10.1080/10400419.2014.961775

20. Kapoor H., Khan A. The measurement of negative creativity: Metrics and relationships // Creativity Research Journal. 2016. Vol. 28(4). P. 407—416. doi:10.1080/10400419.2016.1229977

21. Kapoor H., Khan A. Creators and Presses: The Person—Situation Interaction in Negative Creativity // The Journal of Creative Behavio. 2020. Vol. 54. P. 75—89. doi:10.1002/jocb.346

22. McLaren R.B. The dark side of creativity // Creativity Research Journal. 1993. Vol. 6(1—2). P. 137—144. doi:10.1080/10400419309534472

23. Runco M.A. Creative morality: Intentional and unconventional // Creativity Research Journal. 1993. Vol. 6(1—2). P. 17—28. doi:10.1080/10400419309534463

24. Runco M. A. Hot topic 2. The dark side of creativity: Potential better left unfulfilled / J. A.

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

Plucker (ed.) // Creativity and innovation: Theory, research, and practice (P. 49—59). Prufrock Press Inc., 2017.

25. Shen W. et al. A Theoretical and Critical Examination on the Relationship between Creativity and Morality // Curr. Psychol. 2019. Vol. 38. P. 469—485. doi:10.1007/s12144-017-9613-9

References

1. Antropova M.Y., Meshkova N.V. O situacionnyh harakteristikah kreativnosti v social'nom vzaimodejstvii starshih shkol'nikov [Elektronnyi resurs] [On the Situational Characteristics of Creativity in the Social Interaction of High School Students]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 2017, Vol. 9, no. 3, pp. 175—185. doi:10.17759/psyedu.2017090318 (In Russ.).
2. Bochkova V.N., Meshkova N.V. Povedencheskie osobennosti negativnoj i antisocial'noj kreativnosti na primere podrostkov [Elektronnyi resurs] [Behavioral Features of Negative and Malevolent Creativity in Adolescents]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies], 2019, Vol. 11, no. 1, pp. 93—106. doi:10.17759/psyedu.2019110108 (In Russ.).
3. Znakov V.V. Metodika issledovaniya makiavellizma lichnosti [Machiavellianism: psychological property of the individual and the methodology of its study]. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal* [Siberian Psychological journal], 2000, Vol. 21, no. 5, pp. 16—22. (In Russ.).
4. Kosenkova M.N., Meshkova N.V. Samoocenka i vidy kreativnosti u podrostkov: svjaz' i prediktory [Self-esteem and types of creativity in adolescents: relationship and predictors]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2020, no. 2, pp. 45—61. doi:10.11621/vsp.2020.02.03 (In Russ.).
5. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Negativnaja kreativnost' v obrazovanii: osobennosti, ugrozy i perspektivy issledovaniya [Negative Creativity in Education: Features, Threats and Research Perspectives]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2017, Vol. 22, no. 5, pp. 67—76. doi:10.17759/pse.2017220508 (In Russ.).
6. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Kreativnost' i deviantnost': svjaz' i vzaimodejstvie [Creativity and Deviance: Communication and Interaction]. *Psikhologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2018, Vol. 15, no. 2, pp. 279—290. doi:10.17323/1813-8918-2018-2-279-290 (In Russ.).
7. Meshkova N.V., Shapoval V.A., Gerasimenko E.A., Potarykina M., Meshkov I.A. Lichnostnye osobennosti i antisocial'naja kreativnost' na primere kadetov i sotrudnikov MVD [Elektronnyi resurs] [Personal features and malevolent creativity on the example of cadets and policemen]. *Psikhologija i pravo* [Psychology and Law], 2018, Vol. 8, no. 3, pp. 83—96. doi:10.17759/psylaw.2018080306 (In Russ.).
8. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Mitina O.V., Meshkov I.A. Adaptacija oprosnika 'Povedencheskie osobennosti antisocial'noj kreativnosti' [Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2018, Vol. 23, no. 6, pp. 25—40. doi:10.17759/pse.2018230603. (In Russ.).
9. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kravtsov O.G. Psikhologicheskij profil' makiavellistov v ramkah issledovaniya simptomokompleksa zhertv manipuljativnogo povedeniya [Psychological

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

profile of Machiavellians in the Study of the Symptom Complex of Manipulative Behavior Victims]. *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal [Siberian journal of psychology]*. 2020, Vol. 78, pp. 6—20. doi:10.17223/17267080/78/1 (In Russ.)

10. Meshkova N.V. [et al.]. Vozrastnye i polovye osobennosti lichnostnyh prediktorov antisocial'noj kreativnosti [Age and Gender Characteristics of Personality Predictors for Antisocial Creativity]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2020, Vol. 17, no. 1, pp. 60—72. doi:10.17323/1813-8918-2020-1-60-72 (In Russ.).

11. Orel V.E., Sengin I.G. NEO PI R. Questionnaire NEO PI R. Yaroslavl: Publ. 'Psychodiagnostics', 2004. 33 p. (In Russ.).

12. Aquina K., Reed II A. The Self-Importance of Moral Identity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 83(6), pp. 1423—1440. doi:10.1037//0022-3514.83.6.1423

13. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991. Vol. 50, pp. 248—287.

14. Barbot B. et al. Negative ideation in creative problem-solving is task-specific too: Evidences from a sample of incarcerated juveniles. *Thinking Skills and Creativity*, 2020. Vol. 38, pp. 100740. doi:10.1016/j.tsc.2020.100740

15. McCrae R.R., Costa P.T. Validation of the five — factor model of personality across instruments and observers . *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987. Vol. 52, pp. 81—90.

16. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Front. Psychol.*, 2016. Vol. 7, pp. 682. doi:10.3389/fpsyg.2016.00682

17. James K., Clark K., Cropanzano R. Positive and negative creativity in groups, institutions, and organizations: A model and theoretical extension. *Creativity Research Journal*, 1999. Vol. 12(3), pp. 211—226. doi:10.1207/s15326934crj1203_6

18. Jonason P.K., Richardson E.N., Potter L. (2015). Self-reported creative ability and the Dark Triad traits: An exploratory study. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015. Vol. 9(4), pp. 488—494. doi:10.1037/aca0000037.

19. Kapoor H. The creative side of the Dark Triad. *Creativity Research Journal*, 2015. Vol. 27(1), pp. 58—67. doi:10.1080/10400419.2014.961775

20. Kapoor H., Khan A. The measurement of negative creativity: Metrics and relationships. *Creativity Research Journal*, 2016. Vol. 28(4), pp. 407—416. DOI: 10.1080/10400419.2016.1229977

21. Kapoor H., Khan A. Creators and Presses: The Person—Situation Interaction in Negative Creativity. *The Journal of Creative Behavior*, 2020. Vol. 54, pp.75—89. doi:10.1002/jocb.346

22. McLaren R.B. The dark side of creativity. *Creativity Research Journal*, 1993. Vol. 6(1—2), pp. 137—144. doi:10.1080/10400419309534472

23. Runco M.A. Creative morality: Intentional and unconventional. *Creativity Research Journal*, 1993. Vol. 6(1—2), pp. 17—28. doi:10.1080/10400419309534463

24. Runco M. A. Hot topic 2. The dark side of creativity: Potential better left unfulfilled. In J. A. Plucker (Ed.), *Creativity and innovation: Theory, research, and practice* (pp. 49—59). Prufrock Press Inc., 2017.

Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

25. Shen W. et al. A Theoretical and Critical Examination on the Relationship between Creativity and Morality. *Curr. Psychol.*, 2019. Vol. 38, pp. 469—485. doi:10/1007?s12144-017-9613-9

Информация об авторах

Мешкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: nmeshkova@yandex.ru

Ениколопов Сергей Николаевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий отделом клинической психологии, Научный центр психического здоровья (ФГБНУ НЦПЗ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор, эксперт лаборатории культурно-исторических моделей образования, Институт среднего профессионального образования имени К.Д. Ушинского; профессор дирекции, Московский городской педагогический университет (ГАОУ ВО МГПУ), Кафедра ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

Бочкова Маргарита Николаевна, психолог, магистр психологии, независимый исследователь, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

Мешков Иван Андреевич, магистр психологии, независимый исследователь, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

Information about the authors

Natalya V. Meshkova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Sergey N. Enikolopov, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Department of Clinical Psychology, Mental Health Research Centre, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7899-424X>, e-mail: enikolopov@mail.ru

Vladimir T. Kudryavtsev, Professor, Expert, Laboratory of Cultural and Historical Models of Education, Institute of Secondary Vocational Education named after K.D. Ushinsky; Professor, Directorate of Educational Programs of the Moscow City University; Professor, UNESCO Department of Cultural and Historical Psychology of Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9283-6272>, e-mail: vtkud@mail.ru

*Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н., Кудрявцев В.Т.,
Бочкова М.Н., Мешков И.А.*
О предикторах негативной креативности у взрослых
на примере курсантов
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 90—108.

*Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Kudryavtzev V.T.,
Bochkova M.N., Meshkov I.A.*
Predictors of Negative Creativity in Adults on the
Example of Cadets
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 90—108.

Margarita N. Bochkova, Psychologist, Master of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1374-2498>, e-mail: boschkova.m84@gmail.com

Ivan A. Meshkov, Master of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8789-4614>, e-mail: ivan_meshkov1985@gmail.com

Получена 06.09.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 06.09.2021
Accepted 10.11.2021

Развитие готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в отделах специального назначения

Анкудинов Н.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Жарких А.А.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (РГУ имени С.А. Есенина), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Кокурин А.В.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (ФГБОУ ВО МГЮА), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Марьин М.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

В связи с повышенной сложностью и напряженностью служебной деятельности сотрудников отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы проблема профессиональной готовности курсантов образовательных организаций к службе в данных отделах является актуальной. Целью настоящего исследования явилась разработка программы развития профессиональной готовности курсантов вузов ФСИН России к службе в отделах специального назначения посредством формирования основных компонентов профессиональной готовности (духовного, психического, физического и специально-деятельностного), с учетом определения прикладных видов спорта, максимально эффективно ее формирующих. Исследование проводилось на базе Академии ФСИН России. В его констатирующей части приняли участие 142 курсанта вузов ФСИН России и 46 сотрудников отделов специального назначения уголовно-исполнительной системы; в экспериментальной части — 50 курсантов Академии ФСИН России. Результаты апробации программы, включающей воспитательные мероприятия, психологические тренинги, факультативные занятия по прикладным видам спорта — единоборствам и специальным дисциплинам показали ее эффективность.

*Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.*

Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России
к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

*Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.*

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

Ключевые слова: профессиональная готовность, духовная готовность, психическая готовность, физическая готовность, специально-деятельностная готовность, прикладные виды спорта, единоборства, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

Для цитаты: Анкудинов Н.В., Жарких А.А., Кокурин А.В., Марьин М.И. Развитие готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в отделах специального назначения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125. DOI:10.17759/psylaw.2021110408

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of the Russian Penitentiary Service Higher Educational Institutions for Professional Activities in Special Operations Divisions

Nikolay V. Ankudinov

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Alexandra A. Zharkikh

Ryazan State University named after S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Alexey V. Kokurin

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Mikhail I. Maryin

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Due to difficult and stressful conditions intrinsic to the work of officers in special operation divisions of correctional system, the problem of professional preparedness of trainees of educational institutions for duty in these divisions is vital. The current study aimed at developing a program for training the professional preparedness in the students of the Russian Penitentiary Service higher educational institutions for duty in divisions of special operations through strengthening the major components of their professional preparedness (spiritual, mental, physical and special action-related), and not the least by identifying the applied sports which are most effective for the task. The research was carried out at the Academy of the Russian Penitentiary Service with 142 students of the higher educational institutions of the Russian Penitentiary Service and 46 officers of special operation divisions of the correction system involved in the concluding part of the research and 50 trainees of the Academy of the Federal Penal Service of Russia in the experimental part. Testing of

the program (including educative measures, psychological trainings, optional courses in applied sports — martial arts and special subjects) has proved its efficiency.

Keywords: professional preparedness, spiritual preparedness, mental preparedness, physical preparedness, special activity preparedness, applied sports, martial arts, penitentiary system employees.

For citation: Ankudinov N.V., Zharkikh A.A., Kokurin A.V., Maryin M.I. Development of Preparedness of Cadets of Institutes of the Russian Penitentiary Service Higher Educational Institutions for Professional Activities in Special Operations Divisions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125. DOI:10.17759/psylaw.2021110408 (In Russ.).

Введение

Проблема готовности к профессиональной деятельности является особенно актуальной в силовых структурах, поскольку к сотрудникам предъявляется целый спектр требований, соответствие которым может служить гарантией эффективного выполнения служебных задач. При всем многообразии должностей, представленных в учреждениях ФСИН России, наиболее высокие требования к профессиональной готовности, отражающие основной характер деятельности всей системы, предъявляются к сотрудникам отрядов специального назначения [2].

Теоретико-методологический анализ научных исследований показывает высокий интерес со стороны ученых к проблеме профессиональной готовности (Б.Г. Ананьев, М.И. Дьяченко, Е.П. Ильин, А.В. Карпов, Е.А. Климов, Е.С. Кузьмин, Н.Д. Левитов, А.К. Маркова, В.Н. Мясищев, Л.С. Нерсесян, Д.Н. Узнадзе В.Д. Шадриков, , и др.).

Относительно уголовно-исполнительной системы профессиональная готовность рассматривалась в трудах А.Н. Баламута, Б.Б. Казака, А.М. Киселева, О.Г. Ковалева, И.В. Михалевой, А.В. Наприса, Е.В. Овчаровой, А.И. Папкина, В.М. Позднякова, Р.В. Пузыревского, А.М. Столяренко, О.В. Стариковой, А.Н. Сухова, А.И. Ушатикова и др.

С точки зрения соотносительности с экстремальными условиями деятельности, профессиональную готовность рассматривает А.М. Столяренко, считающий необходимыми условиями профессиональной готовности две взаимосвязанные группы качеств: экстремальные способности, отражающие «высокую степень соответствия его индивидуальных особенностей требованиям поведения и действий в экстремальных ситуациях, выступающие в качестве важной предпосылки успеха в них и обеспечения своей безопасности», а так же экстремальную подготовленность — «...особую подготовленность человека (обученность, воспитанность, образованность) к встрече с экстремальными трудностями» [16].

Применительно к профессиональной готовности мы в большей степени будем придерживаться точки зрения В.Д. Шадрикова, который рассматривал ее как степень развития общих и специальных способностей [18].

Теоретический анализ исследований в рамках профессиональной готовности сотрудников силовых структур (А.М. Столяренко, С.А. Трапезников, В.Л. Пашута, В.А. Беляев,

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.

Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России

к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения

Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions

Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

И.С. Дорошенко, Б.Г. Бовин, А.В. Кокурин, М.И. Марьин, М.В. Ефимов, Н.И. Евсюкова Я.Н. Полякова и др.) позволил в структуре профессиональной готовности выделить следующие основные компоненты, на которых мы будем базироваться в нашем исследовании: духовная готовность, психическая готовность, специально-деятельностная готовность, физическая готовность [3; 4; 5; 6; 13; 17; 19].

Духовную готовность в большей мере мы будем рассматривать с точки зрения развития патриотизма.

Психическую готовность в нашем исследовании мы будем понимать как совокупность определенного уровня развития индивидуально-типологических и психофизиологических особенностей, которые способствуют наиболее эффективному выполнению служебных задач в экстремальных условиях.

Специально-деятельностная готовность будет рассматриваться нами с точки зрения сформированности определенных умений и навыков у сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Физическая готовность будет определяться как совокупная характеристика сотрудника, включающая развитие физических качеств до определенного уровня в соответствии с нормативными требованиями, а также готовности функциональных систем организма.

Целью нашего исследования явилась выработка и подтверждение эффективности программы развития профессиональной готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности посредством выбора прикладного вида спорта, формирующего необходимые профессиональные качества и использования дополнительных воспитательных мероприятий в рамках образовательного процесса вузов ФСИН России.

Согласно *гипотезе* нашего исследования в соответствии с нормативными требованиями, режимом дня и экстремальной спецификой служебной и соревновательной деятельности, наибольшее прикладное значение для сотрудников уголовно-исполнительной системы имеют различные виды спортивных единоборств, развитие которых в образовательных организациях в совокупности с воспитательными мероприятиями, направленными на развитие патриотизма, и образовательным процессом, направленным на формирование специально-деятельностной готовности, будет способствовать формированию готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности.

Организация исследования

Для достижения поставленной цели и подтверждения выдвинутой гипотезы на базе научно-исследовательской лаборатории диагностических и оздоровительных технологий Академии ФСИН России с 2016 по 2020 год было проведено эмпирическое исследование, в котором было задействовано 142 курсанта образовательных организаций ФСИН России: Академии ФСИН России, Самарского юридического института ФСИН России, Воронежского института ФСИН России, Владимирского юридического института ФСИН России, Кузбасского института ФСИН России, Вологодского института права и экономики ФСИН России, Псковского филиала Академии ФСИН России, занимающихся в группах спортивного совершенствования по циклическим (лыжные гонки, легкая атлетика, плавание) — 43 человека, игровым (футбол, волейбол) видам спорта — 46 человек, а также в

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.

Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России
к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

единоборствах (рукопашный бой, самбо, дзюдо) — 53 человека и 46 сотрудников отделов специального назначения (далее — ОСН).

Результаты исследования и обсуждения

На первом этапе с целью выбора наиболее прикладного вида спорта для уголовно-исполнительной системы нами были сопоставлены результаты педагогического и психологического тестирования курсантов, специализирующихся в различных видах спорта, и сотрудников ОСН для выявления наиболее сходных с сотрудниками ОСН групп спортсменов по видам спорта. Мы полагаем, что наибольшая схожесть результатов тестирования групп спортсменов по видам спорта с группой сотрудников ОСН будет свидетельствовать о том, что вид спорта, представленный в наиболее схожей группе, максимально эффективно развивает необходимые профессиональные компетенции.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: анализ и обобщение специальной научно-методической литературы; педагогическое наблюдение; педагогическое тестирование (подтягивание на высокой перекладине (раз); бег 100 метров (сек.); бег 5000 метров (мин.); выполнение пяти боевых приемов борьбы); психологическое тестирование («Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) — Л.Н. Собчик; «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ) — Л.Н. Собчик; проективная методика «Метод цветового выбора» (МЦВ) — Л.Н. Собчик [15]; методика «Патриограмма» (ПГ) — С.И. Кудинов, А.В. Потемкин); методы математической статистики.

В результате проведенного педагогического тестирования и сравнительного анализа результатов было установлено, что сотрудники отделов специального назначения показали результат в подтягивании 18 (17:21,5) раз. Спортсмены циклических видов спорта — 19 (16,75:22,25), игровых видов — 11 (9,8:13), единоборств — 20 (17:22). Было установлено, что сотрудники ОСН не имеют достоверных различий с курсантами, специализирующимися в единоборствах и циклических видах ($p \geq 0,05$), и существенно превосходят спортсменов игровых видов спорта ($p \leq 0,01$) (табл. 1).

При тестировании на дистанции 100 метров группа сотрудников ОСН показала результат 13,4 (13:13,6) сек. Спортсмены-единоборцы — 13 (12,9:13,7) сек., представители циклических видов — 13,1 (12,7:13,4) сек., спортсмены-игровики — 13,8 (12,9:14,05) сек. Результаты тестирования свидетельствуют об отсутствии достоверных различий между сотрудниками ОСН и курсантами-единоборцами ($p \geq 0,05$), существенно уступают спортсменам циклических видов спорта ($p \leq 0,01$) и превосходят курсантов-спортсменов игровых видов спорта ($p \leq 0,05$).

Таблица 1

Результаты педагогического тестирования сотрудников отделов специального назначения и курсантов, специализирующихся в различных видах спорта Me (25;75 ц)

Упражнения Испытуемые	Упражнения на физическую подготовленность			Служебно- прикладные упражнения
	Подтягивание (кол-во раз)	Бег 100 м	Бег 5000м	Боевые приемы борьбы
Сотрудники спецназа (1)	18 (17:21,5)	13,4 (13:13,6)	22,41 (22,10:23,34)	5 (5:4)
Единоборцы(2)	20 (17:22)	13,3 (12,9:13,7)	20,41 (19,45:22,21)	5 (4:3)
Спортсмены циклических видов спорта(3)	19 (16,75:22,25)	13,1 (12,7:13,4)	18,49 (17,53:21,30)	3 (3:4)
Спортсмены игровых видов спорта (4)	11 (9,8:13)	13,8 (12,9:14,05)	22,38 (20,40:23,18)	3 (3:4)
Показатели Достоверность	Подтягивание	Бег 100 м	Бег 5000м	Боевые приемы борьбы
Группа 1-2	-	-	ρ^{**}	-
Группа 1-3	-	ρ^{**}	ρ^{**}	ρ^{**}
Группа 1-4	ρ^{**}	ρ^*	-	ρ^{**}

Примечание: в скобках показан размах значений: ρ^* — различия статистически достоверны на уровне значимости 0,05; ρ^{**} — 0,01; «-» различия не достоверны.

В тестировании на дистанции 5000 метров сотрудники ОСН показали результат 22,41 (22,10:23,34) мин., сек.; курсанты-единоборцы — 20,41 (19,45:22,21) мин., сек.; представители циклических видов спорта — 18,49 (17,53:21,30) мин., сек.; представители игровых видов спорта 22,38 (20,40:23,18) мин., сек. При сравнении результатов установлено, что сотрудники ОСН не имеют значимых различий с курсантами специализирующимися в игровых видах спорта ($\rho \geq 0,05$). При этом они существенно уступают представителям циклических видов спорта и единоборств ($\rho \leq 0,01$).

Анализ результатов выполнения служебно-прикладных упражнений (боевые приемы борьбы), с одной стороны, показал отсутствие значимых различий между сотрудниками ОСН и курсантами-спортсменами, задействованными в единоборствах. С другой стороны, были выявлены значимые различия между курсантами-спортсменами, специализирующимися в циклических и игровых видах спорта с сотрудниками ОСН на уровне значимости ($\rho \leq 0,01$).

Таким образом, на основании проведенного исследования физической подготовленности

сотрудников ОСН и курсантов-спортсменов, задействованных в различных видах спорта, наибольшее сходство проявляется между сотрудниками ОСН и курсантами-спортсменами, специализирующимися в единоборствах.

Проведенное психологическое тестирование групп курсантов-спортсменов, специализирующихся в различных видах спорта и сотрудников ОСН ФСИН России с применением методики «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Л.Н. Собчик (табл. 2) показало, что наименьшие различия с группой сотрудников ОСН наблюдаются у

Таблица 2

Результаты тестирования сотрудников ОСН и курсантов-спортсменов по методикам Л.Н. Собчик (ИТО, СМЛ, МЦВ)

Группы испытуемых	Сотрудники отдела специального назначения	Курсанты, занимающиеся единоборствами	Курсанты, занимающиеся циклическими видами спорта	Курсанты, занимающиеся игровыми видами спорта
Параметры методики				
ИТО (средние значения по методике, M_x)				
Экстраверсия (Ext)	6,2	6,4	6,7	6,9
Интроверсия (Int)	2,5	3,7	5,7*	3,0
Спонтанность (Sp)	5,8	6,2	6,1	6,3
Сензитивность (Sn)	4,3	4,7	4,3	4,4
Агрессивность (Agr)	4,2	5,3*	5,1*	5,0*
Тревожность (Anx)	3,1	3,5	3,1	3,4
Ригидность (Rg)	5,3	5,8	5,8	5,6
Эмотивность (Lab)	5,8	5,8	5,3*	6,3*
СМЛ				
Пики в профиле (в порядке убывания значений)	4, 6, 9	4, 9, 6	6, 9, 8	9, 4
«Утопленные» шкалы	2, 7, 5	2, 7		0
МЦВ				
Цвета, выбираемые на первых двух позициях второго выбора	Красный (65%) Зеленый (55%)	Красный (85%) Зеленый (70%)	Зеленый (95%) Красный (70%)	Желтый (80%) Фиолетовый (75%) Красный (60%)

* - уровень значимости при $p \leq 0,05$ (значимость различий групп курсантов-спортсменов с сотрудниками ОСН).

курсантов, специализирующихся в единоборствах, где выявлено значимое различие лишь по одному параметру — агрессивности (Agr) ($p \leq 0,05$). При этом значимые различия по данному параметру с сотрудниками отделов специального назначения наблюдаются у всех групп

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.

Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России

к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения

Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions

Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

курсантов-спортсменов. Данная картина, видимо, объясняется более молодым возрастом курсантов-спортсменов, в сравнении с сотрудниками ОСН, ввиду чего в среднем для курсантов характерны более высокие значения психоэнергетического потенциала.

Результаты исследования по методике **«Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ)** Л.Н. Собчик (табл. 2) анализировались посредством определения схожести процентного соотношения пиков в профиле, ввиду того, что мы имеем дело с типологическим опросником, где интерпретационное значение приобретают не отдельные значения шкал, а рисунок целостного профиля. Проведенное нами обследование по данной методике показало, что у *сотрудников отделов специального назначения* выражены пики в профиле по шкалам импульсивности, ригидности, оптимистичности, а также «утоплены» шкалы пессимистичности, тревожности и мужественности—женственности. Данная комбинация личностных черт адаптирует личность сотрудника ОСН к эффективному функционированию в условиях экстремальных ситуаций. При этом мгновенному принятию решений благоприятствует выраженная импульсивность, позволяющая без рассуждений мгновенно на интуитивной основе выбирать верную линию поведения. Жесткость и устойчивость поведения сотрудников ОСН, сниженная реакция на негативные эмоциональные факторы, действующие в экстремальных условиях профессиональной деятельности, реализуются благодаря выраженной ригидности, в основе которой лежит тугоподвижность нервной системы. Излишнему застреванию на произошедших в процессе профессиональной деятельности негативных событиях сотрудникам ОСН препятствует симптомокомплекс, включающий низкие значения пессимистичности, тревожности и мужественности—женственности в совокупности с выраженной оптимистичностью. При этом низкие значения пессимистичности, с одной стороны, поднимают общий фон настроения, а с другой стороны, снижают рефлексию, что уменьшает вероятность обдумывания и переживания по поводу произошедших негативно окрашенных событий, связанных с выполнением служебных задач. Сниженный уровень тревожности, с одной стороны, не сдерживает поведенческие реакции во время экстремальных условий деятельности, а с другой — снижает вероятность невротизации по поводу выполнения предстоящих служебных задач. Утопленные же значения по шкале мужественности—женственности делают сотрудников ОСН менее чувствительными к эмоциональным переживаниям, провоцируемым действием экстремальных условий деятельности.

Наиболее схожий рисунок профиля СМИЛ с сотрудниками ОСН имеют курсанты-спортсмены, задействованные в единоборствах. Так, у обеих групп наблюдаются пики по параметрам ригидности, импульсивности, оптимистичности и снижения по параметрам пессимистичности и тревожности. Данная закономерность, вероятно, объясняется схожими характеристиками спортивной деятельности, реализуемой в единоборствах с деятельностью сотрудников ОСН. Отсутствие «утопленной» шкалы мужественности—женственности в профиле курсантов-спортсменов всех групп, вероятно, объясняется тем, что они являются представителями более молодой возрастной группы, а приобретение brutальных, жестких характеристик приходит с возрастом, что мы видим на примере сотрудников ОСН.

Анализ результатов по методике **«Метод цветового выбора» (МЦВ)** Л.Н. Собчик (табл. 2) выявил, что относительно предпочтения цвета на первой позиции, как у курсантов-

спортсменов, задействованных в единоборствах, так и у сотрудников ОСН, наблюдается аналогичная картина — выбор красного и далее зеленого цветового эталона. Следует отметить, что на первую позицию в выборах у данных групп лиц выходит в основном красный цветовой эталон, что свидетельствует о сильной потребности в доминировании, достаточной целеустремленности. Данные качества благоприятствуют повышению эффективности курсантов-спортсменов, специализирующихся в единоборствах в спаррингах, и способствуют повышению эффективности решения специализированных служебных задач сотрудниками отделов специального назначения.

Результаты проведенного исследования по методике «Патриограмма» (ПГ) С.И. Кудинова, А.В. Потемкина выявили следующие различия в выраженности структурных компонентов патриотизма (табл. 3).

Таблица 3

**Средние значения сотрудников ОСН и курсантов-спортсменов
по методике «Патриограмма»**

Группы испытуемых Параметры методики	Сотрудники отдела специальног о назначения	Курсанты, занимающиеся единоборствами	Курсанты, занимающиеся циклическими видами спорта	Курсанты, занимающиеся игровыми видами спорта
Социально значимые ценности	6,5	6,3	5,8*	5,9*
Личностно значимые ценности	5,2	5,2	5,3	5,4
Эргичность	5,8	5,7	5,3*	5,2*
Аэргичность	3,1	3,4	3,3	3,2
Стеничность	6,2	6,3	5,6	5,1
Астеничность	3,3	3,2	3,3	3,1
Интернальность	5,9	5,6	4,6*	4,2*
Экстернальность	3,4	3,6	4,1*	4,5*
Социоцентризм	5,2	4,9	5,1	5,2
Эгоцентризм	4,4	4,7	4,3	4,5
Осмысленность	6,4	6,1*	5,5*	4,9*
Осведомленность	4,1	4,3	3,9	4,0
Коммуникативное	4,5	4,8	4,4	4,7
Личностное	4,3	4,4	4,2	4,3
Операциональные трудности	3,3	3,4	3,3	3,2
Личностные трудности	3,1	3,5	3,1	3,2

Примечание: «*» — уровень значимости при $p \leq 0,05$.

Так, у сотрудников ОСН наблюдаются значимые различия в выраженности социально значимого компонента ценностей в патриотизме ($M_x=6,5$) с группами курсантов, задействованных в циклических видах спорта ($M_x=5,8$) и игровых видах спорта ($M_x=5,9$) при $p \leq 0,05$.

Кроме того, у сотрудников ОСН статистически значимо ($p \leq 0,05$) проявляются более эргичные, устойчивые патриотические тенденции ($M_x=5,8$) в сравнении с курсантами, задействованными в циклических ($M_x=5,3$) и игровых ($M_x=5,2$) видах спорта.

При реализации патриотических тенденций, сотрудники ОСН в сравнении с курсантами, задействованными в циклических и игровых видах спорта, проявляют более выраженную интернальность в патриотических тенденциях, т. е. берут на себя в большей мере ответственность за свою жизнь и поведение и, в сравнении с ними же, менее выраженную экстернальность (табл. 3).

В отличие от курсантов ($p \leq 0,05$), сотрудники ОСН характеризуются большей осмысленностью в проявлениях патриотических тенденций, большей глубиной осознанности патриотических представлений, что, по всей видимости, связано в том числе с их принадлежностью к более зрелой возрастной группе.

Таким образом, в соответствии с результатами исследования по методике «Патриограмма», наибольшая схожесть с сотрудниками ОСН наблюдается у курсантов-спортсменов, задействованных в единоборствах.

Обобщение результатов проведенного психодиагностического исследования позволяет констатировать значительную степень схожести психологических особенностей у сотрудников ОСН и курсантов-спортсменов, задействованных в единоборствах. Данная картина может объясняться аналогичным характером мотивов профессионального и спортивного самоопределения и единством психологической специфики спортивной деятельности в сфере единоборств и деятельности сотрудников ОСН.

Опираясь на освещенный выше теоретико-методологический анализ представлений о развитии готовности спортсменов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в ОСН, мы рекомендуем развивать духовную, психическую, специально-деятельностную и физическую готовность.

На втором этапе нашего исследования была разработана программа развития готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в ОСН (далее — Программа), предполагающая развитие духовного, психического, специально-деятельностного и физического компонентов готовности:

1) развитие духовного компонента профессиональной готовности, с акцентом на формирование патриотизма посредством психолого-педагогического воздействия (лекции, тренинги) [1; 10; 11; 14];

2) совершенствование психического компонента готовности к профессиональной деятельности с опорой на развитие психической устойчивости и нормализации психических состояний [8; 12];

3) развитие специально-деятельностного компонент готовности в рамках факультативных занятий по служебной и боевой подготовке;

4) формирование физического компонента готовности за счет введения дополнительных часов по единоборствам [9].

Таким образом, общая схема развития готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности может быть представлена в виде следующей схемы (табл. 4).

Для апробации представленной выше комплексной программы развития готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности нами с 2017 по 2020 год на базе Академии ФСИН России было проведено исследование, в ходе которого были сформированы 2 учебные группы курсантов в количестве 25 человек каждая. При этом экспериментальная группа была задействована в Программе, а контрольная группа проходила обучение только по основным профессиональным образовательным программам.

Таблица 4

Комплексное развитие готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в ОСН

Готовность к профессиональной деятельности во ФСИН России			
Духовный компонент	Психический компонент	Специально-деятельностный компонент	Физический компонент
<p>Лекции и психолого-педагогические беседы по развитию патриотизма</p> <p>↓</p> <p>Реализуют кураторы и взводные офицеры</p>	<p>Тренинги, аутогенные тренировки для развития психической устойчивости и нормализации психических состояний</p> <p>↓</p> <p>Реализует психологическая служба вуза</p>	<p>Занятия по спец. дисциплинам</p> <p>↓</p> <p>Реализует профессорско-преподавательский состав вуза в рамках образовательной программы + факультативные занятия по огневой и тактико-специальной подготовке</p>	<p>Занятия по физической подготовке</p> <p>↓</p> <p>Реализует профессорско-преподавательский состав вуза в рамках образовательной программы</p>
<p>Факультативные занятия по различным видам единоборств</p> <p>↓</p> <p>Реализуют тренеры-преподаватели групп спортивного совершенствования по единоборствам</p>			

Для оценки результатов работы Программы предложены следующие критерии.

1. Критерий развития духовной готовности (развитие патриотизма):

- шкалы «Социально-значимые ценности», «Интернальность», «Осмысленность» (методика «Патриограмма» С.И. Кудинова, А.В. Потемкина) — положительной является тенденция к увеличению значения шкалы;

- шкала «Экстернальность» (методика «Патриограмма» С.И. Кудинова, А.В. Потемкина) — положительной является тенденция к уменьшению значения шкалы.

2. Критерий психической готовности:

- коэффициент вегетативного баланса (КВБ) (методика «Метод цветового выбора» Л.Н. Собчик) — положительной тенденцией является смещение к средним значениям по КВБ; сбор и перемещение влево «рабочей группы»;

- тип профиля по результатам методики «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» (СМИЛ) Л.Н. Собчик — положительной является тенденция нормализации («сглаживания») профиля.

3. Специально-деятельностный и физический критерий готовности к профессиональной деятельности (критерии педагогического тестирования):

- подтягивание — положительной является тенденция к увеличению результата;

- бег 100 м и 5000 м — положительной является тенденция к уменьшению времени прохождения дистанции;

- боевые приемы борьбы — положительной является тенденция к повышению оценки за выполненные действия.

По окончании эксперимента по апробации Программы были получены результаты, отраженные в табл. 5.

Таблица 5

Результаты апробации Программы

Критерий	Методики	Шкалы	Курсанты (средние показатели)			
			Экспериментальная группа		Контрольная группа	
			До	После	До	После
Духовный	Патриограмма	Социально-значимые ценности	4,4*	6,2*	4,3	4,4
		Интернальность	4,3*	5,5*	4,4	4,3
		Экстернальность	6,6*	4,1*	5,8	5,9
		Осмысленность	4,2*	6,3*	3,9	3,9

Критерий	Методики	Шкалы	Курсанты (средние показатели)			
			Экспериментальная группа		Контрольная группа	
Психический	МЦВ	КВБ	0,51*	0,82*	0,50	0,51
		% смещений раб.гр.	90%	30%	80%	80%
		% разрыва раб.гр.	80%	20%	80%	90%
	СМИЛ	Сглаживание профиля, в %		90%		30%
Специально-деятельностный и физический	Педагогическое тестирование	подтягивание	18,1*	20,8*	19,2	18,3
		Бег на 100 м	13,3*	12,1*	13,0	13,1
		Бег на 5000 м	21,2*	19,3*	21,7	21,9
		Боевые приемы борьбы	4,5*	5*	4,4	4,0

Примечание: «*» — уровень значимости при $p \leq 0,05$.

Анализ результатов психологического и педагогического тестирования по окончании Программы свидетельствует о формировании профессиональной готовности курсантов экспериментальной группы по отношению к контрольной.

Выводы

С целью развития профессиональной готовности курсантов вузов ФСИН России к профессиональной деятельности в ОСН следует формировать в структуре готовности следующие компоненты: духовный, психический, физический и специально-деятельностный.

1. Прикладными видами спорта, необходимыми для развития профессиональной готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы, являются спортивные единоборства.

2. Использование программы развития профессиональной готовности курсантов к службе в ОСН ФСИН России, основанной на развитии духовного, психического, специально-деятельностного и физического компонентов профессиональной готовности посредством воспитательных мероприятий, психологических тренингов, факультативных занятий по единоборствам и специальным дисциплинам, показывает свою эффективность.

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.
Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России
к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.
Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

Литература

1. Государственно-патриотическое воспитание военнослужащих в военном вузе: учеб.-метод. пособие / Под. общ. ред. В.А. Зайцева. Воронеж: ВАИУ, 2009. 185 с.
2. Бовин Б.Г., Кокурин А.В., Красов Д.А. Прогнозирование профессиональной успешности сотрудников отделов специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний России // Вопросы психологии экстремальных ситуаций. 2010. № 3. С. 32.
3. Дорошенко И.С. Психологическая готовность к службе с оружием в органах внутренних дел // Современные проблемы права, экономики и управления. 2016. № 1(2). С. 26—30.
4. Евсюкова Н.И. Формирование готовности юношей допризывного возраста к службе в Вооруженных Силах: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2007. 21 с.
5. Ефимов М.В. Формирование эмоционального компонента психологической готовности солдат молодого пополнения к службе в ВС России: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.
6. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Профессиология. Психологический контент: учеб. пособие. М., 2019. 194 с.
7. Кокурин А. В., Петров В. Е. Личностные особенности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, обуславливающие психологическую готовность к несению службы с огнестрельным оружием // Lex Russica. 2018. № 9(142). С. 119—128.
8. Маркелова Т.В. Формирование психологической готовности к военно-профессиональной деятельности в системе высшего профессионального образования России: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 232 с.
9. Матвеев Л.П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты: учебник. СПб, 2005. 378 с.
10. Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 28 декабря 2010 г. № 555. URL: <https://base.garant.ru/1357519/> (дата обращения: 20.08.2021).
11. Патриотическое воспитание спортсменов: учеб. пособие / С.В. Новаковский, В.А. Бобровский, А.В. Бобровский, С.В. Кондратович; [науч. ред. С.В. Степанов]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 124 с.
12. Петров Д.А. Формирование психологической готовности к действиям в экстремальных условиях у сотрудников подразделений специального назначения МВД РФ средствами физической подготовки: дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2005. 156 с.
13. Полякова Я.Н. Содержание и специфика психологической готовности сотрудников к служебной деятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. 19.00.03. Ярославль, 2017. 24 с.
14. Семенов А.В. Технологи воспитания морально-волевых качеств у военнослужащих внутренних войск МВД России средствами единоборств: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. 13.00.04. СПб., 2016. 26 с.
15. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб., 2017. 480 с.
16. Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Юнити, 2002. 607 с.
17. Трапезников С.А., Пащута В.Л., Беляев В.А. Физическая готовность военнослужащего —

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.

Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России

к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения

Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.

Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions

Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

интеграционная составляющая боевой готовности // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2020. № 2. С. 5—10.

18. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: учеб. пособие. 2- изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1996. 320 с.

19. Экстремальная психология в особых условиях деятельности / Под ред. Б.Г. Бовина, А.В. Кокурина, А.М. Ракова; ФКУ НИИ ФСИН России, ФЭП МГППУ, Академия ГПЧ МЧС России, ОСИ ФСКН России. М., 2015. 514 с.

References

1. Gosudarstvenno-patrioticheskoe vospitanie voennosluzhashchikh v voennom vuze: Uchebno-metodicheskoe posobie [State-patriotic education of military personnel in a military university]. In V.A. Zaitseva (ed.). Voronezh: VAIU, 2009, 185 p.

2. Bovin B.G., Kokurin A.V., Krasov D.A. Prognozirovaniye professional'noi uspešnosti sotrudnikov otdelov spetsial'nogo naznacheniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossii [Forecasting the professional success of employees of special purpose departments of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Voprosy psikhologii ekstremal'nykh situatsii [Questions of the psychology of extreme situations]*, 2010, no. 3, pp. 32. (In Russ.; Abstr. in Engl.).

3. Doroshenko I.S. Psikhologicheskaya gotovnost' k sluzhbe s oruzhiem v organakh vnutrennikh del [Psychological readiness for service with weapons in the internal affairs bodies]. *Sovremennyye problemy prava, ekonomiki i upravleniya [Modern problems of law, economics and management]*, 2016. no. 1 (2), pp. 26—30.

4. Evsyukova N.I. Formirovaniye gotovnosti yunoshei doprizyvnogo vozrasta k sluzhbe v Vooruzhennykh Silakh. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Formation of readiness of young men of pre-conscription age to serve in the Armed Forces. Ph. D. (Pedagogical) Thesis]. Moscow, 2007. 21 p.

5. Efimov M.V. Formirovaniye emotsional'nogo komponenta psikhologicheskoi gotovnosti soldat molodogo popolneniya k sluzhbe v VS Rossii. Avtoref. diss. kand. ped. Nauk [Formation of the emotional component of the psychological readiness of young soldiers to serve in the A.F. of Russia. Ph. D. (Pedagogical) Thesis]. Ekaterinburg, 2008. 24 p.

6. Zeer E.F., Symanyuk E.E. Professirologiya. Psikhologicheskii kontent: uchebnoe posobie [Professione. Psychological content: a textbook]. Moscow, 2019. 194 p.

7. Kokurin A. V., Petrov V. E. Lichnostnye osobennosti voennosluzhashchikh i sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov, obuslovlivayushchie psikhologicheskuyu gotovnost' k neseniyu sluzhby s ognestrel'nyim oruzhiem [Personal characteristics of military personnel and law enforcement officers that determine psychological readiness for service with firearms]. *Lex Russica [Russian Law]*, 2018, no. 9 (142), pp. 119—128. (In Russ.; Abstr. in Engl.).

8. Markelova T.V. Formirovaniye psikhologicheskoi gotovnosti k voenno-professional'noi deyatel'nosti v sisteme vysshego professional'nogo obrazovaniya Rossii: Monografiya [Formation of psychological readiness for military professional activity in the system of higher professional education in Russia]. Voronezh: Istoki Publ., 2007. 232 p.

9. Matveev, L.P. Obshchaya teoriya sporta i ee prikladnye aspekty: Uchebnik [General theory of sports and its applied aspects]. Saint-Petersburg, 2005. 378 p.

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.
Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России
к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.
Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

10. Prikaz Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii ot 28 dekabrya 2010 g. № 555 [Order of the Federal Penitentiary Service of 28 December 2010 g. № 555] [Elektronnyi resurs] Ob organizatsii vospitatel'noi raboty s rabotnikami ugovolno-ispolnitel'noi sistemy [About the organization of educational work with employees of the penitentiary system]. Available at: <https://base.garant.ru/1357519/> (Accessed 20.08.2021).
11. Patrioticheskoe vospitanie sportsmenov: Ucheb. posobie [Patriotic education of athletes: Textbook]. S.V. Novakovskii, V.A. Bobrovskii, A.V. Bobrovskii, S.V. Kondratovich. S.V. Stepanov (ed.). Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2019. 124 p.
12. Petrov D.A. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti k deistviyam v ekstremal'nykh usloviyakh u sotrudnikov podrazdelenii spetsial'nogo naznacheniya MVD RF sredstvami fizicheskoi podgotovki. Diss ... kand. ped. nauk. [Formation of psychological readiness for actions in extreme conditions among employees of special purpose units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation by means of physical training. Ph. D. (Pedagogical) diss.]. Saint-Petersburg, 2005. 156 p.
13. Polyakova Ya.N. Soderzhanie i spetsifika psikhologicheskoi gotovnosti sotrudnikov k sluzhebnoi deyatel'nosti. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk. [The content and specifics of the psychological readiness of employees for official activity. Ph.D. (Psychological) Thesis]. Yaroslavl, 2017. 24 p.
14. Semenov A.V. Tekhnologi vospitaniya moral'no-volevykh kachestv u voennosluzhashchikh vnutrennikh voisk MVD Rossii sredstvami edinoborstv. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Technologies of education of moral and volitional qualities in servicemen of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia by means of martial arts. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg, 2016. 26 p.
15. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnostics]. Saint-Petersburg, 2017. 480 p.
16. Stolyarenko A.M. Ekstremal'naya psikhopedagogika: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Extreme psychopedagogy: Textbook for university students], Moscow: Yuniti, 2002. 607 p.
17. Trapeznikov S.A., Pashuta V.L., Belyaev V.A. Fizicheskaya gotovnost' voennosluzhashchego-integratsionnaya sostavlyayushchaya boevoi gotovnosti [Physical readiness of a serviceman is an integration component of combat readiness]. Aktual'nye problemy fizicheskoi i spetsial'noi podgotovki silovykh struktur [Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies], 2020, no 2, pp. 5—10. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
18. Shadrikov V.D. Psikhologiya deyatel'nosti i sposobnosti cheloveka: Uchebnoe posobie [Psychology of human activity and abilities] 2nd ed. Moscow: Logos Publishing Corporation, 1996. 320 p.
19. Ekstremal'naya psikhologiya v osobykh usloviyakh deyatel'nosti [Extreme psychology in special conditions of activity]. In B.G. Bovin, A.V. Kokurin, A.M. Rakov (eds.) Moscow: FKU NII FSIN of Russia, FEP MGPPU, Akademiya GPCh MChS of Russia, OSI FSKN of Russia. Moscow, 2015. 514 p.

Анкудинов Н.В., Жарких А.А.,
Кокурин А.В., Марьин М.И.
Развитие готовности курсантов
вузов ФСИН России
к профессиональной деятельности
в отделах специального назначения
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 109—125.

Ankudinov N.V., Zharkikh A.A.,
Kokurin A.V., Maryin M.I.
Development of Preparedness of Cadets of Institutes of
the Russian Penitentiary Service Higher Educational
Institutions for Professional Activities in Special
Operations Divisions
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 109—125.

Информация об авторах

Анкудинов Николай Викторович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры физической подготовки и спорта, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Жарких Александра Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (РГУ имени С.А. Есенина), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Кокурин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Марьин Михаил Иванович, доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1142-8857](https://orcid.org/0000-0003-1142-8857), e-mail: marin_misha@mail.ru

Information about the authors

Nikolay V. Ankudinov, PhD in Pedagogy, Professor, Department of Physical Training and Sports, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-5310>, e-mail: ankudinov.nik@list.ru

Alexandra A. Zharkikh, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of General Psychology, Ryazan State University named after S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1239-9894>, e-mail: fonya_02@mail.ru

Alexey V. Kokurin, PhD in Psychology, Professor, Chair of the Scientific Bases of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Associate Professor, Department of Criminology and Criminal Enforcement Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Получена 09.09.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 09.09.2021
Accepted 10.11.2021

Психологическая модель профессиональной пригодности к оперативно-розыскной деятельности

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Цель работы заключалась в разработке критериев определения психологической готовности кандидатов в оперативные службы правоохранительных органов. Выборку составили 114 сотрудников органов внутренних дел (стаж работы не менее 2 лет). Методики исследования: СМИЛ; психофизиологические методики; для оценки профессиональной успешности на основе факторного анализа 55 поведенческих качеств оперативника, отмеченных непосредственными начальниками, был разработан профессиональный профиль сотрудника, включающий следующие факторы: «Уровень профессионализма», «Конфликтность», «Физическое развитие», «Доступность», «Самоконтроль», «Интеллект». Основной задачей было распознавание фактора «Уровень профессионализма» с помощью психодиагностических параметров. Эта задача была решена с помощью использования множественного линейного регрессионного анализа. С использованием матрицы сопряженности экспертной оценки и прогностического показателя регрессии оценивалась точность распознавания, которая оказалась высокой при распознавании высокой экспертной оценки с помощью тестирования. Разработанная модель предназначена лишь для отбора лучших оперативных сотрудников.

Ключевые слова: готовность к ОРД, уровень профессионализма, экспертные оценки, психодиагностика, модель распознавания.

Для цитаты: Бовин Б.Г. Психологическая модель профессиональной пригодности к оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 126—137. DOI:10.17759/psylaw.2021110409

Psychological Model of Professional Fitness for Investigative Activities

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

The research work was aimed at developing the criteria for identifying candidates' professional fitness for operational services of law enforcement. The sample comprised of 114 internal affairs officers (with 2 or more years of service). Research methods: standardized method of personality research, psychophysiological techniques; in order to evaluate an operational officer's professional effectiveness on the basis of a factor analysis of 55 behavioral qualities of an operative noted by immediate supervisors, the professional profile of the employee including the following factors was developed: 'professional level', 'proneness to conflict', 'physical development', 'availability', 'self-control', and 'intelligence'. The primary goal was to identify the 'professional level' factor using psychodiagnostic parameters. This task was accomplished through multiple linear regression analysis. With the help of adjacency matrix of expert evaluation and predictive index of regression, the identification accuracy was assessed. It turned out to be high when identifying the high expert evaluation through testing. The model developed is only intended for selecting the best operational officers.

Keywords: fitness for investigative activities, professional level, expert evaluation, psychological evaluation, identification model.

For citation: Bovin B.G. Psychological Model of Professional Fitness for Investigative Activities. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 126—137. DOI:10.17759/psylaw.2021110409 (In Russ.).

Введение

Проблема профессиональной пригодности специалистов не является новой, она получила к себе достаточно пристальное внимание в литературе [например: 2; 3; 4; 5; 7 и др.]. В практику внедрены и активно используются различные технологии оценки профессиональной пригодности специалистов [4; 5]. Наряду с этим остаются неразрешенные вопросы, а практика отбора специалистов неизбежно предъявляет дальнейшие требования и формулирует новые запросы. На один из таких вызовов и попытаемся ответить в настоящей работе. В фокусе нашего внимания окажется психологическая модель профессиональной пригодности сотрудников. Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является основной для сотрудников целого ряда подразделений, в частности: уголовного розыска, оперативно-поисковых управлений, подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, с незаконным оборотом наркотиков, оперативных сотрудников исправительных учреждений и

других федеральных служб. Несмотря на различные объекты и условия оперативной работы, можно заметить определенное сходство целей и задач: пресечение криминальной деятельности и задержание преступника; сходство оперативных методов (например, конспирация, оперативное наблюдение, документирование, следственные действия, приемы установления доверительных отношений и психологического воздействия, методы агентурной работы, разработка операций задержания преступника и другие специальные методы, используемые в оперативной работе, включая и технические средства).

Целью работы является разработка диагностического критерия психологической готовности к оперативной работе в правоохранительных органах.

Профессиональная деятельность оперуполномоченного оперативных подразделений принадлежит к разряду «сложных» профессий, предъявляющих достаточно высокие психологические и психофизиологические требования к кандидату [6].

Обязанности оперуполномоченного заключаются в реализации ОРД, «...осуществляемой, гласно и негласно, путем проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств», определены Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» [11].

Для решения перечисленных задач органами, осуществляющими ОРД, в соответствии с правилами конспирации применяются: опрос граждан, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, цензура корреспонденции осужденных, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент [6].

ОРД можно представить в виде набора определенных, иногда даже разрозненных, действий: опрос различных категорий людей (сюда входят жертвы преступления, свидетели, подозреваемые, эксперты и другие лица, имеющие отношение к подготовке или совершению преступления); оперативное наблюдение; наведение справок и получение информации из различных источников; обыски; выемки; подготовка операций; задержание; проведение дознания и другие многочисленные действия. И все же эти действия в совокупности составляют определенную структуру ОРД, которая является одним из видов экстремальной деятельности, требующей от сотрудников неординарных способностей и личностных качеств. Обладание этими способностями и качествами позволяет добиться успешной профессиональной самореализации кандидата в оперативные службы. При этом наиболее важными являются: психологическая устойчивость; толерантность к экстремальным воздействиям; способность решать оперативные задачи в ситуациях, характеризующихся высокой степенью личного риска и опасности для жизни; постоянной готовностью к ситуациям физического противостояния с преступниками; в тоже время повышенной ответственностью за свои действия, несмотря на то, что эта деятельность связана с асоциальным и криминальным контингентом.

Необходимые профессионально важные личностные качества могут быть представлены следующим образом: когнитивные способности, включающие устойчивость внимания при оперативном наблюдении; хорошая память, связанная с необходимостью запоминания

большого количества разнообразной информации; интеллектуальная находчивость при принятии решений в условиях дефицита времени; способность к прогнозированию развития событий в экстремальной ситуации и условиях информационной неопределенности; хорошо развитые вербальные способности.

К другим профессионально важным качествам относятся артистические способности, связанные с умением выдавать себя за представителей различных социальных и профессиональных типов, скрывая при этом истинные намерения; умение оказывать психологическое воздействие при дознании, опросе свидетелей и рекрутировании агентов.

Мотивом выбора профессиональной деятельности, связанной с оперативной работой, является стремление к интересной, нестандартной работе, желание проверить себя, повысить самооценку; таким образом, выбор профессии в значительной мере определяется компенсационным механизмом психологической защиты.

Стоит отметить, что профессиональная деятельность сотрудника при этом регламентирована законодательством и воинской дисциплиной, что накладывает определенные ограничения на исполнение сложной и опасной деятельности.

Итак, профессиональная деятельность оперуполномоченного позволяет сотруднику заниматься интересным делом, реализовать возможность развития психологических качеств, осознавать смысл своего существования, испытывать чувство самоуважения, получать удовлетворение от повседневных профессиональных обязанностей, несмотря на значительное количество негативных моментов, обусловленных спецификой деятельности.

Среди отмеченных профессиональных ценностей наиболее высокие оценки получили те из них, которые способствуют процессу самоактуализации личности, свидетельствуют о наличии переживания смысла собственного существования, отражают потенциальные возможности личностного роста. Поэтому активное стремление к самореализации является значимым показателем мотивационной готовности к службе в оперативных подразделениях ОВД [5].

Специалисты по ОРД предлагают, с определенной долей условности, подразделять успешных оперуполномоченных на две категории [5]. К первой из них относят тех сотрудников, для кого характерен неторопливый, методичный подбор и анализ значительного количества информации в соответствии с привычным алгоритмом. Ко второй — тех, которые используют иную стратегию, а именно: интуитивно определяют вероятность возможных вариантов, что позволяет им значительно ограничить зону поиска; как следствие, такие сотрудники быстрее выходят на так называемую «финишную прямую», хотя вероятность совершения ошибки при этом оказывается выше, чем у представителей первой категории.

Существует, однако, и еще одна категория сотрудников. К ней относятся те оперуполномоченные, которые не способны успешно осуществлять оперативно-поисковые мероприятия. Их приходится использовать для оформления мотивированных отказов в возбуждении уголовных дел и других функций вспомогательного характера. Людей, принадлежащих к этой категории сотрудников, отличает сниженная мотивация достижения и невысокий, по сравнению с большинством сотрудников, интеллектуальный уровень.

Семейная ситуация оперативных сотрудников характеризуется высоким процентом разводов, что отчасти связано с условиями выполняемой ими деятельности, а именно: ненормированным рабочим днем, спецификой оперативно-служебной деятельности

криминальной полиции, требующей от человека полной включенности. Частые стрессовые ситуации, выпадающие на долю оперуполномоченного сотрудника, способствуют возникновению так называемого «смещенного конфликта» в отношении членов семьи. Кроме того, не стоит забывать, что деятельность сотрудника сопряжена с высоким уровнем конфиденциальности, что накладывает запрет на возможность поделиться с членами семьи своими проблемами, переживаниями, опасениями и мыслями.

Изучение кандидатов, желающих служить в ОВД, показывает, что значительное число кандидатов, проходящих обследование в центрах психодиагностики, даже лиц с юридическим образованием, имеют представление об оперативной работе, сложившееся под влиянием детективных фильмов и литературы. Многие из них оказываются впоследствии непригодными к ОРД, однако, не имея противопоказаний по состоянию здоровья, были приняты на службу в оперативные подразделения, куда они и стремились попасть. В лучшем случае они выполняют вспомогательные функции, переводятся в другие службы или увольняются из ОВД по так называемым отрицательным мотивам (нарушение дисциплины, служебное несоответствие, совершение преступления) [2].

В связи с этим была предпринята попытка разработать психологические критерии противопоказаний к оперативной работе, поскольку ОРД можно отнести к категории деятельности с особыми требованиями к личностным качествам кандидатов.

Построение модели

Изучение профессиональной пригодности к ОРД проводилось на 114 сотрудниках оперативных служб из различных подразделений ОВД (в возрасте от 20 до 40 лет, с высшим образованием, прослуживших в оперативных службах не менее 2 лет). Экспертами выступили непосредственные начальники оперативных сотрудников, хорошо знавшие своих подчиненных. Им предлагалось оценить подчиненного по 55 биполярным характеристикам (например: активный-пассивный, совестливый-циничный, сдержанный-вспыльчивый и др.), используя 7-балльную шкалу.

Факторный анализ позволил выявить следующие факторы: профессионализм, конфликтность, лидерство, физическое развитие, доступность, самоконтроль, интеллектуальность [2;3].

Для психодиагностики использовался Миннесотский многофакторный личностный опросник (ММРП) [12; 13], как правило являющийся основным диагностическим инструментом при поступлении в различные правоохранительные органы. Инструментом, который в некотором смысле едва ли имеет достойных конкурентов по многомерности анализа личности [14].

Опросник содержит 566 утверждений, структурированных по 13 основным и 198 дополнительным шкалам. Русскоязычная версия разработана Л.Н. Собчик под названием «Стандартизированный метод исследования личности» [8; 9]. Кроме того использовался комплекс психофизиологических методик, измеряющих характеристики вегетативной нервной системы [2;3].

Дополнительные шкалы фиксировали следующие особенности личности: социально-экономический статус, склонность к симуляции/диссимуляции при проведении тестирования, мыслительные способности и способности к обучению, адаптивность к трудным условиям, характер контакта с реальностью, тревожность, уровень враждебности к

окружающему миру, склонность к психотическому или невротическому типу реагирования, возбудимость, эмоциональный контроль, направленность сексуального интереса, склонность к алкоголизму и другие качества личности, имеющие отношение к психологической пригодности к оперативной деятельности. Некоторые дополнительные шкалы позволяли выявить неосознаваемые, глубинные слои психики [12; 13].

Психологическую пригодность к оперативной деятельности представляется возможным оценивать на основе модели множественной регрессии [10], в которую вошли значения 6 дополнительных шкал ММРІ и значение единственного психофизиологического показателя, измеряющего преобладание возбудимых/тормозных процессов в ЦНС.

В качестве внешнего критерия использовался показатель, полученный в результате факторного анализа, вышеупомянутых 55 экспертных оценок и обозначенный как «Уровень профессионализма». В него вошли высоко коррелирующие между собой экспертные оценки: профессиональные знания, умение работать с людьми, способность к оперативной работе, сообразительность, увлеченность, правдивость, надежность, активность, уверенность в себе, положительное отношение к работе, хорошая перспектива по службе, составляющие положительный полюс фактора «Уровень профессионализма». Низкий уровень фактора характеризуется противоположными поведенческими характеристиками: плохое знание дела, неумение работать с людьми, неспособность к оперативной работе, несообразительность, равнодушие, лживость, ненадежность, пассивность, неуверенность в себе, негативное отношение к работе, плохая перспектива в служебной карьере.

Наибольший вклад в распознавание фактора «Уровень профессионализма» внесли дополнительные шкалы опросника и инструментальная психофизиологическая методика РДО. Основные 13 шкал теста были представлены в общей матрице показателей, однако они не вошли в прогностическую модель.

Можно предположить, что интерпретация основных шкал связана с оптимальностью, т. е. очень низкие и высокие значения шкал оцениваются негативно, другими словами, носят нелинейный характер, а для построения модели использовалась линейная множественная регрессия, в то время как у дополнительных шкал интерпретация линейная — чем выше уровень шкалы, тем более выражен признак.

Уровень фактора распознавался с помощью психодиагностической модели [2]:

$$D = 0,8583 - 0,0168 * Ap - 0,0242 * Fm + 2,1958 JR - 0,0212 * Nd - 0,0272 * Pt' - 0,0355 * Sc1a + 0,0125 * РДО$$

Рассмотрим составляющие модели.

D — распознающий интегральный показатель, являющийся отражением взаимодействия (компенсации или усиления) различных психологических качеств личности, способствующих или препятствующих профессиональному развитию. Его величина определяется входящими в уравнение параметрами. Чем выше значение D, тем выше оценка уровня профессионализма.

Ap — дополнительная шкала СМІЛ, входящая в приложение к руководству по ММРІ и имеющая название «приспособление к заключению». Шкала была разработана для идентификации заключенных, регулярно нарушающих правила (драки, нападения на охрану, бунт и пр.). Эта шкала является мерой контроля агрессивности. В уравнении коэффициент

при этой шкале имеет отрицательный знак (высокий уровень открытой агрессивности отрицательно коррелирует с уровнем профессионализма, является негативным прогностическим признаком). Шкала слабо коррелирует с другими дополнительными шкалами опросника, т. е. в определенном смысле является изолированной шкалой.

Fm — дополнительная шкала опросника отрицательно коррелирует с фактором профессионализма (D). Эта шкала предназначена для выявления суицидальных импульсов в структуре личности. Шкала выявляет тенденцию к самобичеванию, необоснованное принятие на себя вины, удовлетворение от наказания. Положительно коррелирует со шкалами: «Сексуальное отклонение», «Недостаток эго», «Психопатические отклонения», «Самоотчуждение», «Невротизм», «Внутренняя плохая приспособляемость», «Зависимость», «Мрачность», «Алкоголизм»; отрицательно коррелирует со шкалами: «Возможности к преподаванию», «Потенциальные возможности к аспирантуре», «Академические достижения», «Социально-экономический фактор», «Самоудовлетворенность». Несмотря на корреляции, эти шкалы не вошли в уравнение множественной регрессии, поскольку их вклад в распознавание диагностического показателя D, меньше, чем вклад вошедшей шкалы, с которой они коррелируют. Эта шкала измеряет аффективные качества: неуверенность, чрезмерная тревожность, постоянное чувство вины, подавленность, сильная неудовлетворенность собой, склонность снимать подавленное состояние алкоголем, низкая способность к обучению. Выраженность этой дополнительной шкалы является одним из негативных признаков, снижающих успешность работы в оперативных подразделениях ОВД.

JR — дополнительная шкала опросника «отношение интернализации» выявляет определенные эмоциональные затруднения, связанные со стрессовыми состояниями. Положительно коррелирует с диагностическим показателем. Умеренная выраженность шкалы JR может свидетельствовать об озабоченности, осторожности, требовательности к себе, интроспективности, терпеливости, сознательности и ответственности, что положительно отражается на профессиональной адаптации к оперативному виду деятельности. Низкие значения JR свидетельствуют о нежелании подчиняться, склонности к конфликтам, отсутствии сдержанности, упрямстве, бунтарском стиле поведения, тенденции быть в центре внимания, что является психологическим противопоказанием к работе в оперативных подразделениях.

Nd — дополнительная шкала «Нейродермит». Шкала измеряет склонность к психосоматическому реагированию. С фактором «Профессионализм» коррелирует отрицательно, высокие значения шкалы свидетельствуют о склонности к психосоматическим и депрессивным формам реагирования в трудных жизненных ситуациях, что является негативным прогностическим признаком для кандидатов в оперативные службы.

Pt' — дополнительная шкала «Чистая психастения» носит уточняющий характер основной шкалы Pt (психастения) и отрицательно связана с уровнем профессионализма. Высокие значения шкалы снижают диагностический показатель D.

Scla — дополнительная шкала «Социальная отчужденность»; отрицательно связана с диагностическим показателем D; шкала отражает такие психологические качества, как затруднения в доступности и социальных контактах, отсутствие чувства социальной близости с другими людьми, изолированность, дистанцированность, невозможность выразить свои ощущения или описать свои затруднения. Положительная связь шкалы обнаружена с дополнительными шкалами «Алкоголизм», «Тревога», «Диссимуляция»,

«Эскапизм», «Общая плохая приспособляемость», «Эмоциональная сензитивность». Следует отметить, что эта шкала положительно коррелирует со многими другими шкалами, которые могут отражать серьезные нарушения психического здоровья, такими как «Идеи преследования», «Явные психические отклонения», «Фактор паранойи» и др. Отрицательная корреляция шкалы Scla отмечена со шкалами: «Интеллектуальный коэффициент», «Лидерство», «Способность к преподаванию».

Описываемая шкала отрицательно коррелирует с оценкой уровня профессионализма.

РДО — психофизиологический показатель, измеряющий среднее время опережающих реакций при проведении методики РДО (реакция на движущийся объект). Данная методика предназначена для измерения одного из основных свойств нервной системы — уравновешенности. Положительная корреляция времени опережающих реакций с фактором профессионализма, свидетельствует о том, что более благоприятным признаком является преобладание процессов возбуждения (активации) над тормозными процессами в нервной системе.

Заключение

Итак, цель нашей работы, заключающаяся в разработке диагностического критерия психологической готовности к оперативной работе в правоохранительных органах, была достигнута.

Если сформулировать суть психологического содержания разработанной модели, то она выглядит следующим образом: психологическая готовность к ОРД можно прогнозировать у кандидатов, для которых характерны следующие особенности: низкий уровень открытой враждебности и хороший контроль агрессивности (желательны низкие значения по шкале Ap); отсутствие «застревающих» эмоциональных состояний, будь то подавленность, самобичевание, значительная неудовлетворенность собой, аутоагрессия, склонность снимать подавленное состояние психоактивными веществами; отсутствие эмоциональных проблем, обусловленных чрезмерным самоконтролем, импульсивностью, неконтролируемым поведением; отсутствие психосоматических и депрессивных форм реагирования в трудных жизненных ситуациях; умеренная выраженность таких особенностей, как: аккуратность, дотошность, эстетические интересы, благонамеренность; наличие социальной адекватности, стремление к социальным контактам, желание сотрудничать с людьми; преобладание процессов возбуждения в нервной системе над тормозными процессами (преобладание опережающих реакций при РДО-измерениях).

Значительная выраженность противоположных качеств, будь то открытая агрессивность, «застревающая» аутоагрессия, импульсивность, депрессивные и психосоматические формы реагирования в трудных ситуациях, социальная отчужденность, преобладание тормозных процессов над процессами возбуждения в нервной системе, могут в совокупности проявиться «синдромом профессиональной непригодности» к ОРД.

В этом случае можно говорить о принципе критического совпадения, заключающегося в том, что каждый отдельный признак не способен отнести кандидата к категории непригодного, однако их совместное проявление с большой вероятностью говорит о психологической непригодности к оперативной деятельности, под которой предлагается понимать совокупность свойств, качеств, характеристик, которые не компенсируются, а, проявляясь согласовано, усиливают общее негативное влияние на способность к

определенному виду профессиональной деятельности.

Алгебраическая сумма рассчитанных значений дополнительных шкал и среднего значения времени опережающих реакций РДО, предварительно помноженная на соответствующие коэффициенты, даст в итоге величину распознающего показателя D , который и является критерием для принятия решения о психологической пригодности кандидата к оперативному виду деятельности.

Распознающий показатель D может принимать различные значения в зависимости от величин дополнительных шкал опросника. Среднее значение (M) прогностического показателя D равно 0,038, стандартное отклонение (σ) — 0,53, объем выборки (N) — 114 сотрудников оперативно-розыскного и оперативно-экономического профиля.

Построение матрицы сопряженности прогностической (D) и экспертной оценки, т. е. реального уровня профессиональных успехов позволило оценить точность разработанной модели [1]. Значение показателя D , равного или большего 0,31 с вероятностью 72% будет прогнозировать высокий уровень профессионализма, в содержание которого входит значительное число таких поведенческих характеристик, как трудолюбие, активность, целеустремленность, аккуратность, надежность, увлеченность, уверенность в себе, сообразительность, умение работать с документами, способность к оперативной работе, хорошая перспектива в службе. Вероятность низких значений предстоящей оперативной работы при попадании в этот диапазон D очень мала. Значения показателя D , лежащие в пределах от — 0,22 до +0,30 могут прогнозировать средний уровень профессионализма, позволяющий на достаточном уровне выполнять свои профессиональные обязанности. Вероятность, что показатель D в этом диапазоне будет прогнозировать высокий или средний уровень, равна 76%; вероятность низкого уровня в этом диапазоне равна 24%.

Низкому значению профессионализма соответствует значительное число негативных поведенческих характеристик: неуверенность в себе, пассивность, неточность, ненадежность, несообразительность, неаккуратность, отсутствие пунктуальности, небрежное отношение к оформлению документов, противоречивость, странность, безволие, робость, неумение работать с людьми, плохая перспектива в службе. Вероятность грубой ошибки (прогнозируется высокое значение, а в реальности оказывается низкий уровень профессионализма) приближается к нулю.

Также низка вероятность грубой ошибки при принятии решений на основе низкого значения D (прогнозируется низкое значение, а в реальности оказывается высокий уровень). Однако при низком значении D возможно значительное число лиц, со средним значением профессионализма.

При среднем диапазоне D в 24% случаев прогноз может оказаться неверным (прогнозируется средний уровень, в реальности — низкий уровень профессионализма); в 76% случаев прогноз оказывается достаточно верным (прогнозируется средний уровень, в действительности — средний или высокий).

Анализ полученной вероятностной модели психологической пригодности к оперативному виду деятельности показывает, что точность распознавания высокого уровня пригодности достаточно высокая, а точность распознавания лиц с низкой пригодностью значительно меньше. Это значит, что при прогнозировании, получая высокие значения показателя D , можно с достаточно высокой вероятностью предсказывать успешную последующую профессиональную деятельность в оперативных службах.

Низкие значения D обладают, к сожалению, более низкой прогностической способностью. Поэтому, признавая кандидатов годными к оперативному виду деятельности в ОВД на основании распознающего показателя D, мы будем укомплектовывать оперативные службы в основном психологически пригодными сотрудниками. Среди отклоненных кандидатов часть могут оказаться также пригодными, но на современном уровне наших знаний пока не удастся их распознать. Продвижение в этом направлении и предполагается в ближайшем будущем.

Это положение, на наш взгляд, не следует слишком драматизировать, так как при значительном конкурсе почти всегда число потенциально пригодных к профессии или к учебе в образовательных учреждениях превышает число существующих мест.

В связи с этим более важной задачей является повышение точности прогноза психологической пригодности, т. е. рекомендуя кандидата годным к оперативному виду деятельности, мы должны стремиться к максимальной точности, а признавая «психологически непригодным» мы можем допустить ошибку. В случае отсутствия конкурса и неукомплектованности в оперативных службах предлагается обратить внимание на результаты анализа мотивационно-смысловой сферы тех кандидатов, которые имеют низкие диагностические коэффициенты (D), и на основе дополнительного собеседования принять более обоснованное решение о рекомендации этих лиц к ОРД.

Литература

1. Антон Г. Анализ таблиц сопряженности. М.: Финансы и статистика, 1982. 143 с.
2. Бовин Б.Г. Психологическая пригодность к службе в правоохранительных органах. М.: Юрлитинформ, 2018. 360 с.
3. Бовин Б.Г., Федорова Е.М. Психодиагностика психологической готовности кандидатов к управленческой деятельности в исправительных учреждениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Том 16. № 3. С. 416—434. doi:10.22363/2313-1683-2019-16-3-416-434
4. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
5. Калашников М.О. Критерии психологического отбора в оперативные службы ОВД: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1996. 24 с.
6. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел / Под ред. Б.Г. Бовина, Н.И. Мягких, А.Д. Сафронова. М.: Министерство внутренних дел РФ, 1997. 344 с.
7. Проблемы формирования профпригодности специалистов / Под общ. ред. Ю.М. Забродина. М.: Экономика, 1985. 256 с.
8. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб: Речь, 2005. 624 с.
9. Собчик Л.Н. Пособие по применению психологической методики ММРІ. М.: Министерство здравоохранения РСФСР; Московский научно-исследовательский институт психиатрии, 1971. 63 с.
10. Уилан Ч. Голая статистика. Самая интересная книга о самой скучной науке. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 470 с.

11. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8220> (дата обращения: 26.06.2021).
12. *Dahlstrom W.G., Welsh G.S.* MMPI Handbook: A Guide to Use in Clinical Practice and Research. Minneapolis: The University of Minnesota, 1960. 559 p.
13. *Hathaway S. R. McKinley J.C.* Booklet for the Minnesota Multiphasic Personality Inventory. New York: Psychological Corporation, 1943. 245 p.
14. *Schilling R., Casper S.* Of Psychometric Means: Starke R. Hathaway and the Popularization of the Minnesota Multiphasic Personality Inventory // *Science in Context*. 2015. Vol. 28. P. 77—98. doi:10.1017/S0269889714000337

References

1. Apton G. Analiz tablits sopryazhennosti [Analysis of contingency tables]. Moscow: Finansy i statistika Publ., 1982. 143 p. (In Russ.).
2. Bovin B.G. Psikhologicheskaya prigodnost' k sluzhbe v pravookhranitel'nykh organakh [Psychological aptitude for service in law enforcement agencies]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 360 p. (In Russ.).
3. Bovin B.G., Fedorova Ye.M. Psikhodiagnostika psikhologicheskoy gotovnosti kandidatov k upravlencheskoy deyatel'nosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Psychodiagnosics of the psychological readiness of candidates for managerial activity in correctional institutions]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 2019, Vol. 16, pp. 416—434. doi:10.22363/2313-1683-2019-16-3-416-434 (In Russ.).
4. Bodrov V.A. Psikhologiya professional'noy prigodnosti [Psychology of professional aptitude]. Moscow: PER SE Publ., 2001. 511 p. (In Russ.).
5. Kalashnikov M.O. Kriterii psikhologicheskogo otbora v operativnyye sluzhby OVD. Avtopef. diss. kand. psikhol. Nauk. [Criteria for psychological selection in the operational services of the internal affairs departments]. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1996. 24 p.
6. Osnovnyye vidy deyatel'nosti i psikhologicheskaya prigodnost' k sluzhbe v sisteme organov vnutrennikh del [The main activities and psychological suitability for service in the system of internal affairs bodies] B.G. Bovin, N.I. Myagkikh, A.D. Safronova (eds.). Moscow: Ministerstvo vnutrennikh del RF Publ., 1997. 344 p. (In Russ.).
7. Problemy formirovaniya profprigodnosti spetsialistov [Problems of the formation of professional aptitude of specialists] Yu.M. Zabrodin (ed.). Moscow: Ekonomika. 1985. 256 p. (In Russ.).
8. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki [Psychology of personality. Theory and practice of psychodiagnosics]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 2005. 624 p. (In Russ.).
9. Sobchik L.N. Posobiye po primeneniyu psikhologicheskoy metodiki MMPI [A guide to the application of the psychological methodology MMPI]. Moscow: Ministerstvo zdavookhraneniya RSFSR. Moskovskiy nauchno-issledovatel'skiy institut psikiatrii Publ., 1971. 63 p. (In Russ.).
10. Uilan Ch. Golaya statistika. Samaya interesnaya kniga o samoy skuchnoy nauke [Naked Statistics The most interesting book about the most boring science]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 470 p. (In Russ.).
11. Federal'nyy zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ 'Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti'

Бовин Б.Г.
Психологическая модель профессиональной
пригодности к оперативно-розыскной деятельности
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 126—137.

Bovin B.G.
Psychological Model of Professional Fitness for
Investigative Activities
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no.4, pp. 126—137.

[Elektronnyi resurs] [Federal Law of 12.08.1995 no. 144-FZ ‘On operational search activities’]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8220> (Accessed: 26.06.2021).

12. Dahlstrom W.G., Welsh G.S. *MMPI Handbook: A Guide to Use in Clinical Practice and Research*. Minneapolis: The University of Minnesota. 1960. 559 p.

13. Hathaway S. R. McKinley J.C. *Booklet for the Minnesota Multiphasic Personality Inventory*. New York. Psychological Corporation. 1943. 245 p.

14. Schilling R., Casper S. Of Psychometric Means: Starke R. Hathaway and the Popularization of the Minnesota Multiphasic Personality Inventory. *Science in Context*, 2015, Vol. 28, pp. 77—98. doi:10.1017/S0269889714000337

Информация об авторах

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Information about the authors

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Получена 20.07.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 20.07.2021
Accepted 10.11.2021

Разработка методики изучения механизмов становления профессионального самосознания у сотрудников полиции

Шаранов Ю.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>, e-mail: niospba@mail.ru

Софронова А.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-6103>, e-mail: nas59681@yandex.ru

Распопин Е.В.

Уральский юридический институт МВД России (ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России), Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9404-2054>, e-mail: ev73@mail.ru

В статье описывается процедура разработки и апробации авторской психодиагностической методики, предназначенной для изучения механизмов становления профессионального самосознания у сотрудника полиции. В соответствии с целью и задачами исследования, в эксперименте принимали участие 579 сотрудников полиции, из них 172 человека — курсанты, слушатели образовательных организаций МВД России и 407 — действующие сотрудники правоохранительных органов УТ МВД России по СЗФО и УТ МВД России по УрФО. Возрастной диапазон испытуемых составил от 18 до 52 лет. Разработанный опросник «Предел-опыт» включает в себя пять шкал, отражающих сущностные стороны рассматриваемого феномена. Коэффициент надежности для шкалы «Осознанность жизни» равен 0,82; для шкалы «Самореализация — 0,73; для шкалы «Ценность времени» — 0,72; для шкалы «Самоопределение» — 0,69 и для общей шкалы — 0,8. Валидность методики была проверена путем сопоставления ее результатов с результатами других методик, измеряющих аналогичные характеристики. Опросник может быть использован в деятельности психологической службы органов внутренних дел РФ, а также при проведении дальнейших прикладных исследований в данной области.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, сотрудник полиции, конструкт «предел-опыт», внутренний опыт, осознанность жизни, самореализация, ценность времени, самоопределение.

Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В.
Разработка методики изучения механизмов становления профессионального самосознания у сотрудников полиции
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 138—152.

Sharanov Yu.A. Sofronova A.Yu., Raspopin E.V.
Development of a Methodology for Studying the Mechanisms of the Professional Self-awareness Establishment in Police Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 138—152.

Для цитаты: Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В.. Разработка методики изучения механизмов становления профессионального самосознания у сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 138—152. DOI:10.17759/psylaw.2021110410

Development of a Methodology for Studying the Mechanisms of the Professional Self-awareness Establishment in Police Officers

Yuri A. Sharanov

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>, e-mail: niospba@mail.ru

Anastasia Yu. Sofronova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-6103>, e-mail: nas59681@yandex.ru

Evgeniy V. Raspopin

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9404-2054>, e-mail: ev73@mail.ru

The article describes the developing and testing procedure of the authors' psychodiagnostic methodology aimed at studying the mechanisms of establishing the professional self-awareness of a police officer. In accordance with the goal and objectives of the research, the experiment involved 579 police officers, with 172 people being students and cadets of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs and 407 people were acting law enforcement officers of transport police administrations of the Russian Ministry of Internal Affairs (Northwestern and Ural Federal Districts). The age range of the subjects was 18-52. The 'Limit – Experience' inventory we developed has 5 scales reflecting essential aspects of the problem in question. The reliability coefficient for 'life awareness' scale is 0.82; for 'self-realization' scale it is 0.73, for 'value of time' scale it is 0.72, and for scales 'self-determination' and 'general' the coefficient is 0.69 and 0.8 respectively. The validity of this methodology has been tested by comparing its results with those of other methods for measuring similar parameters. The questionnaire can be used in operation of the psychological service of Russian internal affairs bodies, and also for further applied research in this area.

Keywords: professional self-awareness, police officer, 'limit-experience' construct, internal experience, life awareness, self-realization, value of time, self-determination.

For citation: Sharanov Yu.A. Sofronova A.Yu., Raspopin E.V. Development of a Methodology for Studying the Mechanisms of the Professional Self-awareness Establishment in Police Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 138—152. DOI:10.17759/psylaw.2021110410 (In Russ.).

Введение

Повышенное внимание к феномену профессионального самосознания в качестве объекта научной рефлексии является вполне обоснованным, так как с него, собственно, и начинается личность профессионала. Недостаточный уровень развития профессионального самосознания в процессе подготовки будущих специалистов приводит к текучке кадров, раннему профессиональному выгоранию, профессиональным заболеваниям и инвалидизации среди сотрудников полиции, т. е. носит выраженный социально негативный характер [9]. Анализ практики показывает, что среди сотрудников полиции все чаще встречаются личности утратившие желание продолжать службу, безынициативные, сомневающиеся в выборе профессии, а потому не мотивированные идеальными моделями профессиональной самореализации. В связи с этим была разработана психодиагностическая методика, предназначенная для изучения продуктивных механизмов становления профессионального самосознания у сотрудников полиции.

Целью методики является диагностика и оценка уровня базовых элементов структуры внутреннего опыта личности, способствующих становлению профессионального самосознания на всех этапах субъектофикации сотрудника полиции и в жизненных ситуациях.

Методология. Теоретическими основами для создания методики выступили научные исследования Ж. Батая, М. Бланшо, И.И. Смирнова, М. Фуко, Ю.А. Шаранова, актуализирующие философские и психологические аспекты конструкта «предел-опыт», под которым понимается бескомпромиссное стремление субъекта к расширению собственного опыта, к непрерывному самосовершенствованию и самореализации [2;14]. Идеальный образ «предел-опыта» выражается в такой жизненной ситуации, когда профессия дает личности субъективно положительные переживания и стимулирует самодвижение к личностному самосовершенствованию. Если же профессия не содержит в себе исходного противоречия между условиями деятельности и возможностями человека, то человек сам должен ставить перед собой предельные цели и задачи, открывать новые смыслы для достижения профессионального и духовного акме.

Под «предел-опытом» понимается стиль (образ) жизни личности, основанный на максимальном напряжении физических, душевных и духовных сил человека, направленный на полную реализацию его жизненных целей и смыслов. Под душевными силами подразумевается активность психических процессов (познавательных, эмоциональных, волевых и т. д.), а под духовными силами — те движения внутреннего мира человека, которые определяются системой его ценностей, стремлений, целей, смыслов и идеалов. Ранее авторами описывались структура и содержание данного явления. Так, в работах А.Ю. Софроновой [12], Ю.А. Шаранова [14] приводится развернутая аргументация

выделенных компонентов «предел-опыта», которые легли в основу создания разрабатываемой методики.

В соответствии с этими работами, структура «предел-опыта» включает в себя следующие компоненты, которые были положены в основу создания шкал методики «Предел-опыт».

1. Шкала осознанности жизни. Характеризуется сознательным стремлением человека строить свою жизнь, исходя из сложившихся у него личностно-ориентированных идеалов. Под идеалами в данном контексте понимаются высшие ценности человека, к которым он стремится через постижение смыслов и реализацию намеченных целей.

2. Шкала самореализации. Характеризуется стремлением человека добиваться своих целей, готовностью рисковать, стремлением к саморазвитию и максимальной реализации своего личностного потенциала. Вся жизненная энергия личности расходуется с одной единственной целью — оставить своей след в человеческой истории.

3. Шкала ценности времени. Выражается в понимании необратимости, конечности времен как ресурса саморазвития и самой жизни. Человек четко осознает конечность своего существования и стремится в максимально короткие сроки обрести и реализовать смысл своего существования.

4. Шкала самоопределения. Характеризуется наличием у человека собственных взглядов, убеждений, ценностей, благодаря которым он осуществляет избирательную «фильтрацию» поступающей информации и ее дифференциацию на значимое и незначимое, ценное и ненужное. Все это позволяет личности непрерывно удерживать под контролем «длинные мотивы» и делать выбор в пользу ведущего вектора своего развития.

0. Общая шкала. Определяет интегральный уровень развитости конструкта «предел-опыт», где данный феномен выступает в своем собственном «обличии», как стиль жизнедеятельности, основанный на максимальном напряжении физических, душевных и духовных сил человека, направленный на реализацию жизненных целей и смыслов, профессиональных и духовных идеалов.

Методы. В работе были использованы следующие методы: психодиагностический метод, методы статистического анализа (корреляционный анализ; методы оценки дискриминативности, надежности по внутренней согласованности; расчет коэффициентов валидности; стандартизация тестовых норм и т. д.). **Описание выборочной совокупности.** Разработка и отбор пунктов проводились на выборке 579 сотрудников полиции, из них 172 — это курсанты и слушатели образовательных организаций МВД России и 407 — сотрудники полиции. Качественная характеристика представленной выборки определялась следующим образом: возраст испытуемых — от 17 до 52 лет, средний возраст 29 лет; по половой характеристике: 436 мужчины и 143 женщины; стаж службы испытуемых распределяется в диапазоне от 1 года до 30 лет.

Процедура разработки методики. В соответствии с технологией разработки психодиагностических методик, представленной в трудах ученых-диагностов [3; 4], процедура разработки методики включала в себя следующие обязательные этапы: разработка и отбор пунктов методики, в соответствии с критериально-ключевым принципом, путем оценки дискриминативности пунктов, входящих в состав шкал опросника [4]; изучение надежности методики; оценка валидности методики [3]; стандартизация тестовых норм выполнения методики [10].

Разработка и отбор пунктов методики. На первоначальном этапе разработки методики,

нами было сформулировано в совокупности 60 пунктов для всех пяти выделенных шкал, отражающих различные стороны изучаемого явления. Далее, путем определения дискриминативности пунктов, были отобраны пункты, определяющие умеренную (от 0,3), среднюю (0,4—0,6) и высокую (от 0,7 и выше) корреляционные связи с общим баллом по шкалам. Расчет дискриминативности пунктов опросника представлен в табл. 1 [10].

В результате статистического анализа, в рабочую методику вошли 34 пункта, каждый из которых представляет из себя 4-бальную ранговую шкалу. При составлении шкал методики пункты, относящиеся к разным шкалам, были расположены случайным образом, что позволяет избежать монотонности процедуры обследования по опроснику и снизить вероятность установки давать схожие ответы на пункты, относящиеся к одним шкалам [1].

Таблица 1

Коэффициенты дискриминативности пунктов методики «Предел-опыт»

Шкала осознанности жизни		Шкала самореализации		Шкала ценности времени		Шкала самоопределения	
№ п.	r	№ п.	r	№ п.	r	№ п.	r
1	0,69	1	0,43	1	0,8	1	0,52
2	0,69	2	0,44	2	0,71	2	0,4
3	0,66	3	0,56	3	0,76	3	0,54
4	0,69	4	0,60	4	0,77	4	0,53
5	0,60	5	0,47	5	0,42	5	0,53
6	0,57	6	0,63			6	0,54
7	0,58	7	0,44			7	0,61
8	0,57	8	0,42			8	0,57
9	0,55	9	0,52				
10	0,56	10	0,60				
		11	0,58				

Примечания: r — коэффициент дискриминативности пунктов.

Надежность методики изучалась по методу внутренней согласованности. Коэффициенты надежности составили: для шкалы осознанность жизни коэффициент надежности равен 0,82; для шкалы самореализации — 0,73; для шкалы ценности времени — 0,72; для шкалы самоопределения — 0,69; для общей шкалы — 0,8. Также была оценена внутренняя согласованность отдельных шкал с общим результатом по опроснику и друг с другом.

Как видно из полученных результатов, значения надежности, а также внутренней согласованности структурных элементов методики соответствуют современным требованиям, предъявляемым к психодиагностическим методикам [3].

Конструктивная валидность методика «Предел-опыт» была проверена путем сопоставления ее результатов с результатами других методик, измеряющих аналогичные характеристики.

1. Тест «Смыслжизненные ориентации» (далее по тексту — СЖО) Д. А. Леонтьева [6].
2. Шкала диагностики жизнестойкости (С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева [7]).
3. Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, адаптированный Т.Д.

Шевеленковой, П.П. Фесенко [15].

Корреляционные связи между методикой «Предел-опыт» и методиками валидизации представлены в табл. 2.

Таблица 2

Корреляции между шкалами методики «Предел-опыт» и методиками валидизации

Методики валидизации		Шкалы разрабатываемого опросника «Предел-опыт»				
		Осознанность жизнь	Самореализация	Ценность времени	Самоопределение	Общая шкала «предел-опыт»
Тест СЖО	Цели в жизни	0,62	0,37	0,34	0,47	0,61
	Процесс жизни	0,66	0,42	0,35	0,49	0,65
	Результат жизни	0,59	0,35	0,37	0,46	0,59
	Локус контроля — Я	0,6	0,4	0,33	0,48	0,61
	Локус контроля — жизнь	0,59	0,34	0,32	0,47	0,58
	Общая (осмысленность)	0,68	0,43	0,37	0,53	0,68
Методика диагностики жизнестойкости	Вовлеченность	0,48	0,21	0,34	0,41	0,48
	Контроль	0,47	0,24	0,31	0,39	0,47
	Принятие риска	0,35	0,18	0,24	0,35	0,37
	Жизнестойкость	0,48	0,23	0,33	0,42	0,49
Опросник «Шкала психологического благополучия»	Позитивные отношения с другими	0,42	0,3	- 0,18	0,37	0,41
	Автономия	0,38	0,23	- 0,20	0,38	0,36
	Управление средой	0,51	0,31	- 0,25	0,4	0,45
	Личностный рост	0,3	0,34	- 0,07	0,34	0,4
	Цели в жизни	0,44	0,29	- 0,18	0,39	0,43
	Самопринятие	0,48	0,3	- 0,26	0,39	0,42
	Психологическое благополучие	0,47	0,33	- 0,21	0,43	0,46

Как видно из табл. 2, по методике СЖО большинство связей носят средний по силе характер (порядка 0,50—0,60). Столь тесные связи позволяют говорить о конструктивной валидности методики «Предел-опыт», где все шкалы связаны со шкалами методики валидизации [3]. Это позволяет сделать вывод о том, что общий конструкт, который измеряет методика «Предел-опыт», с одной стороны, тесно связан с конструктом смысложизненной ориентации, через осмысление жизни в разных его проявлениях (стремление достигать поставленных целей, развиваться, ценить время, распоряжаться своей жизнью и, главное, проживать свою жизнь полно), с другой стороны, рассматривает иной по

своему содержанию конструкт, который позволяет говорить об уникальности разрабатываемой методики.

Анализируя полученные результаты валидации с методикой диагностики жизнестойкости, было выявлено, что общий уровень, а также отдельные показатели методики «Предел-опыт» (осмысленность жизни, принятие ответственности, рациональное использование времени) умеренно коррелируют со шкалами методики жизнестойкости. Это также говорит о валидности методики. Если рассматривать более детально, то конструкт «предел-опыт» — это не жизнестойкость в чистом виде, у этих конструктов есть свои области проявления, но «предел-опыт» вполне логично согласуется с жизнестойкостью, поскольку жить в режиме «предел-опыта» означает рисковать, испытывать себя на прочность, проявлять стойкость в трудных жизненных ситуациях.

Так-же общая шкала методики «Предел-опыт» умеренно коррелирует со всеми шкалами опросника «Шкала психологического благополучия». Это дает возможность говорить о том, что оба конструкта измеряют схожие психологические явления, однако в то же время наблюдаются различия в трактовке и понимании данных явлений. Так, например, шкала осознанности жизни имеет умеренные и средние связи с анализируемыми шкалами, однако, сравнивая их по содержанию, следует отметить, что осознанность жизни в нашем понимании — это не просто наличие цели или способность определять свою реальность, а образ мышления человека. В отличие от «предел-опыта», психологическое благополучие несет в себе временный характер и сравнительно легко изменяется под воздействием внешней среды. Также были выявлены связи между шкалой психологического благополучия и шкалой самоопределения методики «Предел-опыт». Это свидетельствует о том, что самостоятельность в определении своих жизненных приоритетов и своего жизненного пути сопровождается переживанием чувства психологического благополучия, целостности своей личности и осмысленности бытия.

Таким образом, по результатам данной статистической процедуры можно сделать вывод, что разработанный опросник характеризуется удовлетворительной конструктивной валидностью.

Критериальная валидность. В качестве конкретных критериев валидации методики выступили объективные социально-демографические и биографические данные (возраст, пол и стаж службы). Результаты изучения критериальной валидности представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляции между шкалами методики «предел-опыт» и объективными социально-демографическими и биографическими данными

Критерии	Шкалы методики «Предел-опыт»				
	Осознанность жизни	Самореализация	Ценность времени	Самоопределение	Общая шкала
Возраст	0,42	0,34	0,45	0,30	0,45
Стаж службы	0,45	0,34	0,50	0,19	0,46
Пол	0,50	-0,37	0,50	0,73	0,20

Как видно из табл. 3, связи между возрастом и стажем службы прослеживаются в большей части между всеми шкалами методики. Это говорит о том, что конструкт «предел-опыт» имеет связь с продолжительностью нахождения сотрудника на службе (его вовлеченностью в трудовую деятельность) и накопленным внутренним опытом. Чем больше человек вовлечен в трудовую деятельность, тем ярче проявляется его стремление расти по карьерной лестнице и достигать вершин профессионального мастерства. Некоторое исключение наблюдается по шкале самоопределения. Очевидно, это связано с тем, что по этому параметру для сотрудников характерна стабильность и определенность обусловленные уже сделанным выбором направления своей профессиональной деятельности и путей построения карьеры.

Также определенный интерес представляют связи между результатами тестирования и возрастными и половыми характеристиками. Так, из таблицы видно, что тенденция жить в режиме «предел-опыта» увеличивается с возрастом, что, очевидно, отражает приходящее с годами понимание человеком скоротечности жизни и стремление успеть наполнить свою жизнь значимыми событиями. Что касается пола, то, как видно из таблицы, у мужчин «предел-опыт» сопряжен с осознанностью жизни, ценностью времени и самоопределением, в то время как для женщин более актуален параметр самореализации.

Стандартизация тестовых норм проводилась путем расчета среднего значения и стандартного отклонения по шкалам опросника [4]. Также предварительно была проведена оценка нормальности распределения первичных оценок по тесту. Оценка нормальности проводилась путем расчета значений асимметрии (А) и эксцесса (Е) и их сопоставления с критическими значениями. Стандартные значения представлены в табл. 4.

Таблица 4

Таблица перевода «сырых» баллов в диапазоны низких, средних и высоких оценок по методике «Предел-опыт»

	Шкалы методики «Предел-опыт»				
	Осознанность жизни	Самореализация	Ценность времени	Самоопределение	Общая шкала
А (асимметрия)	-0,16	-0,12	-0,05	-0,23	-0,07
Е (эксцесс)	-0,66	-0,61	-0,31	-0,62	-0,45
Среднее значение	33,28	34,54	14,34	26,36	108,51
Стандартное отклонение	4,74	4,74	3,45	3,71	12,49
Н (низкие значения)	10—28	11—29	5—10	8—22	34—95
С (средние значения)	29—38	30—39	11—18	23—30	96—121
В (высокие значения)	39—40	40—44	19—20	31—32	122—136

Обсуждение полученных результатов. Под развитием профессионального самосознания личности нами понимается непрерывный процесс расширения внутреннего опыта субъекта в

определенном модуле времени под влиянием внутренних и внешних факторов учебно-познавательной и практической деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Одним из факторов, определяющих успешную трансформацию внутреннего опыта личности, выступил «предел-опыт», под которым понимается стилевое своеобразие мышления и ценностно-смысловой мотивация личности, задающие меру самоосуществления субъекта в профессиональной сфере. Созданная методика, позволяет выявить уровень устремленности сотрудника полиции к непрерывному самосовершенствованию и желания добиваться успеха в профессиональной деятельности. Высокий уровень «предел-опыта» у сотрудника полиции определяет его успешность в овладении профессионально важными качествами, формирует его уникальный профессиональный профиль и задает положительную динамику продвижения по службе.

С практической точки зрения уникальность созданной методики «Предел-опыт» определяется отсутствием в психологической науке инструмента, позволяющего изучать профессиональное самосознание через базовые механизмы внутренней динамики личностного опыта.

Следует указать на определенные ограничения исследования, прежде всего это касается относительно небольшой выборки респондентов, что, впрочем, легко преодолевается в процессе продолжения настоящего исследования. Так, в дальнейшем планируется расширить список подразделений ОВД и должностей для изучения динамики профессионального самосознания. Кроме того, не была изучена прогностическая валидность методики. Данные вопросы планируется изучить в будущих лонгитюдных исследованиях.

Перспективы исследования состоят в апробации и оценке эффективности методики для использования в области профессионального психологического отбора кадров в органы внутренних дел, профессионального консультирования, при проведении прикладных исследований в области изучения профессионального самосознания личности. Кроме того, самостоятельный аспект исследования может составить фундаментальное изучение феномена «предел-опыта» в контексте закономерностей функционирования сознания и самосознания, построения темпоральных моделей личности профессионала, а также выявление связей с иными психологическими феноменами.

Выводы

1. «Предел-опыт» как центральный конструкт данного исследования представляет собой стиль, или образ жизни, основанный на максимальном напряжении физических, душевных и духовных сил человека и направленный на полную реализацию его жизненных целей. На основе данного конструкта стало возможным построение теоретической модели процесса становления профессионального самосознания сотрудника полиции, а также разработка психодиагностической методики, предназначенной для его эмпирического изучения.

2. Разработанная методика «Предел-опыт» характеризуется удовлетворительными характеристиками дискриминативности пунктов, надежности по внутренней согласованности, конструктивной и критериальной валидности. Процедура проведения и нормы выполнения методики стандартизированы на выборке сотрудников органов внутренних дел.

3. Опыт использования методики на выборке сотрудников полиции показал, что стиль жизни в режиме «предел-опыта» положительно коррелирует с такими психологическими

особенностями личности сотрудников, как осмысленность жизни, жизнестойкость и психологическое благополучие. В свою очередь, это позволяет предполагать, что «предел-опыт» является тем внутренним механизмом становления профессионального самосознания, который мотивирует сотрудника к максимально полной самореализации в профессии.

Приложение

Методика «Предел-опыт»

Инструкция: «Вашему вниманию предлагается ряд утверждений. Внимательно прочитайте эти утверждения и выразите степень своего согласия с каждым из них. Для этого в бланке ответов рядом с номером каждого утверждения отметьте свой вариант ответа: не согласен — поставьте цифру 1; скорее не согласен — поставьте цифру 2; скорее согласен — поставьте цифру 3; согласен — поставьте цифру 4. Пожалуйста, ответьте на ВСЕ утверждения».

Текст опросника «Предел-опыт».

1. Я точно знаю, чего хочу от жизни.
2. Я с уверенностью могу сказать, что нашел свою дорогу в жизни.
3. Если меня спросят: «Для чего ты живешь?», я без колебаний смогу ответить.
4. Мне сложно с уверенностью сказать, чего я хочу добиться от жизни.
5. Порой мне бывает трудно разобраться в своих желаниях.
6. Мне кажется, в жизни нужно использовать все возможности, чтобы добиться своего.
7. Вся моя жизнь заранее определена судьбой, поэтому я считаю, что человеку нет необходимости что-то менять в своей жизни.
8. Большая часть того, что я делаю, доставляет мне удовольствие.
9. Я считаю, что за успехом известных людей всегда стоит огромный труд.
10. Чтобы стать успешным и чего-то добиться, нужно всего лишь иметь удачу, влияние, связи и т. п.
11. Когда я сталкиваюсь с неудачей, у меня возникает желание все бросить и отказаться от задуманного.
12. Я не получаю удовольствие от того, чем занимаюсь.
13. Времени так мало, что мне начинает казаться, будто я ничего не успею.
14. Я боюсь однажды оглянуться назад и понять, что ничего не добился.
15. Времени так мало, что мне приходится ценить каждую минуту.
16. Бывает, что я переживаю из-за того, что в жизни нужно столько всего успеть, а времени очень мало.
17. Я не переживаю, если мне что-то не удастся сделать вовремя.
18. Сегодня в моей жизни складывается все так, как я мечтал.
19. Для меня принципиально важно реализовать все цели, которые я перед собой поставил.
20. Я считаю, что можно найти любую, даже самую маленькую, возможность, чтобы реализовать свою мечту.
21. Мне сложно остановиться на достигнутом.
22. Я стараюсь жить полной жизнью каждый день, насколько это возможно.
23. Я устал все время куда-то бежать и чего-то добиваться.

24. Только я решаю, как сложится моя жизнь.
25. Все в моей жизни зависит только от меня.
26. Я имею четкие цели в своей жизни.
27. Если передо мной встанет выбор между обычной работой, но с хорошими условиями и профессией моей мечты, но с неясными перспективами, то я выберу второе.
28. Мои близкие люди лучше знают, в какой профессии я буду более успешен.
29. На мои решения в основном влияют окружающие меня вещи и люди.
30. События в моей жизни определяются случаем.
31. Мне кажется, что человек должен развиваться не только в рамках своей профессии, но и вне ее.
32. Каждый день — это новая возможность.
33. Я воспринимаю каждый день как возможность добиться большего.
34. Мне очень сложно представить свое идеальное будущее.

Обработка и интерпретация полученных результатов.

Обработка результатов сводится к суммированию числовых значений по каждой шкале и переводу суммарного балла в стандартные значения. При подсчете первичных баллов по шкалам необходимо вначале преобразовать ответы на «обратные» утверждения следующим образом: за ответ «не согласен» начисляется 4 балла; «скорее не согласен» — 3 балла; «скорее согласен» — 2 балла; «согласен» — 1 балл.

После этого при помощи табл. 5 первичные баллы переводятся в стандартные показатели.

Ключи по шкалам опросника.

1. Шкала осознанности жизни представлена «прямыми» утверждениями № 1, 2, 3, 8, 18, 26 и «обратными» № 4, 5, 12, 34.

2. Шкала самореализации — «прямыми» утверждениями № 6, 19, 20, 21, 22, 27, 31, 32, 33 и «обратными» № 11, 23.

3. Шкала ценности времени — «прямыми» утверждениями № 13, 14, 15, 16 и «обратным» № 17.

4. Шкала самоопределения — «прямыми» утверждениями № 9, 24, 25 и «обратными» № 7, 10, 28, 29, 30.

0. Результат по общей шкале получается путем суммирования баллов по всем шкалам опросника.

Интерпретация полученных результатов

1. Шкала осознанности жизни. Высокий балл по данной шкале характеризуют целенаправленного человека, который имеет конкретные жизненные ориентиры, идеальные образы и цели, благодаря которым он стремится развиваться и самосовершенствоваться. Низкие баллы по данной шкале определяют человека, как живущего одним днем. Он не задумывается над своим предназначением, не задается гносеологическими вопросами о смысле своего существования и находится в вечном поиске «своего» дела. А также он не получает удовольствия от того, чем занимается, так как работа для него представляется лишь возможностью для существования.

2. Шкала самореализации. Высокие баллы по данной шкале выделяют человека, стремящегося добиваться своих целей, с готовностью рисковать, стремлением к

саморазвитию и максимальной реализации своего потенциала. Он не останавливается на достигнутом, постоянно учится чему-то новому. При этом развитие для него — это не пассивное впитывание чужих знаний, а развитие собственных способностей и талантов. Это выражается в стремлении достичь максимально высокого уровня мастерства в тех областях, которым он себя посвящает, будь то профессия или увлечения и хобби. Низкие баллы по шкале, напротив, определяют человека как безынициативного, который при малейшей неудаче бросает начатое дело. Он оправдывает невозможность развиваться внешними обстоятельствами, отсутствием возможностей и т. д.. Он быстро устает от непрерывного стремления за целью, не находя в этом особо значимого смысла.

3. Шкала ценности времени. Высокие баллы будут характерны для человека, который четко осознает конечность своего существования и стремится в максимально короткие сроки реализовать смысл своего существования. Низкие баллы по шкале, напротив, определяют человека, для которого время не представляет особой ценности. Исходя из этого, человек много времени тратит впустую, ведя праздный образ жизни.

4. Шкала самоопределения. Высокие баллы соответствуют представлению о наличии у человека сформированных взглядов, убеждений, ценностей, благодаря которым он осуществляет «фильтрацию» поступающей информации и ее дифференциацию на значимое и незначимое, ценное и ненужное. Все это позволяет человеку непрерывно делать выбор в пользу ведущего вектора своего развития. Низкие баллы означают инфантильное отношение к жизни, стремление любым способом избежать ответственности за свою жизнь и за все, что в ней происходит. Все жизненные события определяются случаями, удачами, обстоятельствами и т. д.. Такому человеку присущ страх совершить ошибку.

0. Общая шкала. Высокие баллы определяют высокий уровень развитости стиля (философии) жизни, основанного на максимальном напряжении физических, душевных и духовных сил, направленного на реализацию человеком жизненных целей и смыслов. Низкие баллы говорят о маловыраженности или полном отсутствии данного стиля жизни.

Литература

1. Акимова А.Ю. Опросник «Доверие специалиста технике» (Опросник ДСТ) // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 3. С. 209—222.
2. Батай Ж. Внутренний опыт: пер. с фр. СПб.: Аксиома; Мифрил, 1997. 336 с.
3. Батулин Н.А., Мельникова Н.Н. Технология разработки психодиагностических методик. Челябинск: ЮУрГУ, 2012. 135 с.
4. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика. СПб: Питер, 2006. 351 с.
5. Гришунина Е.В., Саутенкова Н.Н. Личность специалиста на разных этапах карьеры // Экспериментальная психология. 2010. Том 3. № 2. С. 58—66.
6. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
7. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
8. Михайлова С.Ю., Елисеева А.А. Формирование условий, способствующих росту профессионального самосознания в целях улучшения имиджа сотрудника ОВД на современном этапе // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 3. С. 50—52.
9. Пряжникова Е.Ю., Селезнева Е.Ф. Проблемные аспекты формирования профессионального самосознания специалиста на этапе вхождения в профессию // Проблемы

Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В.
Разработка методики изучения механизмов
становления профессионального самосознания у
сотрудников полиции
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 138—152.

Sharanov Yu.A. Sofronova A.Yu., Raspopin E.V.
Development of a Methodology for Studying the
Mechanisms of the Professional Self-awareness
Establishment in Police Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 138—152.

теории и практики управления. 2020. № 11. С. 206—215.

10. Распопин Е.В. Методы изучения личности и коллективов сотрудников в деятельности психологов органов внутренних дел: учеб. пособие. Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2020. 84 с.

11. Рыбьякова Е.А., Распопин Е.В. Методика изучения профессиональной идентичности и самосознания сотрудников органов внутренних дел // Правоохранительные органы: теория и практик. 2019. № 2(37). С. 139—144.

12. Софронова А.Ю. Время как ценность в содержании интенций сотрудника органов внутренних дел // Материалы Всероссийского симпозиума психологов с международным участием «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития» (г. Рязань, 09—10 апреля 2020 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2020. С. 943-949.

13. Фер Майкл Р., Бакарарк Верн Р. Психометрика: Введение. Челябинск: ЮУрГУ, 2010. 445 с.

14. Шаранов Ю.А. Концепция «предел-опыт» подготовки кадров для экстремальных видов деятельности // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии / Под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. М.А. Кутырёв. СПб.: СПб. ун-т МВД России. 2018. С. 424—430.

15. Шевеленкова Т.Д. Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95—129.

References

1. Akimova A.Yu. Oprosnik 'Doverie spetsialista tekhnike' (Oprosnik DST) [Questionnaire 'Trust of a specialist in technology']. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental Psychology]*, 2020, no. 3, pp. 209—222. (In Russ., Abstr. in Engl.).

2. Batai Zh. Vnutrennii opyt [Internal experience]. per. s fr. St. Petersburg: Aksioma, Mifril, 1997. 336 p. (In Russ.).

3. Baturin N.A. Mel'nikova N.N. Tekhnologiya razrabotki psikhodiagnosticheskikh [Technology for designing psychodiagnostic techniques]. Chelyabinsk: YuUrGU, 2012. 135 p. (In Russ.).

4. Burlachuk L.F. Psikhodiagnostika [Psychodiagnosics]. St. Petersburg: Piter, 2006. 351 p. (In Russ.).

5. Grishunina E.V., Sautenkova N.N. Lichnost' specialista na raznyh etapah kar'ery [The personality of a specialist at different stages of a career]. *Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]*, 2010, no. 2, pp 58—66. (In Russ., Abstr. in Engl.).

6. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZhO) [Test of life-meaning orientations]. 2-e izd. Moscow: Smysl, 2000. 18 p. (In Russ.).

7. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti [Test of viability]. Moscow: Smysl, 2006. 63 p. (In Russ.).

8. Mihajlova S.YU., Eliseeva A.A. Formirovanie uslovij, sposobstvuyushchih rostu professional'nogo samosoznaniya v celyah uluchsheniya imidzha sotrudnika OVD na sovremennom etape [Formation of conditions conducive to the growth of professional self-awareness in order to improve the image of the police officer at the present stage]. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti [Psychology and pedagogy of service]*, 2020, no.3, pp. 50—52. (In Russ., Abstr. in Engl.).

9. Pryazhnikova E.YU., Selezneva E.F. Problemnye aspekty formirovaniya professional'nogo

Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В.
Разработка методики изучения механизмов
становления профессионального самосознания у
сотрудников полиции
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 138—152.

Sharanov Yu.A. Sofronova A.Yu., Raspopin E.V.
Development of a Methodology for Studying the
Mechanisms of the Professional Self-awareness
Establishment in Police Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 138—152.

samosoznaniya specialista na etape vhozhdeniya v professiyu [Problematic aspects of the formation of professional self-awareness of a specialist at the stage of entering the profession]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of theory and practice of management]*, 2020, no.11, pp. 206—215. (In Russ., Abstr. in Engl.).

10. Raspopin E.V. Metody izucheniya lichnosti i kollektivov sotrudnikov v deyatel'nosti psikhologov organov vnutrennikh del: uchebnoe posobie [Methods of studying the personality and collectives of employees in the activities of psychologists of internal affairs agencies: textbook]. Ekaterinburg: Ural'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2020, 84 p. (In Russ.).

11. Ryb'yakova E.A., Raspopin E.V. Metodika izucheniya professional'noi identichnosti i samosoznaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del [A methodology for the study of professional identity and identity of employees of bodies of internal Affairs]. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktik [Law Enforcement: theory and practice]*, 2019, no. 2 (37), pp. 139—144. (In Russ., Abstr. in Engl.).

12. Sofronova A.YU. Vremya kak cennost' v sodержanii intencij sotrudnika organov vnutrennih del [Time as a value in the content of the intentions of an employee of the internal affairs bodies]. *Materialy Vserossijskogo simpoziuma psikhologov s mezhdunarodnym uchastiem 'Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya» (Ryazan) [Materials of the All-Russian Symposium of Psychologists with International Participation 'Psychology of the XXI century: challenges, searches, development vectors']*. Ryazan, 2020, pp. 943—949. (In Russ., Abstr. in Engl.).

13. Fer Majkl R., Bakarak Vern R. Psihometrika: Vvedenie [Psychometrics: An Introduction]. Chelyabinsk, 2010, 445 p. (In Russ.).

14. Sharanov Yu. A. Kontseptsiya 'predel—opyt' podgotovki kadrov dlya ekstremal'nykh vidov deyatel'nosti [The concept of 'limit-experience' training for extreme activities]. In Yu.A. Sharanov, V.A. Shapoval (eds.) *Aktual'nye problemy psikhologii pravookhranitel'noi deyatel'nosti: kontseptsii, podkhody, tekhnologii [Actual problems of the psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies]*. St-Peterburg, 2018, pp. 357—364. (In Russ., Abstr. in Engl.).

15. Shevelenkova T.D., Fesenko P.P. Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti (obzor osnovnykh kontseptsii i metodika issledovaniya) [Psychological well-being of the individual (review of the main concepts and research methodology)]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological diagnostics]*, 2005, no 3, pp. 95—129. (In Russ., Abstr. in Engl.).

Информация об авторах

Шаранов Юрий Александрович, доктор психологических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>, e-mail: niospba@mail.ru

Софронова Анастасия Юрьевна, адъюнкт кафедры юридической психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-6103>, e-mail: nas59681@yandex.ru

Распопин Евгений Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики, Уральский юридический институт МВД России (ФГКОУ ВО УрЮИ МВД России), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID:

Шаранов Ю.А., Софронова А.Ю., Распопин Е.В.
Разработка методики изучения механизмов
становления профессионального самосознания у
сотрудников полиции
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 138—152.

Sharanov Yu.A. Sofronova A.Yu., Raspopin E.V.
Development of a Methodology for Studying the
Mechanisms of the Professional Self-awareness
Establishment in Police Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 138—152.

<https://orcid.org/0000-0002-9404-2054>, e-mail: ev73@mail.ru

Information about the authors

Yuri A. Sharanov, Doctor of Psychology, Honored High School Worker; Professor, Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9758-8220>, e-mail: niospba@mail.ru

Anastasia Yu. Sofronova, PhD Student, Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-6103>, e-mail: nas59681@yandex.ru

Evgeniy V. Raspopin, PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology of Professional Activity and Pedagogics, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9404-2054>, e-mail: ev73@mail.ru

Получена 21.08.2020
Принята в печать 10.11.2021

Received 21.08.2020
Accepted 10.11.2021

Способность гражданина к совершению сделки: критерии судебно-психологических экспертных оценок

Переправина Ю.О.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Проведено психологическое обследование 88 мужчин и 42 женщин в возрасте от 26 до 88 лет (из них 116 — с психическими расстройствами, 14 — психически здоровых), проходивших комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу для решения вопросов о сделкоспособности и ограниченной дееспособности. В отношении 46 человек вынесено экспертное решение «не мог понимать значение своих действий и руководить ими во время совершения сделки»; 48 — «мог понимать значение своих действий и руководить ими во время совершения сделки»; 26 — «может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц». В отношении 10 человек экспертные вопросы не были решены. У каждого подэкспертного диагностировались 57 показателей, отражающих нарушения познавательных процессов, индивидуально-психологические особенности и сведения о социализации. Факторный анализ позволил выделить патопсихологические симптомокомплексы, относительно специфичные для граждан, способных и не способных к совершению сделки (ст. 177 ГК РФ), а также для лиц с ограниченной вследствие психического расстройства дееспособностью (п. 2 ст. 30 ГК РФ).

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, сделкоспособность, ограничение дееспособности, патопсихологический симптомокомплекс.

Для цитаты: Переправина Ю.О. Способность гражданина к совершению сделки: критерии судебно-психологических экспертных оценок [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 153–168. DOI:10.17759/psylaw.2021110411

Deal-Making Capacity of a Citizen: Criteria for Forensic Psychological Assessment

Julia O. Perepravina

V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

A psychological examination of 88 men and 42 women aged between 26 and 88 (116 of them had mental disorders, and 14 were mentally healthy) has been carried out while they were undergoing the complex forensic psychological and psychiatric examination for purposes of assessment a person's deal-making ability at the time of the transaction and diminished capacity. In respect of 46 persons, forensic experts took the decision that the persons 'were unable to understand the meaning of their actions, regulate and control them at the time of the transaction'; 48 persons were found to be 'able to understand the meaning of their actions, regulate and control them at the time of the transaction'; and 26 persons were found to be 'able to understand the meaning of their actions, regulate and control them only if assisted by others'. In respect of 10 persons, the questions posed to forensic experts failed to be definitively resolved. 57 indicators, reflecting the disturbances of cognitive processes, individual psychological peculiarities, and data on socialization had been diagnosed for each of the examinees. Factor analysis made it possible to identify the pathopsychological symptom complexes that are relatively specific for persons who either have or lack the deal-making ability at the time of the transaction (Article 177 of the Civil Code of the Russian Federation), as well as for persons with diminished capacity due to mental disorder (Para. 2 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: complex forensic psychological and psychiatric examination, deal-making capacity, psychological assessment, diminished capacity, pathopsychological symptom complex.

For citation: Perepravina Ju.O. Deal-Making Capacity of a Citizen: Criteria for Forensic Psychological Assessment. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 153–168. DOI:10.17759/psylaw.2021110411 (In Russ.).

Введение

В последние годы отмечается существенное увеличение количества судебно-психиатрических (СПЭ) и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) дел в гражданском процессе, связанных с признанием недействительными сделок с «пороком воли». В Российской Федерации ежегодно проводится 45—50 тыс. экспертиз по определению дееспособности и сделкоспособности [12].

Гражданско-правовое понятие «порок воли» (несоответствие воли и волеизъявления) является одним из важнейших условий признания недействительности сделки, оно отражает субъективную (психологическую) сторону сделки и охватывает мотивы деятельности, намерения человека и предвидение им тех последствий, которые должны или могут наступать вследствие совершаемых действий [16; 22; 28]. С гражданско-правовых позиций

можно выделить три вида нарушений воли: «отсутствие воли» при недееспособности (п. 1 ст. 171 ГК РФ), «ограничение воли» при ограничении дееспособности вследствие психического расстройства (п. 2 ст. 30 ГК РФ) и «искажение воли» при неспособости (ст. 177-179 ГК РФ).

Недееспособность. Согласно ст. 29 ГК РФ гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным. Отсутствие способности гражданина к совершению сделки постулируется с момента судебного решения о признании его недееспособным и установления над ним опеки. Установление недееспособности не безвозвратно. Согласно п. 3. ст. 29 ГК РФ, при развитии способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц суд признает такого гражданина ограниченно дееспособным (п. 2 ст. 30 ГК РФ). При восстановлении способности гражданина, который был признан недееспособным, понимать значение своих действий или руководить ими суд признает его дееспособным.

Ограничение дееспособности. Гражданин, который вследствие психического расстройства может понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, может быть ограничен судом в дееспособности (п. 2 ст. 30 ГК РФ). Ограничение дееспособности вследствие психического расстройства касается только ограничения прав при совершении сделок: запрещается совершение сделки без согласия попечителя, но гражданин может распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами, совершать мелкие сделки.

Сделкоспособность. Согласно ст. 177 ГК РФ, сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной. «Такое состояние» охватывает широкий спектр психических состояний, включающий, в частности, и психические расстройства, и различные эмоциональные состояния [17].

Таким образом, юридическое определение неспособности к совершению сделки в трех рассмотренных категориях судебных решений имеет как сходные, так и различные черты.

Во всех случаях общим является вердикт о недействительности сделки.

У недееспособных граждан и у лиц, которых ограничили в дееспособности, юридические критерии определения нарушений сделкоспособности неразрывно связаны с психическим расстройством. В отличие от этого, при определении способности дееспособного гражданина в момент совершения сделки понимать значение своих действий или руководить ими психическое расстройство является компонентом более широкого понятия «такое состояние».

При судебно-экспертной диагностике, как недееспособности, так и ограничения дееспособности гражданина, в отличие от установления сделкоспособности, способность к совершению сделки определяется не ретроспективно, по поводу уже совершенного действия, а проспективно, прогностически — оценивается способность понимать значение своих действий и руководить ими при совершении сделок в будущем.

Таким образом, соответственно различным юридическим последствиям определения нарушений способности к совершению сделки у трех рассмотренных групп лиц, должны различаться и варианты психологических механизмов волеизъявления при ее совершении,

что определяет актуальность исследования клинико-психологических критериев судебно-экспертной оценки сделкоспособности. И если в отношении проблемы недееспособности эта проблема относительно хорошо изучена [4; 24], то проблема определения сделкоспособности и ограничения дееспособности, несмотря на ряд продуктивных разработок в этой области [7; 18; 19; 21; 22; 25; 27; 28], остается открытой.

Цель исследования — разработка психологических критериев ретроспективной и прогностической судебно-экспертной оценки способности лиц с психическими расстройствами понимать значение своих действий и руководить ими во время совершения сделки.

Программа исследования

Обследовано 130 человек в возрасте от 26 до 88 лет, проходивших КСППЭ в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского. Первую группу составили подэкспертные с заключением о том, что они «не могли понимать значение своих действий и руководить ими во время совершения сделки» — 46 человек (30 мужчин, 16 женщин); преобладающие диагнозы: расстройства шизофренического спектра (F20-F29) — 13; органические психические расстройства (F00-F09) — 12; психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя (F10) — 10; умственная отсталость (F70-F79) — 5; специфические расстройства личности (F60) — 4. Во вторую группу вошли лица, которые по заключению экспертов «могли понимать значение своих действий и руководить ими во время совершения сделки» — 48 человек (25 мужчин, 23 женщины); преобладающие диагнозы: психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя — 18; органические психические расстройства — 14; психически здоров — 12. Третью группу составили подэкспертные с экспертным решением «может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц» — 26 человек (10 мужчин, 16 женщин); в основном с диагнозом расстройства шизофренического спектра — 20 человек. В четвертую группу были включены граждане, в отношении которых экспертные вопросы не были решены — 10 человек (7 мужчин, 3 женщины); диагнозы: психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя — 4; органические психические расстройства и специфические расстройства личности — по 2 человека.

Данные КСППЭ вносились в карту обследования, которая, помимо клинического диагноза, содержала три блока — данные о нарушениях познавательных процессов, об индивидуально-психологических особенностях и особенностях социальной адаптации. Каждый из 57 пунктов карты представляет собой интегративную оценку особенностей и нарушений психической деятельности подэкспертного, вынесенную на основании патопсихологического [5; 13] и нейропсихологического [10] исследований, опросников [1; 8; 23], клинико-психологической беседы по существу гражданского дела, наблюдения поведения подэкспертного в палате (по дневникам медперсонала) и во время исследования, ретроспективного психологического анализа гражданского дела и приобщенной к нему медицинской документации.

Статистическая обработка матрицы 130x57 осуществлялась методом факторного анализа (метод вращения varimax).

Результаты и обсуждение

Мера адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина показала приемлемую адекватность выборки для факторного анализа ($0,733 > 0,5$). Критерий Бартлетта ($p < 0,05$) говорит о целесообразности факторного анализа в силу коррелированности факторов.

В результате выделилось 4 фактора.

В **факторе 1** (табл. 1) наиболее значимыми оказались разнообразные нарушения мышления и речи. Среди индивидуально-психологических особенностей на первый план выступают выраженные нарушения способности к произвольной осознанной регуляции поведения, усиливающиеся в субъективно сложных ситуациях, которые обусловлены не критичностью, импульсивностью, снижением самоконтроля, прогнозирования, мотивационно-волевого потенциала, пассивностью, зависимостью. Отмечаются коммуникативные затруднения и индивидуалистичность. В социальной сфере — социальная дезадаптация, необходимость внешнего контроля, юридическая безграмотность и неблагоприятная кредитная история.

Ранжирование всех 130 подэкспертных по степени выраженности отнесения к каждому фактору показало, что фактор 1 охватывает 24% неспособных граждан, 64% ограниченно дееспособных, 0% дееспособных и лиц, в отношении которых не было вынесено экспертного решения. Высокий процент лиц, в отношении которых было вынесено экспертное решение о том, что они могут понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц, можно объяснить тем, что все они перешли в категорию ограниченно дееспособных из имеющегося статуса недееспособных [14]. Судебные определения о назначении СПЭ или КСПЭ по поводу применения п. 2 ст. 30 ГК РФ в отношении прежде дееспособных лиц [6] выносились в единичных случаях.

Таблица 1

Психологические показатели фактора 1

Познавательные процессы	Индивидуально-психологические особенности	Социализация
<ul style="list-style-type: none"> Клинические нарушения мышления 0,641 Нарушения динамического компонента мышления 0,477 Неустойчивость мотивационной направленности 0,397 Истощаемость 0,386 Структурированность повествования -0,384 Нарушения операционального компонента мышления 0,380 	<ul style="list-style-type: none"> Снижение критических способностей 0,845 Эгоцентризм -0,542 Ориентация на мнение значимого окружения 0,530 Решительность, независимость - 0,516 Импульсивность 0,492 Снижение самоконтроля - 0,463 Снижение критики к заболеванию 0,455 Снижение прогностических способностей 0,441 Снижение саморегуляции в субъективно сложных ситуациях 0,432 	<ul style="list-style-type: none"> Способность к социальной адаптации -0,504 Необходимость внешнего контроля - 0,503 Юридическая неграмотность 0,377 Выраженные черты социальной дезадаптации 0,271 Неблагополучная кредитная история - 0,269

Познавательные процессы	Индивидуально-психологические особенности	Социализация
<ul style="list-style-type: none"> • Способность поэтапно описать суть гражданского дела –0,363 • Нарушения опосредованного запоминания 0,354 • Обеднение мимики и интонации речи 0,354 • Трудности усвоения и применения инструкции 0,271 • Нарушения внимания 0,240 • Нарушения мотивационного компонента мышления 0,211 • Импульсивные ответы при выполнении заданий 0,225 	<ul style="list-style-type: none"> • Демонстративность –0,413 • Пассивная стратегия совладания со стрессом 0,403 • Признаки внушаемости в анамнезе 0,399 • Общительность – 0,358 • Отрицание каких-либо затруднений - 0,329 • Выраженное мотивационно-волевое снижение 0,306 • Индивидуалистичность 0,314 • Инертность 0,292 • Склонность к перекладыванию ответственности –0,270 • Замкнутость 0,254 	

Фактор 2 (табл.2) показывает качественно иные нарушения регуляции психической деятельности, которые проявляются, в отличие от фактора 1, не только в повседневном поведении, но и в процессе экспериментально-психологического исследования, определяя нарушения осмысления цели экспертизы, трудности усвоения, удержания и применения инструкций к заданиям. Расстройства саморегуляции сочетаются с нарушениями практически всех компонентов познавательной деятельности: не только мышления, как в факторе 1, но и памяти, умственной работоспособности и внимания. В плане жизнедеятельности, кроме нарушений социальной адаптации, необходимости внешнего контроля и юридической безграмотности, отмечается использование подэкспертного другими обитателями палаты в корыстных целях.

Таблица 2

Психологические показатели фактора 2

Познавательные процессы	Индивидуально-психологические особенности	Социализация
<ul style="list-style-type: none"> • Осмысление цели экспертизы –0,666 • Формирование «мотива экспертизы» –0,587 • Способность поэтапно описать суть гражданского дела –0,540 • Трудности усвоения и применения инструкции 0,522 • Замедленный темп деятельности 0,465 • Трудности удержания инструкции 0,457 • Структурированность повествования –0,444 • Обеднение мимики и интонации речи 0,404 • Нарушения опосредованного запоминания 0,404 • Снижение объема непосредственного запоминания 0,402 • Нарушения мышления 0,241 • Неустойчивость мотивационной направленности 0,453 • Нарушения операционального компонента мышления 0,289 • Нарушения внимания 0,285 • Нарушения мотивационного компонента мышления 0,258 • Истощаемость 0,221 	<ul style="list-style-type: none"> • Снижение прогностических способностей 0,651 • Выраженное мотивационно-волевое снижение 0,563 • Сужение круга ценностно-смысловых ориентаций • Снижение самоконтроля 0,422 • Инертность 0,421 • Пассивная стратегия совладания со стрессом 0,412 • Ориентация на мнение значимого окружения 0,400 • Стеничность в реализации своих намерений –0,399 • Общительность –0,371 • Снижение саморегуляции в субъективно сложных ситуациях 0,369 • Отрицание каких-либо затруднений –0,364 • Индивидуалистичность 0,314 • Признаки внушаемости в анамнезе 0,242 • Демонстративность –0,241 • Замкнутость 0,238 • Снижение критических способностей 0,230 • Эгоцентризм –0,216 	<ul style="list-style-type: none"> • Выраженные черты социальной дезадаптации 0,478 • Ситуации использования подэкспертного в палате в корыстных целях 0,321 • Необходимость внешнего контроля 0,313 • Способность к социальной адаптации –0,245 • Юридическая неграмотность 0,207

Психологические особенности, входящие в фактор 2, характерны для 48% несделкоспособных граждан, 0% ограниченно дееспособных, 27% сделкоспособных и 22% лиц, в отношении которых не было вынесено никакого экспертного решения.

Можно сделать вывод, что эти два психологических фактора лежат в основе неспособности лиц с выраженными психическими расстройствами к совершению сделки. В целом они охватывают 72% несделкоспособных подэкспертных и 64% ограниченно дееспособных.

Ранжирование всех обследованных лиц по степени выраженности отнесения к каждому фактору показало следующее распределение по психиатрическим диагнозам. В фактор 1 попали 10 больных с расстройствами шизофренического спектра, по 5 — с умственной отсталостью и синдромом зависимости от алкоголя. Фактор 2 охватывает, прежде всего, лиц с органическим психическим расстройством (12 человек) и синдромом зависимости от алкоголя (13 человек). Эти данные показывают, что первые два фактора отражают психологические особенности различных групп несделкоспособных граждан: показатели первого фактора образуют «диссоциативный» и «олигофренический» патопсихологические симптомокомплексы, относительно специфичные для расстройств шизофренического спектра и умственной отсталости соответственно, а второго — «органический», свойственный лицам с выраженным поражением головного мозга.

В состав **фактора 3** (табл. 3) входит гораздо меньше показателей, чем в первых двух.

Таблица 3

Психологические показатели фактора 3

Познавательные процессы	Индивидуально-психологические особенности	Социализация
<ul style="list-style-type: none"> Способность поэтапно описать суть гражданского дела –0,373 Сформированность «мотива экспертизы» –0,278 Осмысление цели экспертизы –0,221 Структурированность повествования –0,256 	<ul style="list-style-type: none"> Снижение критики по отношению к заболеванию 0,570 Индивидуалистичность 0,514 Стеничность в реализации своих намерений –0,342 Пассивная стратегия совладания со стрессом –0,485 Подозрительность 0,462 Инертность –0,441 Аффективная ригидность 0,398 Незрелость –0,385 Замкнутость 0,303 Общительность –0,354 Отрицание каких-либо затруднений 0,265 Снижение саморегуляции в субъективно сложных ситуациях 0,258 Ориентация на мнение значимого окружения –0,229 Агрессивность 0,250 	<ul style="list-style-type: none"> Необходимость внешнего контроля 0,426 Жертва обмана в анамнезе 0,248

В ходе психологического исследования отмечаются незаинтересованность в судебной экспертизе и затруднения в изложении сути гражданского дела. При анализе индивидуально-психологических особенностей выявляется, несмотря на наличие анозогнозии, стеничность, активность при преодолении стресса, отсутствие ориентации на мнение окружающих и ограничение с ними социальных контактов, а также сочетание аффективной ригидности с подозрительностью. Однако в социальном плане обнаруживаются необходимость внешнего контроля, анамнестические сведения о том, что они неоднократно становились жертвами обмана и мошенничества.

В этот фактор были отнесены 11% неспособных граждан, 32% ограниченно дееспособных, 25% способных и 11% лиц, в отношении которых не было вынесено никакого экспертного решения. Распределение подэкспертных по психиатрическим диагнозам было следующим: расстройства шизофренического спектра — 14 человек, органические психические расстройства — 5 человек.

Как видно, патопсихологические нарушения в симптомокомплексе этого фактора более умеренные, чем в первых двух. Тем не менее, нарушения критичности и поведенческие особенности (необходимость внешнего контроля для предотвращения виктимного в плане совершения сделок поведения) обуславливают в основном экспертное решение о способности граждан понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц.

Фактор 4 (табл. 4) включает фрагментарные нерезко выраженные нарушения психической деятельности и особенности личности: некоторую импульсивность; парциальную некритичность к заболеванию; снижение тревожности в сочетании с завышенной самооценкой, эгоцентризмом; многочисленность и поверхностность социальных контактов. Однако в целом состав этого фактора отражает социальную адаптацию, стеничность в реализации намерений, отсутствие снижения саморегуляции в стрессовых условиях.

Таблица 4

Психологические показатели фактора 4

Познавательные процессы	Индивидуально-психологические особенности	Социализация
<ul style="list-style-type: none"> • Нарушения мотивационного компонента мышления 0,448 • Импульсивные ответы при выполнении заданий 0,343 	<ul style="list-style-type: none"> • Завышенная самооценка 0,667 • Демонстративность 0,446 • Отрицание каких-либо затруднений 0,392 • Общительность -0,372 • Эгоцентризм 0,355 • Импульсивность 0,299 • 	<ul style="list-style-type: none"> • Многочисленные поверхностные социальные контакты 0,636 • Способность к социальной адаптации в малой группе 0,200

<ul style="list-style-type: none"> • Неустойчивость мотивационной направленности – 0,265 • Истощаемость – 0,263 • Структурированность повествования –0,204 	<ul style="list-style-type: none"> • Замкнутость –0,297 • Стеничность в реализации своих намерений 0,294 • Снижение критики к заболеванию 0,269 • Подозрительность 0,235 • Тревожность –0,219 • Индивидуалистичность 0,216 • Снижение саморегуляции в субъективно сложных ситуациях –0,203 • Инертность –0,201 	
---	--	--

В фактор 4 попали 17% несделкоспособных граждан, 4% ограниченно дееспособных, 48% сделкоспособных и 67% лиц, в отношении которых не было вынесено никакого экспертного решения. Из них 11 человек с синдромом зависимости от алкоголя, 9 — с органическим психическим расстройством, и 5 — с расстройством личности.

Заключение

Производство СПЭ и КСПЭ, согласно Порядку проведения судебно-психиатрической экспертизы (утв. Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н), включает как неотъемлемый компонент патопсихологическое (экспериментально-психологическое) исследование. Продуктивным и эффективным принципом использования данных обследования является выделение патопсихологических симптомокомплексов, относительно специфичных для той или иной клинической нозологии [2; 9]. В последнее время интерес вызывает и выявление патопсихологических показателей, которые возможно использовать не только при установлении психиатрического диагноза, но и при вынесении экспертных оценок [11; 20; 26].

В данной работе проблема выделения патопсихологических симптомокомплексов, которые могут определять способность к совершению сделки, поставлена шире. Она включает диагностику сделкоспособности не только у лиц, оспаривающих сделки, совершенные в прошлом, но и у лиц, которые были признаны ранее недееспособными и проходят процесс ограничения дееспособности вследствие психического расстройства в суде с целью повышения их гражданско-правового статуса. Другое нововведение заключается в том, что состав выделяемых патопсихологических симптомокомплексов включает в себя не только нарушения и особенности познавательной деятельности [9], но и индивидуально-психологические особенности [15], и отдельные аспекты социализации [27]. Такой подход позволяет более полно раскрыть психологическое содержание юридического критерия способности дееспособных и ограниченно дееспособных лиц к совершению сделки.

Таким образом, выделены две группы клинико-психологических и социально-психологических показателей, характерных для подэкспертных, которые не могли понимать значение своих действий или руководить ими при совершении сделки. Установлены также типичные комплексы нарушений познавательных процессов, личностных особенностей и признаков социального функционирования, свойственных гражданам, которые могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц.

Переpravina Ю.О.
Способность гражданина к
совершению сделки: критерии
судебно-психологических экспертных оценок
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 153–168.

Perepravina Ju.O.
Deal-Making Capacity of a Citizen:
Criteria for Forensic
Psychological Assessment
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 153–168.

Показано, что, несмотря на наличие нерезко выраженных и фрагментарных патопсихологических нарушений у лиц с психическими расстройствами, сохранность у них способности к саморегуляции и социальной адаптации определяет судебно-экспертное решение о сделкоспособности.

Литература

1. *Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В.* Методика многостороннего исследования личности (в клинической медицине и психологии) М.: Медицина, 1976. 186 с.
2. *Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н.* Клиническая патопсихология. М.: МПСИ Модэк, 2006. 624 с.
3. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Щелкова О.Ю., Вукс А.Я.* Психологическая диагностика отношения к болезни: пособие для врачей. СПб: Изд-во НИПНИ имени В.М. Бехтерева, 2005. 33 с.
4. *Дмитриева Т.Б., Харитонова Н.К., Иммерман К.Л., Королева Е.В.* Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. 251 с.
5. *Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 287 с.
6. *Зейгер М.В., Сафуанов Ф.С.* Актуальные проблемы определения меры недееспособности субъекта с психическим расстройством // Юридическая психология. 2014. № 2. С. 7—11.
7. *Корзун Д.Н., Ткаченко А.А.* Судебно-психиатрическая оценка юридически значимых способностей и механизмов регуляции поведения // Российский психиатрический журнал. 2013. № 3. С. 4—12.
8. *Корнилова Т.В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Том 6. № 31. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.05.2021).
9. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С.* Патопсихологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1989. Вып. 6. С. 86—92.
10. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 384 с.
11. *Никитина Е.А.* Судебно-экспертная оценка сделкоспособности лиц с органическим психическим расстройством и синдромом зависимости от алкоголя: роль патопсихологических симптомокомплексов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63800.shtml> (дата обращения: 25.05.2021).
12. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2018 г.: аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. М., 2019. 200 с.
13. *Рубинштейн С. Я.* Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. М.: Медицина, 1970. 215 с.
14. *Русаковская О.А., Харитонова Н.К., Христофорова М.А.* Судебно-психиатрическая экспертиза по заявлениям о повышении гражданско-правового статуса получателей стационарных социальных услуг, признанных ранее недееспособными // Практика судебно-психиатрической экспертизы / Под ред. Г.А. Фастовцова. М., 2020. С. 172—196.
15. *Переpravina Ю.О., Сафуанов Ф.С.* Роль индивидуально-психологических особенностей в

- диагностике лиц с психическими расстройствами при оценке ограничения дееспособности // Российский психиатрический журнал. 2018. № 6. С. 75—77.
16. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
17. Сафуанов Ф.С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе // Медицинская и судебная психология. Курс лекций / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С. 577—586.
18. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Зейгер М.В., Переpravina Ю.О., Христофорова М.А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза по делам об ограничении дееспособности вследствие психического расстройства: проблемы и перспективы // Российский психиатрический журнал. 2016. № 2. С. 37—43.
19. Сафуанов Ф.С., Переpravina Ю.О., Черненьков А.Д. Нейропсихологическое исследование при судебно-психологической экспертной оценке сделкоспособности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). № 4. С. 115—127. doi:10.17759/psylaw.2018080411
20. Сафуанов Ф.С., Черненьков А.Д., Переpravina Ю.О. Диагностическая информативность патопсихологического исследования при судебно-экспертной оценке способности лиц с психическими расстройствами к совершению сделки // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы: сб. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, 2019. С. 138—150.
21. Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С. Методологические основы производства посмертной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по оценке способности гражданина к совершению сделки: метод. рекомендации. М., 2020. 32 с.
22. Секераж Т.Н. Вопросы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе (о психологических критериях сделкоспособности) // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4(12). С. 135—142.
23. Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник: практическое руководство к традиционному и компьютерному вариантам теста. М.: ООО «Компания Боргес», 2010. 59 с.
24. Харитонова Н.К. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе // Медицинская и судебная психология. Курс лекций / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2004. С. 162—182.
25. Харитонова Н.К., Корзун Д.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза лиц с органическими психическими расстройствами, заключивших имущественные сделки: пособие для врачей. М., 2006. 28 с.
26. Харитонова Н.К., Королева Е.В., Корзун Д.Н. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лиц, совершивших имущественные сделки, в гражданском процессе (критерии экспертной оценки): пособие для врачей // О современных видах и методах комплексных судебно-психиатрических экспертных исследований / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. М., 2008. С. 131—162.
27. Харитонова Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. Экспертная оценка сделкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М., 2005. 30 с.
28. Шипшин С.С., Секераж Т.Н. Методические рекомендации по производству судебной психологической экспертизы по делам о признании недействительными сделок с «пороками

воли» // Теория и практика судебной экспертизы. 2010. № 4 (20). С. 295—308.

References

1. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Rozhanec R.V. Metodika mnogostoronnego issledovanija lichnosti (v klinicheskoy medicine i psihologii) [Multi-level personality research method (in clinical medicine and psychology)]. Moscow: Medicina Publ., 1976. 186 p. (In Russ.).
2. Blejher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N. Klinicheskaja patopsihologija [Clinical pathopsychology]. Moscow: MPSI Modjek Publ., 2006. 624 p. (In Russ.).
3. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Karpova Je.B., Shhelkova O.Ju., Vuks A.Ja. Psihologicheskaja diagnostika otnoshenija k bolezni: Posobie dlja vrachej [Psychological diagnosis of the attitude to the disease: A guide for doctors]. Saint Petersburg: Publ. NIPNI im. V.M. Behtereva, 2005. 33 p. (In Russ.).
4. Dmitrieva T.B., Haritonova N.K., Immerman K.L., Koroleva E.V. Sudebno-psihiatricheskaja ekspertiza v grazhdanskom processe [Forensic psychiatric examination in civil proceedings]. Saint Petersburg: Jurid. centr Press Publ., 2003. 251 p. (In Russ.).
5. Zejgarnik B. V. Patopsihologija [Pathopsychology]. M.: Publ. Mosk. un-ta, 1986. 287 p. (In Russ.).
6. Zejger M. V., Safuanov F. S. Aktual'nye problemy opredelenija mery nedeesposobnosti sub`ekta s psihicheskim rasstrojstvom [Actual problems of determining the measure of incapacity of a subject with a mental disorder]. *Juridicheskaja psihologija [Legal Psychology]*, 2014, no. 2, pp. 7—11. (In Russ.).
7. Korzun D.N., Tkachenko A.A. Sudebno-psihiatricheskaja ocenka juridicheski znachimyh sposobnostej i mehanizmov reguljarii povedenija [Forensic psychiatric assessment of legally significant capacities and mechanisms of behavior regulation]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2013, no. 3, pp. 4—12. (In Russ.).
8. Kornilova T.V. Mel'burnskij oprosnik prinjatija reshenij: russkojazychnaja adaptacija [Elektronnyi resurs] [Melbourne Decision-making Questionnaire: Russian-language adaptation]. *Psihologicheskie issledovanija [Psychological Studies]*, 2013, no. 31, p. 4. Available at: <http://psystudy.ru>. (In Russ.).
9. Kudrjavcev I.A., Safuanov F.S. Patopsihologicheskie simptomokompleksy narushenij poznavatel'noj dejatel'nosti pri psihicheskijh zabojevanijah: faktornaja struktura i diagnosticheskaja informativnost' [Pathopsychological symptom complexes of cognitive activity disorders in mental diseases: factor structure and diagnostic informativeness]. *Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]*, 1989, no. 6, pp. 86—92. (In Russ.).
10. Lurija A.R. Osnovy nejropsihologii [Fundamentals of neuropsychology]. Moscow: Publ. Centr 'Akademija', 2002. 384 p. (In Russ.).
11. Nikitina E.A. Sudebno-jekspertnaja ocenka sdelkosposobnosti lic s organicheskim psihicheskim rasstrojstvom i sindromom zavisimosti ot alkogolja: rol' patopsihologicheskijh simptomokompleksov [Forensic expert assessment of the decision-making ability at the time of the transaction of persons with organic mental disorder and alcohol dependence syndrome: the role of pathopsychological symptom complexes]. *Psihologija i parvo [Psychology and Law]*, 2013, no. 3. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63800.shtml>. (In Russ.).
12. Osnovnye pokazateli dejatel'nosti sudebno-psihiatricheskoy jekspertnoj sluzhby Rossijskoj Federacii v 2018 g.: Analiticheskij obzor [Key performance indicators of the Forensic Psychiatric

Переpravina Ю.О.
Способность гражданина к
совершению сделки: критерии
судебно-психологических экспертных оценок
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 153–168.

Perepravina Ju.O.
Deal-Making Capacity of a Citizen:
Criteria for Forensic
Psychological Assessment
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 153–168.

Expert Service of the Russian Federation in 2018: Analytical review]. Moscow, 2019. 200 p. (In Russ.).

13. Rubinshtejn S. Ja. Jeksperimental'nye metodiki patopsihologii i opyt primeneniya ih v klinike [Experimental methods of pathopsychology and clinical experience]. Moscow: Medicina, 1970. 215 p. (In Russ.).

14. Rusakovskaja O.A., Haritonova N.K., Hristoforova M.A. Sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza po zajavlenijam o povyshenii grazhdansko-pravovogo statusa poluchatelej stacionarnyh social'nyh uslug, priznannyh ranee nedeesposobnymi [Forensic psychiatric examination on applications for improving the civil status of recipients of inpatient social services recognized as previously incapacity]. *Praktika sudebno-psihiatricheskoj jekspertizy [Practice of forensic psychiatric examination]*. Moscow, 2020, pp. 172—196. (In Russ.).

15. Perepravina Ju.O., Safuanov F.S. Rol' individual'no-psihologicheskikh osobennostej v diagnostike lic s psihicheskimi rasstrojstvami pri ocenke ogranichenija deesposobnosti [The role of individual psychological characteristics in the diagnosis of persons with mental disorders in the assessment of diminished capacity]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2018, no. 6, pp. 75—77. (In Russ.).

16. Safuanov F.S. Sudebno-psihologicheskaja jekspertiza: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Forensic Psychological Examination: textbook for academic undergraduate studies]. Moscow: Publ. Jurajt, 2014. 421 p. (In Russ.).

17. Safuanov F.S. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza v grazhdanskom processe [Complex forensic psychological and psychiatric expertise in the civil process]. *Medicinskaja i sudebnaja psihologija. Kurs lekcij [Medical and forensic psychology. Course of lectures]*. Moscow: Genezis, 2004, pp. 577—586. (In Russ.).

18. Safuanov F.S., Haritonova N.K., Zejger M.V., Perepravina Ju.O., Hristoforova M.A. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza po delam ob ogranichenii deesposobnosti vsledstvie psihicheskogo rasstrojstva: problemy i perspektivy [Complex forensic psychological and psychiatric examination in cases of diminished capacity due to a mental disorder: problems and prospects]. *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]*, 2016, no. 2, pp. 37—43. (In Russ.).

19. Safuanov F.S., Perepravina Ju.O., Chernen'kov A.D. Nejropsihologicheskoe issledovanie pri sudebno-psihologicheskoj jekspertnoj ocenke sdelkosposobnosti. [Neuropsychological research in the forensic psychological expert assessment of Neuropsychological assessment at forensic psychological assessment of decision making capacity]. *Psihologija i parvo [Psychology and Law]*, 2018, no. 4, pp. 115—127. doi: 10.17759/psylaw.2018080411 (In Russ.).

20. Safuanov F.S., Chernen'kov A.D., Perepravina Ju.O. Diagnosticheskaja informativnost' patopsihologicheskogo issledovanija pri sudebno-jekspertnoj ocenke sposobnosti lic s psihicheskimi rasstrojstvami k soversheniju sdelki [Diagnostic informativeness of pathopsychological research in the forensic expert assessment of the decision making capacity of persons with mental disorders]. *Sudebnaja psihiatrija. Aktual'nye problem [Forensic psychiatry. Current issues]*. Moscow, 2019, pp. 138—150. (In Russ.).

21. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S. Metodologicheskie osnovy proizvodstva posmertnoj kompleksnoj sudebnoj psihologo psihiatricheskoj jekspertizy po ocenke sposobnosti grazhdanina k soversheniju sdelki: Metodicheskie rekomendacii [Methodological foundations of the post-mortem complex forensic psychological and psychiatric examination to assess decision making capacity of a

citizen: Methodological recommendations]. Moscow, 2020. 32 p. (In Russ.).

22. Sekerazh T.N. Voprosy diagnostiki ‘poroka voli’ v sudebnoj psihologicheskoj jekspertize (o psihologicheskikh kriterijah sdelkosposobnosti) [Questions of the diagnosis of ‘vice of will’ in the forensic psychological examination (on the psychological criteria of decision making capacity)]. *Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy [Theory and Practice of Forensic Science]*, 2008, no. 4 (12), pp. 135—142. (In Russ.).

23. Sobchik L.N. Individual'no-tipologicheskij oprosnik: prakticheskoe rukovodstvo k tradicionnomu i komp'yuternomu variantam testa [Individual typological questionnaire: a practical guide to the traditional and computer versions of the test]. Moscow: ООО ‘Kompanija Borges’, 2010. 59 p. (In Russ.).

24. Haritonova N.K. Sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza v grazhdanskom processe [Forensic psychiatric examination in civil proceedings]. *Medicinskaja i sudebnaja psihologija. Kurs lekcij [Medical and forensic psychology. Course of lectures]*. Moscow: Genezis, 2004, pp. 162—182. (In Russ.).

25. Haritonova N.K., Korzun D.N. Sudebno-psihiatricheskaja jekspertiza lic s organicheskimimi psihicheskimi rasstrojstvami, zakljuchivshih imushhestvennye sdelki: Posobie dlja vrachej [Forensic psychiatric examination of persons with organic mental disorders who have concluded property transactions: A manual for doctors]. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.).

26. Haritonova N.K., Koroleva E.V., Korzun D.N. Kompleksnaja sudebnaja psihologo-psihiatricheskaja jekspertiza lic, sovershivshih imushhestvennye sdelki, v grazhdanskom processe (kriterii jekspertnoj ocenki): Posobie dlja vrachej [Complex forensic psychological and psychiatric examination of persons who have committed property transactions in civil proceedings (criteria for expert evaluation): A manual for doctors]. *O sovremennyh vidah i metodah kompleksnyh sudebno-psihiatricheskikh jekspertnyh issledovanij [On modern types and methods of complex forensic psychiatric expert research]*. Moscow, 2008, pp. 131—162. (In Russ.).

27. Haritonova N.K., Safuanov F.S., Malkin D.A. Jekspertnaja ocenka sdelkosposobnosti po grazhdanskim delam v ramkah kompleksnoj sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj jekspertizy: posobie dlja vrachej [Expert assessment of decision making capacity in civil cases within the framework of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination: a guide for doctors]. Moscow, 2005. 30 p. (In Russ.).

28. Shipshin S.S., Sekerazh T.N. Metodicheskie rekomendacii po proizvodstvu sudebnoj psihologicheskoj jekspertizy po delam o priznanii nedejstvitelnymi sdelok s ‘porokami voli’ [Methodological recommendations for the production of forensic psychological expertise in cases of invalidation of transactions with ‘vices of the will’]. *Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy [Theory and Practice of Forensic Science]*, 2010, no. 4 (20), pp. 295—308. (In Russ.).

Информация об авторах:

Переpravina Юлия Олеговна, младший научный сотрудник лаборатории психологии, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского»); преподаватель кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Переpravina Ю.О.
Способность гражданина к
совершению сделки: критерии
судебно-психологических экспертных оценок
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 153–168.

Perepravina Ju.O.
Deal-Making Capacity of a Citizen:
Criteria for Forensic
Psychological Assessment
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 153–168.

Information about the authors

Julia O. Perepravina, Junior Researcher, Laboratory of Psychology, V.P. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of Russian Federation; Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5702-7499>, e-mail: yuliaperepravina@gmail.com

Получена 01.06.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 01.06.2021
Accepted 10.11.2021

The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture

Dinesh Kumar

Indian Institute of Technology Roorkee, Roorkee, India

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444>, e-mail: dkumar@hs.iitr.ac.in

The constructs legal culture, judicial culture and court culture have been used frequently in the literature but there is a lack of clarity between them. This study aims to identify the difference between them. The existing literature and dictionary definitions have been used to conceptually understand the differences between them. Characteristics of them are identified using the existing literature. The meaning of legal, judicial and court have been explored from the various popular dictionaries. Based on the comparative analysis of their characteristics and meanings, a conceptual model is developed. The conceptual model depicts legal culture as a macro construct, judicial culture as a meso, and court culture as a micro-level construct. This study is an initial attempt to make a distinction between these three constructs. The findings of this study will help the legal researchers to develop a clarity between legal culture, judicial culture, and court culture. This clarity will help in avoiding using these constructs interchangeably.

Keywords: legal culture, judicial culture, court culture.

Funding: This work was supported by the University Grants Commission, Government of India.

Acknowledgements: The author is grateful to the Government of India for financial assistance in conducting this research.

For citation: Kumar D. The Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 169–179. DOI:10.17759/psylaw.2021110412 (In Russ.).

Различие между правовой культурой, судейской культурой и судебной культурой

Кумар Д.

Индийский технологический институт г. Рурки, г. Рурки, Индия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444>, e-mail: dkumar@hs.iitr.ac.in

Понятия правовой культуры, судейской культуры и судебной культуры часто используются в литературе, тем не менее, их значения недостаточно четко определены. Исследование направлено на установление различий между ними.

Для того, чтобы понять концептуальную разницу между ними, были использованы существующие в литературе и словарях определения. Их характеристики определены с помощью существующей литературы. Значения слов «правовая», «судейская» и «судебная» были исследованы, основываясь на различных известных словарях. На базе сравнительного анализа их характеристик и значений, была разработана концептуальная модель. Концептуальная модель отражает правовую культуру как макро-понятие, судейскую культуру как мезо-понятие и судебную культуру как микро-понятие. Данное исследование представляет собой первую попытку разграничить три данных понятия. Выводы данного исследования помогут ученым-юристам установить четкое разграничение между правовой культурой, судейской культурой и судебной культурой. Данное разграничение будет препятствовать взаимозаменяемому использованию данных понятий.

Ключевые слова: правовая культура, судейская культура, судебная культура.

Финансирование: Данное исследование проведено при поддержке Комиссии по университетским грантам Правительства Индии.

Благодарности: Автор благодарит Правительство Индии за финансовую поддержку в проведении данного исследования.

Для цитаты: Кумар Д. Различие между правовой культурой, судейской культурой и судебной культурой [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 169–179. DOI:10.17759/psylaw.2021110412

1. Introduction

Judicial culture, legal culture, and court culture have been used in various studies of history, law, and social psychology. But in no study, their differences are clearly defined. Some papers have used these constructs interchangeably [6; 30]. There is no clear understanding of the differences between these three terms. Some authors have clearly stated no clear understanding of legal culture [19; 40].

2. Concept of culture

To understand the differences between legal culture, judicial culture and court culture, it is important to understand the concept of culture. Atran et al. define *culture* as ‘causally distributed patterns of mental representations, their public expression, and the resultant behaviours in given ecological contexts’ [2]. Schein explains culture ‘in terms of basic assumptions, shared beliefs or values’ [48]. In contrast, Tylor narrates culture as a ‘complex whole which includes knowledge, belief, art, morals, law, custom, and any other capabilities and habits acquired by a person as a member of society’ [51]. Moreover, as per Albert, ‘The culture of a society is the whole complex of knowledge and beliefs and attitudes and practices embodied in the society and its social, political and economic arrangements’ [1]. Some researchers define culture as ‘beliefs, assumptions, and values that members of a group share about rules of conduct, leadership styles, administrative procedures, ritual, and customs’ [35; 38; 49]. Also, culture is understood as ‘the shared philosophies, ideologies, values, assumptions, beliefs, expectations, attitudes and norms’ [31]. Goffee and Jones mention culture as ‘an organisation’s common values, symbols, beliefs, and

behaviors' [23]. Quinn and Cameron define culture as 'the prevailing ideology that people carry inside their heads' [46]. Culture is also construed as 'accumulated shared learning of a given group' [52]. According to Young and Mack, culture is a learned and shared behavior. Behavior includes thought, emotion, and external action. When most group members share a behavior, it becomes culture but not when only a person possesses the habit of a particular behavior [54]. Gudykunst and Ting-Toomey define culture as 'the way of life, customs, and script of a group of people' [24].

3. Legal Culture

In the legal literature, legal culture, and local legal culture, terms have been used. In the pioneer study, Friedman defines legal culture as 'public knowledge of attitudes and behavior patterns toward the legal system' [19]. In contrast, Church et al. use the term local legal culture and define it as 'established expectations, practices and informal rules of behavior of judges and attorneys' [11]. Friedman mentions that legal culture includes 'attitudes, values, and opinions held in society, about the law, the legal system, and its various parts'. Furthermore, Friedman has mentioned, 'ideas, attitudes, values, and beliefs that people hold about the legal system' [20] or 'ideas, attitudes, expectations and opinions about the law, held by people in some given society' [21] or 'ideas, attitudes, values, and beliefs that people hold about the legal system' [20] or 'ideas, attitudes, expectations and opinions about the law, held by people in some given society' [21]. The Church has emphasized more to the judges and advocates and not mentioned other factors such as resources, clients' views, procedures, etc. According to Hamilton and Sanders, attitudes, values, and opinions concerning the law are components of legal culture. It also includes an acceptable way of resolving disagreements and disputes [25]. There is no clarity of the concept of legal culture in the literature. Scholars admit the vagueness of legal culture's concept [14; 19; 40]. Gibson & Caldeira, in their study 'the legal culture of Europe', has mentioned: 'that law and legal systems form a structure of meaning that helps in guiding and organising individuals and groups in interactions and situations of conflicts' [22]. Merry suggests four legal culture factors: 'practices and ideologies within the legal system, the public attitude towards the law, how people define their problems in legal terms and the fourth one is legal consciousness' [37]. Nelkan describes legal culture as: '...relatively stable patterns of judicially oriented social behavior and attitudes. The identifying elements of legal culture range from facts about institutions such as the number and role of lawyers or the ways judges are appointed and controlled, to various forms of behavior such as litigation or prison rates, and, at the other extreme, more nebulous aspects of ideas, values, aspirations, and mentalities. Like culture itself, judicial culture is about whom we are, not just what we do' [40].

4. Judicial Culture

There is a lack of clarity in the definition of judicial culture. It has been interchangeably used with legal culture in a study about joining formerly communist ruling countries in Europe and its effect on the European Union's judicial culture [30]. Bell defines judicial culture as 'features that shape how a judge's work is performed and valued within particular legal systems' [4]. Jamieson explains that judicial culture consists of values, meanings, perceptions, routines, occupational dynamics of judicial work and practices [28]. Benvenuti describes the role of judicial networks to build a judicial culture [5].

5. Court Culture

In the literature, mainly court culture studies are done in historical contexts. Strootman, in the study, has mentioned the court's ideology, heroic ethos, palaces, cultural and scientific patronage, ritual, and ceremonial as part of the court culture [50]. In a review study of European urban culture and court culture, Dixon has not defined court culture [15]. Fuess and Hartung (2011), in the study 'Court Cultures in the Muslim World Seventh to nineteenth centuries, has also not clearly defined court culture. Waller has talked about renaissance court culture and sir William Alexander [53]. Brown has analysed the role of judicial culture in judicial circuit courts [8]. Maguire has discussed byzantine court culture from 829 to 1204 [32]. Osborn, in the study, has described the role of the court in the medieval polities to run the kingdom [43]. Khare traces the trajectory of the wine cup in Mughal court culture [29]. Similarly, some other studies have used the term court culture in historical content, but they have not clearly defined it [9; 41; 50].

Ostrom et al. defined court culture as 'the beliefs and behaviors shaping the way things get done by the individuals – judges and court administrators...'. Along with beliefs and behavior, social scientists in general and psychologists, in particular, are also interested in understanding the attitudes of different actors in the system and the causes of the formation of the attitudes [44]. For example, the *speedy disposal* of a case is an issue that is important to all the stakeholders in the case. It would be interesting to understand the role of different actors' attitudes – litigants, lawyers, judges, and court staff in the case's speedy disposal. Ostrom et al. noted that the term local court culture has often been used in the USA to denote how courts conduct business. It includes a host of norms and resulting behaviors typically attributed to a particular court [44].

Quinn and Rohrbaugh have used the core values to identify the culture of a court. They ask court experts like court administrators and judges to determine the level of dissimilarity/similarity among different matters. Based on it, they formulate Court Cultural Values Matrix [47].

Ostrom, Ostrom, Hanson, and Kleiman makes a list of fifteen possible court-related cultural values [45] and norms after an extensive literature review [e.g., 7; 12; 13; 16; 17; 18; 26; 27; 39; 44]. To avoid overlapping and minimise redundancy, Ostrom et al. reduce it to a list of sixteen values, including constrained change, rule-oriented, sovereignty, case differentiation, efficiency, collegiality, a chain of command, continuity with the past, judicial consensus, discretion, flexibility, decentralisation, self-managing, collaborative problem solving, innovation and teamwork [45].

Ostrom and Hanson describe court culture as the behaviors and beliefs of the people responsible for the case resolution. They mainly emphasise the routine tasks and ongoing relationships among judges, court administrators, and court staff. They identify five types of work areas within four court cultures: courthouse leadership, case management, internal organisation, change management, and four distinct cultures, including communal, networked, autonomous, and hierarchical [44].

6. Difference between Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture

The literature has not clearly defined the differences between judicial, legal, and court cultures. In some studies, it is used interchangeably. Mak et al. have briefly mentioned the relation between judicial culture and legal culture [33]. They have noted that legal culture is a classic tool to 'describe patterns of legally oriented social behavior and attitudes. The concept of judicial culture has not yet been used with the same frequency in the academic literature as legal culture and, most likely as a consequence, has not yet been conceptualised in an in-depth manner'.

6.1 Difference Between Terms Legal, Judicial, and the Court as according to Dictionaries

Various reputed dictionaries have been referred to understand the meaning of ‘legal’, ‘judicial’, and ‘court’ words. Their meanings are given in Table 1.

Table 1

Meaning of terms ‘legal’, ‘judicial’, and ‘court’ by different dictionaries

Dictionary Reference	Legal	Judicial	Court
Oxford Dictionary [42]	Relating to the law.	‘Of, by, or appropriate to a law court or judge; relating to the administration of justice’.	1. ‘A body of people presided over by a judge, judges, or magistrate, and acting as a tribunal in civil and criminal cases’. 2. ‘The place where a court meets’.
Merriam Webster dictionary [36]	Of or relating to law	1. ‘Of or relating to a judgment, the function of judging, the administration of justice, or the judiciary’. 2. ‘Belonging to the branch of government that is charged with trying all cases that involve the government and with the administration of justice within its jurisdiction’.	1. ‘An official assembly for the transaction of judicial business’. 2. ‘A place (such as a chamber) for the administration of justice’.
Cambridge dictionary [10]	Connected with or allowed by the law	‘Relating to or done by courts or judges or the part of a government responsible for the legal system’.	‘A place where trials and other legal cases happen, or the people present in such a place, especially the officials and those deciding if someone is guilty’.

Macmillan dictionary [34]	<ol style="list-style-type: none"> 1. Allowed by the law 2. According to the law 	<ol style="list-style-type: none"> 1. ‘Relating to the judges and courts that are responsible for justice in a country or state’. 2. ‘Done by a judge or court’. 3. ‘Relating to the work of a judge’. 	‘A place where trials take place, and legal cases are decided, especially in front of a judge and a jury or a magistrate’.
---------------------------	--	---	--

6.2 Characteristics of Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture

To understand the difference between these three constructs, an in-depth literature review has been done to identify characteristics of these constructs. Along with the literature review, some features have been added based on the dictionary meaning of the terms ‘legal’, ‘judicial’ and ‘court’.

6.2.1 Legal culture

Based on literature and logic characteristics of legal culture includes attitude and behavior of the people towards legal systems [19], ‘established expectations from judges and attorneys’ [11], ‘practices of judges and attorneys’ [11], ‘informal rules of behavior of judges and attorneys’ [11], ‘attitude, values and opinions held in the society with regards to law, legal systems and its various parts’ [19; 25], ‘ideas, attitudes, values, and beliefs that people hold about the legal system’ [20], ‘ideas, attitudes, expectations and opinions about law, held by people in some given society’ [21], acceptable way of resolving disagreements and disputes [25], ‘practices and ideologies within the legal system’ [37], attitude of public towards law [37], ‘how people define their problems in legal terms’ [37], ‘how much individual sees him or herself as embedded in the law and entitled to its protections’ [37], ‘relatively stable patterns of judicially oriented social behavior and attitudes’ [40], the way judges are appointed [40], litigation rate [40], ‘the number and role of the lawyers’ [40], prison rates [40], legally oriented social behavior and attitudes [33], how do people resolve their issues, how does the legislature get influenced to make a particular law, how is the law implemented, who forms the law, name of law implementation agencies, role of different agencies influencing law etc.

6.2.2 Judicial culture

Judicial culture characteristics consist of hierarchy in the courts[6], eligibility of selection of judges[6], the selection process of judges[6], judicial autonomy[3], trust in the judiciary [3], staff numbers, judges salary and building infrastructure[3], mainly three dimensions of judicial culture; ethical, legal and institutional [33], the selection process of the employees in the judiciary, the procedure followed within the judiciary, responsible people to make rules within the judiciary, etc.

6.2.3 Court culture

Court culture characteristics includes the beliefs of and behaviors of the people who are responsible for the case resolving [45], core values of the courts can be used to identify the culture of a court [47], sixteen values represents the court of culture; they are: ‘case differentiation, chain of command, collaborative problem solving, collegiality, constrained change, continuity with the past, decentralization, discretion, efficiency, flexibility, innovation, judicial consensus, rule oriented, self-managing, sovereignty and teamwork’ [45], varying court culture type consists of five areas

including ‘case management, judicial/staff relations, change management, courthouse leadership and internal organization’ [45], language used in the court, qualification of judges, advocates and court staff, on job training of the judges, advocates and court staff, number of employees and judges in the court, use of technology in the court, punctuality in the court, behavior of judges, advocates and staff with clients, opinion of court stakeholders regarding court activities, status of accountability in the court, perception of the corruption, role of the police forces in the court, level of the transparency in the court, extent of utilization of the court personnel, status of the intentional case delay in the court, infrastructure of the court etc.

7. Findings and Discussion

Different dictionaries have given the meaning of term ‘legal’ as ‘related to law’ [10; 34; 36; 42]. Law is a broader concept as compared to judiciary which is responsible for giving the judgements about the law. It is also a broader concept compared to courts because courts are functional units of the judiciary. Legal culture has been conceptualised in the literature as the attitude and behavior of the people towards legal system [19; 20; 21; 33; 40], expectations from judges and attorneys [11] and practices in the legal system [11; 37]. Based on the comparative analysis of the meanings and characteristics of three constructs, it can be concluded that legal culture is the broadest term.

The meaning of term ‘judicial’ in different dictionaries explains it as ‘related to the branch of government responsible for administration of justice’. So, the term ‘judicial’ is related to the judiciary. Judicial culture has been described as the characteristics related to judiciary such as hierarchy in the courts [6], recruitment rules for judges [3; 6], trust in the judiciary [3] etc. This construct is broader than the term ‘court culture’ but narrower than the term ‘legal culture’ so it can be considered as a middle level construct in the hierarchy of legal culture, judicial culture, and court culture.

The meaning of term ‘court’ in different dictionaries explains it as a place where legal cases are decided. ‘Court culture’ has been described in the literature as the belief and behavior of the court stakeholders [45], court values [45; 47], etc. So, this construct deals in the variables within the court premises. The findings of the meaning and characteristics of the ‘court culture’ is consistent with the comparison in previous two paragraphs.

Based on the analysis of the meaning and characteristics of three constructs a conceptual model is developed (See Figure 1). A rectangular shape in the model depicts court culture that is a micro level term. Court culture is related to a functional unit in judiciary. A square shape just above the ‘court culture’ denotes ‘judicial culture’ that is a meso-level term and the outer circle depict ‘legal culture’ that is a macro level term.

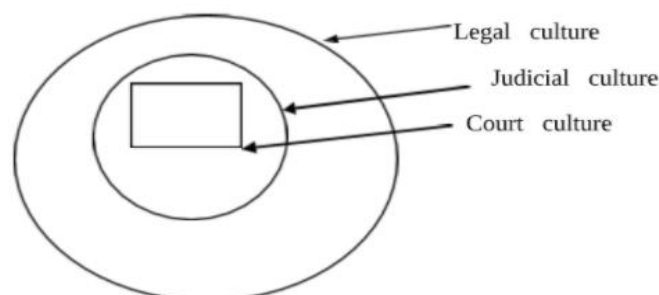

Figure 1. Conceptual Model for the Difference of Legal Culture, Judicial Culture, and Court Culture

8. Conclusion

This study makes a significant theoretical contribution by clarifying the constructs of legal culture, judicial culture, and court culture. Previous studies have used these terms interchangeably [6; 30], but this study identifies the differences between these three constructs. This study explains ‘legal culture’ as a macro level construct, ‘judicial culture’ as meso level construct, and ‘court culture’ as a micro level construct. This clarity will help future researchers select the appropriate term as per their specific scope of research.

Though this study has used strong theoretical background to make conclusion about the difference between legal culture, judicial culture, and court culture. However, future researcher can also conduct empirical study using interviews to explore these three constructs based on the expert knowledge of the legal stakeholders and lawmakers. They can compare the findings of this study with the findings of their empirical study.

References

1. Albert R.D. The place of culture in modern psychology, 1988.
2. Atran S., Medin D.L., Ross N.O. The cultural mind: Environmental decision making and cultural modeling within and across populations. *Psychological Review*, 2005, no. 112(4), 744.
3. Beers D.J. Building democratic courts from the inside out: Judicial culture and the rule of law in postcommunist Eastern Europe. Indiana University, 2011.
4. Bell J. Judiciaries within Europe: A comparative review. *Cambridge University Press*, 2006, Vol. 47.
5. Benvenuti S. Building a Common Judicial Culture in the European Union through Judicial Networks. In Interim Meeting on ‘The Changing Nature of Judicial Power in Supranational, Federal, and Domestic systems,’ *IPSA Conference (RC09)*, Dublin, July 2013, pp. 22—24.
6. Bobek M. Judicial Selection, Lay Participation, and Judicial Culture in the Czech Republic: A Study in a Central European (non) Transformation. In *Fair Reflection of Society in Judicial Systems-A Comparative Study*. Springer, Cham, 2015, pp. 121—146.
7. Boyum K.O. A perspective on civil delay in trial courts. *The Justice System Journal*, 1979, pp. 170—186.
8. Brown K.J. Court Culture: Measuring and Analyzing the Impact of Judicial. Administrative Culture in the 16th Judicial Circuit Court, 2006.
9. Butler M. Early Stuart Court Culture: Compliment or Criticism? 1989.
10. Cambridge dictionary [Electronic resource]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed 22.12.2020).
11. Church T.W. Civil Case Delay in State Trial Courts. *The Justice System Journal*, 1978, pp. 166—196.
12. Church T.W. Examining local legal culture: Practitioner attitudes in four criminal courts. US Department of Justice, National Institute of Justice, 1982.
13. Commission on Trial Court Performance Standards (US), National Center for State Courts, & United States. Bureau of Justice Assistance. Trial Court Performance Standards with Commentary: A Joint Project of the National Center for State Courts and the Bureau of Justice Assistance, United States Department of Justice. *National Center for State Courts*, 1990, Vol. 35, no. 1.

Кумар Д.
Различие между правовой культурой, судейской
культурой и судебной культурой
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 169—179.

Kumar D.
The Difference between Legal Culture, Judicial Culture,
and Court Culture
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 169—179.

14. Cotterrell R. Comparative law and legal culture. In *The Oxford handbook of comparative law*, 2006.
15. Dixon C.S. *Urban culture and court culture in the European past*, 1997.
16. Eisenstein J., Flemming R.B., Nardulli P.F. *The contours of justice: Communities and their courts*. Boston, MA: Little, Brown, 1988.
17. Eisenstein J., Jacob H. *Felony justice: An organizational analysis of criminal courts*. Boston: Little, Brown, 1977. P. 21
18. Flemming R.B., Nardulli P.F., Eisenstein J. *The craft of justice: Politics and work in criminal court communities Philadelphia: University of Pennsylvania Press*, 1992.
19. Friedman, Lawrence M. *The Legal System: A Social Science Perspective*. Russell Sage Foundation, 1975
20. Friedman, L. M. *Legal culture and the Welfare State. Dilemmas of law in the welfare state*, 1986, pp. 13—27.
21. Friedman, L. M. *The republic of choice: Law, authority, and culture*. *Harvard University Press*, 1990.
22. Gibson J.L., Caldeira G.A. The legal cultures of Europe. *Law and Society Review*, 1996, pp. 55—85.
23. Goffee R., Jones G. *The character of a corporation: How your company's culture can make or break your business*. Harper Collins Business, 1998.
24. Gudykunst W.B., Ting-Toomey S. Culture and affective communication. *American behavioural scientist*, 1988, no. 31(3), pp. 384—400.
25. Hamilton V.L., Sanders J., Hosoi Y., Ishimura Z., Matsubara N., Nishimura H., Tokoro K. Punishment and the individual in the United States and Japan. *Law and Society Review*, 1988, pp. 301—328.
26. Henderson T.A., Kerwin C.M. The changing character of court organisation. *The Justice System Journal*, 1982, pp. 449—469.
27. Hewitt W.E., Gallas G., Mahoney B. *Courts that succeed: Six profiles of successful courts*. Williamsburg, VA: National Center for State Courts, 1990.
28. Jamieson, F. *Narratives of crime and punishment: a study of Scottish judicial culture*, 2013.
29. Khare M. The Wine-Cup in Mughal Court Culture—From Hedonism to Kingship. *The Medieval History Journal*, 2005, 8(1), pp. 143—188.
30. Kühn, Z. Worlds apart: Western and Central European judicial culture at the onset of the European enlargement. *The American Journal of Comparative Law*, 2004, no. 52(3), 531—567.
31. Lund D.B. Organisational culture and job satisfaction. *Journal of business & industrial marketing*, 2003, no. 18(3), pp. 219-236.
32. Maguire H. Byzantine court culture from 829 to 1204. *Dumbarton Oaks*, 2004.
33. Mak E., Graaf N., Jackson E. The Framework for Judicial Cooperation in the European Union: Unpacking the Ethical, Legal and Institutional Dimensions of Judicial Culture. *Utrecht J. Int'l & Eur. L.*, 2018, no. 34, p. 24.
34. Macmillan dictionary [Electronic resource]. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (Accessed 22.12.2020).
35. Mehta S., Krishnan V.R. Impact of organisational culture and influence tactics on transformational leadership. *Management and Labour Studies*, 2004, no. 29(4), 281—290.

Кумар Д.
Различие между правовой культурой, судейской
культурой и судебной культурой
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 169—179.

Kumar D.
The Difference between Legal Culture, Judicial Culture,
and Court Culture
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 169—179.

36. Merriam Webster dictionary [Electronic resource]. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (Accessed 22.12.2020).
37. Merry S. Legal Pluralism and Legal Culture: Mapping the Terrain. In *Legal Pluralism and Development: scholars and practitioners in dialogue Cambridge University Press*, 2012, pp. 66—82.
38. Mintzberg H. *Strategy formation: Schools of thought. Perspectives on strategic management.* New York: Harper Business, 1990.
39. Nardulli P.F., Eisenstein J., Flemming R.B. *The tenor of justice: Criminal courts and the guilty plea process.* University of Illinois Press, 1988.
40. Nelken, D. Using the concept of legal culture. *Austl. J. Leg. Phil.*, 2004, no. 29.
41. Olden-Jørgensen S. State ceremonial, court culture, and political power in early modern Denmark, 1536-1746. *Scandinavian journal of history*, 2002, no. 27(2), pp. 65—76.
42. Oxford Dictionary [Electronic resource]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/legal?q=legal> (Accessed 22.12.2020).
43. Osborne, J. Papal Court Culture during the Pontificate of Zacharias (ad 741—52). In *Court Culture in the Early Middle Ages: The Proceedings of the First Alcuin Conference*, 2003, pp. 223—234).
44. Ostrom B.J., Hanson R.A. Implement and use court performance measures. *Criminology & Pub. Pol'y*, 2007, no. 6.
45. Ostrom B.J., Ostrom C.W., Hanson R.A., Kleiman M. *The Mosaic of Institutional Culture and Performance: Trial Courts as Organizations.* US Department of Justice, National Institute of Justice, 2005.
46. Quinn R., Cameron K. *Diagnosing and changing organisational culture.* Reading: Addison-Wesley, 1999.
47. Quinn R.E., Rohrbaugh J.A. Spatial model of effectiveness criteria: Towards a competing values approach to organisational analysis. *Management science*, 1983, no. 29(3), pp. 363—377.
48. Schein E.H. Defining organisational culture. *Classics of organisation theory*, 1985, no. 3, pp. 490—502.
49. Schein E.H. Organisational culture *American Psychological Association*, 1990, Vol. 45, no. 2, p. 109.
50. Strootman R. *The Hellenistic Royal Court. Court Culture, Ceremonial and Ideology in Greece, Egypt, and the Near East, 336-30 BCE.* Doctoral diss. Utrecht, 2007.
51. Tylor E.B. On a method of investigating the development of institutions; applied to laws of marriage and descent. *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1889, no. 18, pp. 245—272.
52. Walker P.E., Fuess A., Hartung, J.P. *Social elites at the Fatimid court. Court Cultures in the Muslim World. Seventh to Nineteenth Centuries*, 2011, pp. 105—22.
53. Waller G.F. Sir William Alexander and Renaissance Court Culture. *Aevum*, 1977, 51(Fasc. 5/6), pp. 505—515.
54. Young K., Mack R.W. *Systematic Sociology, Text, and Readings.* American Book Company, 1962.

Кумар Д.
Различие между правовой культурой, судейской
культурой и судебной культурой
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 169—179.

Kumar D.
The Difference between Legal Culture, Judicial Culture,
and Court Culture
Psychology and Law.2021.Vol. 11, no. 4, pp. 169—179.

Information about the authors

Dinesh Kumar, Senior Research Fellow, Indian Institute of Technology Roorkee, Roorkee, India,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444>, e-mail: dkumar@hs.iitr.ac.in

Информация об авторах

Кумар Динеш, старший научный сотрудник, Индийский технологический институт г. Рурки,
г. Рурки, Индия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5943-1444>, e-mail: dkumar@hs.iitr.ac.in

Получена 15.03.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 15.03.2021
Accepted 10.11.2021

Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте»

Гриненко У.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Ромеро Рейес И.В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6743-6138> e-mail: welcome@ilacai.ru

С середины 1970-х годов общественность серьезно обеспокоена случаями скулшутинга — вооруженного нападения учеников на учебные организации. Глобальный тип деятельности социальных сетей, а также высокий потенциал распространения деструктивной информации в киберпространстве с применением анонимизации присваивает цифровым ресурсам, в сущности, неограниченную свободу действий. В настоящем исследовании предпринимается попытка семантического контент-анализа цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг». Цель исследования заключается в определении системы признаков деструктивного контента, пригодных для его идентификации в киберпространстве через семантический анализ текста, открыто публикуемого пользователями в социальной сети «ВКонтакте», с использованием нейросетей. Проведенное исследование позволило выявить ряд важных признаков деструктивного контента по направлению скулшутинга с выделением тематических групп: косвенный контент, затрагивающий тематику скулшутинга; нарко-контент; психическое неблагополучие.

Ключевые слова: скулшутинг, контент-анализ, цифровой деструктивный контент, социальные сети, Интернет.

Для цитаты: *Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В.* Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике «скулшутинг» в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 180—195. DOI:10.17759/psylaw.2021110413

Semantic Analysis of Digital Destructive Content of School Shooting in the Social Network 'VKontakte'

Uliana B. Grinenko

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Ilacai V. Romero Reyes

National Research University 'Higher School of Economics' (HSE University), Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6743-6138> e-mail: welcome@ilacai.ru

Since the middle 1970s, the public has been seriously concerned about cases of school shooting — an armed attack by students on educational organizations. The global type of activity of social networks, as well as the high potential for the dissemination of destructive information in cyberspace with the use of anonymization, assigns digital resources, in fact, unlimited freedom of action. In this study, an attempt to semantic content analysis of digital destructive content of school shooting is made. The purpose of the study is to determine the system of signs of destructive content suitable for its identification in cyberspace through semantic analysis of the text openly published by users on the social network 'VKontakte', using neural networks. The conducted research allowed us to identify a number of important signs of destructive content of school shooting with the allocation of thematic groups: indirect content of school shooting; drug content; mental distress.

Keywords: school shooting, content analysis, digital destructive content, social networks, the Internet.

For citation: Grinenko U.B., Romero Reyes I.V. Semantic analysis of digital destructive content of school shooting in the social network 'VKontakte'. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 180—195. DOI:10.17759/psylaw.2021110413 (In Russ.).

Введение

С середины 1970-х годов в США происходят случаи вооруженного нападения учеников на учебные организации, которые принято сейчас называть скулшутингом. Newman S.K. и коллеги [17] определяют скулшутинг как стрельбу, произошедшую на территории школы либо другой образовательной организации или на школьном мероприятии, которая унесла жизни двух или более жертв, проведена учеником или учениками, зачисленными или недавно окончившими школу и насчитывала некоторых жертв, выбранных случайным образом. В то время как скулшутинг считается уникальным «американским кризисом», такие инциденты происходят не только в США, но и в других государствах — России, Канаде, Азербайджане, Германии, Финляндии.

В настоящее время цифровое пространство опосредует деятельность подростков и молодежи, предоставляя им ресурсы для всестороннего развития [3]. Тем не менее, киберпространство также является источником распространения деструктивного контента,

оказывающего разрушающее влияние на молодое поколение пользователей социальных сетей. Глобальный тип деятельности социальных сетей, а также высокий потенциал распространения деструктивной информации в киберпространстве с применением анонимизации присваивает цифровым ресурсам, в сущности, неограниченную свободу действий. Коммуникация в киберпространстве может сопровождаться иллюзией полной свободы, чувством потери ответственности и безнаказанности, побуждающими к реализации деструктивных форм поведения [7]. В этой связи цифровое пространство выступает не столько источником деструктивности, сколько проводником деструктивных форм поведения.

У пользователей, включенных в тематику скулшутинга, наблюдается цикличность цифрового интереса: сначала они проявляют поверхностный интерес к деструктивному контенту в социальной сети, затем — целенаправленно ищут информацию, связанную со скулшутингом, в личных целях (вступают в группы единомышленников, публикуют данные о поощрении инцидентов и оставляют подражательные знаки известным скулшутерам, цитируют их, обсуждают способы нападения на образовательную организацию). Исследование, проведенное в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, демонстрирует следующее: вначале несовершеннолетний сталкивался с контентом деструктивных ресурсов, «...но в последующем, чем больше информации получал, тем больше находил общего между тем, что происходило в жизни ранее напавших на учебные заведения» и собой. И затем стал «нарочно просматривать данный контент, смотреть видеоролики, общаться в чатах с заинтересованными несовершеннолетними из разных городов, которые также страдали от школьного буллинга». [3, с. 105]. В этом случае происходило усиление мотивации и формирование соответствующей скулшутингу идентичности. Нарушения поведения часто связаны с фактами переживания буллинга, ситуаций исключения, отвержения, к которым дети, подростки и молодежь наиболее чувствительны [1]. Опыт переживания буллинга влияет на последующее установление взаимоотношений в социуме и качество близких связей [2].

Под деструктивным контентом по тематике скулшутинга авторы настоящего исследования понимают семантические признаки, оставленные пользователями в киберпространстве, которые отражают положительное и поощряющее отношение к акту скулшутинга и личностям, ранее совершившим нападения; желание совершить насильственный акт в отношении субъектов образовательной организации и себя; а также наличие подготовки и конкретных планов нападения. Участие в группах единомышленников, приверженных идеологии скулшутинга, может содействовать росту убежденности в правомерности совершения нападения как реально возможного способа разрешения проблем [3]. Кроме того, большая часть пользователей с идентичностью скулшутера докладывают о собственных планах до начала стрельбы [18]; информацию о планируемом акте нападавшие оставляют не только среди сверстников и в предсмертных записках, но также в социальных сетях, например, «ВКонтакте».

Деструктивный цифровой контент не существует сам по себе вне социального пространства, он непосредственно воздействует на самосознание и как визуальный объект может вызывать отклик у пользователей на аффективном (положительное или отрицательное отношения к объекту), когнитивном (представление и мнение об объекте) и поведенческом (готовность к действиям) уровнях. Деструктивное влияние можно определить как информационно-психологическое воздействие, побуждающее к определенным типам

поведения с применением различных вариантов открытого и скрытого психологического принуждения с целью изменения идеологических и психологических структур их сознания и подсознания, изменения эмоциональных состояний [11]. Деструктивные воздействия особенно серьезны для человека в период подросткового и юношеского развития, когда он находится в поиске своего социального Я [4], смысла жизни, а также в моменты кризисов или стресса. Деструктивное воздействие затрагивает потребностно-мотивационную, интеллектуально-познавательную, эмоционально-волевую и коммуникативно-поведенческую сферы. В связи с особенностями развития молодым людям весьма сложно критически воспринимать и оценивать поступающий контент.

Непосредственное выражение намерений, представленное в различных формах, например, в устной, письменной, графической, символической, аудиовизуальной, может быть проанализировано вручную для оценки угрозы осуществления нападения. Тем не менее, ручной сбор и анализ цифрового контента несет в себе немало сложностей. Автоматический сбор и анализ данных относится к области интеллектуального анализа текста, поскольку письменные угрозы передаются людьми с использованием текстовых символов. В настоящем исследовании был использован подход с автоматическим сбором и анализом текстов с использованием нейросетей.

Программа исследования

В настоящем исследовании предпринимается попытка семантического контент-анализа деструктивного текста по тематике скулшутинг, который открыто размещен пользователями в социальной сети «ВКонтакте». Цель исследования заключается в определении системы признаков деструктивного контента по тематике скулшутинга, пригодных для его идентификации в киберпространстве через семантический анализ текста, открыто публикуемого пользователями в социальной сети «ВКонтакте». Объектом исследования являются пользователи подростково-молодежной среды и публичные группы в социальной сети «ВКонтакте». В качестве предмета исследования выступает деструктивный контент по тематике скулшутинга, который открыто размещен пользователями в социальной сети «ВКонтакте». Основным методом исследования выступает контент-анализ признаков и коллокаций из текста постов из социальной сети «ВКонтакте».

Авторы настоящего исследования выделяют перечень признаков деструктивного контента по тематике скулшутинга, собранного с использованием системы мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум», с примерами сетевого следа, оставленного пользователями в социальной сети «ВКонтакте» (табл. 1).

Таблица 1

Признаки деструктивного контента по тематике скулшутинга

№	Признаки	Пример цифрового следа
	Сообщение о желании совершить акт скулшутинга	Я устрою Колумбайн в своей школе ¹
		Подорву свою шарагу!
		Перережу глотки всем в своей школе
		Поубиваю всех этих придурков из своего класса!

¹ Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация авторов сохранены.

№	Признаки	Пример цифрового следа
		Убью этого мудака из 11 класса Перестреляю всех этих мелких из начальной школы Перестреляю всех у входа в школу Прикончу всех в учительской Заряжу батин пистолет и пойду отстреливать школьных мразей Я принесу ружье на учебу, вот тогда начнется веселье! Устрою тир, но только в гимназии Я взорву вас всех в школе Настанет тот день, когда я приду в шарагу и порежу всех и каждого Время вырезать школьных тварей! Моей навязчивой мечтой стал подрыв школы
	Сообщение о наличии конкретных планов совершения акта скулшутинга (дата, время, место, потенциальные жертвы)	22.04.21 состоится мой скулшут В среду буду стрелять одноклассников Когда в школе будет линейка то я достану свой обрез Сегодня убью огромное количество биомусора и сам застрелюсь Сначала я зайду в учительскую положу там завуча, она всегда сидит там одна после второго урока. Затем пойду в свой класс, будет биология, там заблокирую дверь собой и просто сразу начну стрелять. Надеюсь, положить 5—6 человек У меня уже разработан план скулшутинга. Рассказывать о нем, я, конечно, вам не стану. Если честно, то я уже четко все продумал о том, как буду резать одноклассников
	Сообщение о готовности совершить убийство других лиц с последующим суицидом	Один я подыхать не собираюсь, только в компании тех, кто погибнет от моей руки Стану шахидом, и сам сдохну, и с собой кого-то да заберу Прежде чем убить себя, я хочу убить кого-нибудь Я отдам концы, но сначала подохните все вы, жалкие твари
	Сообщение об угрозе насилия в адрес преподавателей, одноклассников или однокурсников	Ненавижу вас твари Горлов и Яковлев, поверьте мне — вам не долго осталось... Ну и кто теперь чмо, а, Петров?! ты сдохнешь первым Историчка истерит, сверну ей шею, чтобы заткнулась

№	Признаки	Пример цифрового следа
		Кто может прикончить мою класснху? Избавлю этот мир от нашего завуча Тамары Алексеевны
	Демонстрация положительного отношения к личностям, ранее совершившим акты скулшутинга, их упоминание в позитивном контексте. Цитаты лиц, ранее совершивших скулшутинг	Марк Лепин был просто замкнутым человеком без тяги к жизни как вообще можно осуждать его за события 1989 года Как по мне так Биджакова довели, любой бы так поступил на его месте «Человеческий род больше не стоит того, чтобы за него бороться» — Эрик Харрис
	Выражение положительного отношения к Адольфу Гитлеру и его политике, другим значимым личностям Третьего рейха и итальянского фашизма (1922—1945 гг.). Цитаты А. Гитлера и других значимых личностей Третьего рейха и итальянского фашизма	Гитлер — гений, вы сначала майн кампф почитайте, а потом поговорим Геббельс радостно жертвовал временем и деньгами ради высших целей (так он, например, голодал по несколько дней, чтобы накопить на книгу), и в конечном итоге заплатил высшую цену за сохранение чести: свою жизнь и жизнь семьи Если бы Господь существовал, то он позволил бы Гитлеру захватить мир Живу по завету Геббельса: «Один народ, одна держава, один вождь» Евреи живут, как паразиты, на теле других наций и государств. Это и вырабатывает в них то свойство, о котором Шопенгауэр должен был сказать, что «евреи являются величайшими виртуозами лжи». Все существование еврея толкает его непрерывно ко лжи. То же, что для жителя севера теплая одежда, то для еврея ложь
	Демонстрация положительного отношения к личностям, совершившим массовые или серийные убийства, их упоминание в позитивном контексте. Цитаты массовых и серийных убийц	Эдвард Гейн — легендарный старый добрый дядя Эдди из Висконсина, прототип всех киношных убийц, надевающих на себя человеческую кожу Чикатило — великий человек, он гений Джеффри Дамер: «Я просто кошмар. Я был кошмаром долгое время даже после того, как меня схватили. С годами становится очевидно, что мой мозг был заполнен ужасными, чудовищными мыслями и идеями. Кошмар»
	Сообщение о желании приобрести оружие или о наличии оружия для совершения акта скулшутинга. Демонстрация интереса к оружию (в комплексе с другими	По весу бекас лучше, чем любое другое помповое оружие. Гладкоствольное оружие топчик Подарите или продайте ребята мне ТТ Пистолет Smith Wesson стреляет не шариками, а пулями. Имеет ствол нарезной У меня есть обрез, его легко спрятать, с ним и

№	Признаки	Пример цифрового следа
	признаками по тематике (скулшутинга)	пойду в школу У отца недавно появился новый пистолет
	Сообщение о допустимости, и поощрении насилия в отношении людей и животных, о желании убивать и причинять боль, о наличии насильственных фантазий	Могу надолго залипнуть на фантазии, как я расчлению какого-то бомжа, просто беру пилу и начинаю резать по живому Я хочу убивать людей Я бы хотел завести себе живую игрушку, над которой можно было бы ставить эксперименты — загонять иголки под ногти, выжигать на теле рисунки Я бы хотел попробовать поливать кожу его серной кислотой, чтобы наблюдать, как он корячится в муках Он правильно сделал, что убил. Он настоящий художник, так пытать людей нужно уметь Я бы его просто башкой приложил об асфальт
	Сообщение о поиске партнера для совершения акта скулшутинга	Ищу еще смелых, чтоб устроить подрыв в моей школе Один боюсь, кто со мной стрелять школу? Есть ещё колумбайнеры из Мурманска? Не хочу один идти на клмб, присоединяйтесь
	Сообщение о совершении подготовительных действий к акту скулшутинга. Изучение плана образовательной организации в контексте совершения нападения	Хожу по коридорам школы, засекаю время и запоминаю возможные отходы Изучаю расписание уроков, чтобы расстрелять школоту во время занятий
	Сообщение о совершении акта скулшутинга в настоящее или ближайшее время	Короче, отступить некуда, стою у двери в класс и начинаю убивать Школьная резня начинается Прямо сейчас в школе начнется кровавое месиво Меня снова эти ублюдки избили в туалете, так что завтра точно **** всей этой школе Училка опять унизила меня перед всеми! Но ничего страшного, через час я вернусь в школу, но уже с батиным ружьем! Посмотрим, кто посмеется!
	Обращения к третьим лицам с предупреждением не посещать учебное заведение в определенное время в контексте готовящегося акта скулшутинга	Скажи завтра матери, что заболела. Придумай что-нибудь, но не ходи в школу, там будет море крови Завтра день колумбайна, не приходи Ты должен жить. Уходи из класса
	Сообщения о желании	Хочу устроить в своей школе веселье, как Харрис и

№	Признаки	Пример цифрового следа
	совершить подражающий акт скулшутинга, о подражании личностям, ранее совершившим скулшутинг	Клиболд
		Повторю подвиг Рослякова
		Устрою стрельбу, как Влад Росляков
		Хочу быть, как Эрик Харрис
		Надеюсь, я хоть немного похож на Мишу Пивнева
	Демонстрация своего превосходства над другими людьми, признание себя в качестве Бога, вершителя судеб других людей (в комплексе с другими признаками по тематике «скулшутинг»)	Я и есть бог!
		Вершу судьбы людей вместо бога
		Вы даже не догадываетесь, что ваша жизнь в моих руках
		Стоит мне пожелать и весь этот мир рухнет
		Судьба мира зависит только от меня, так что советую меня не злить
		Я осознал себя богом не сразу, месяца два назад
		Я как бог, хочу, чтобы все признали себя моими рабами. Вы должны делать абсолютно всё, что я захочу. Я хочу, чтобы каждый из вас убил более 10 и сам выпилился. В мире не должно остаться живности, это ошибка вселенной
		Я явился в этот мир в облике человека, чтобы избавиться от всех вас

Помимо выделения признаков деструктивного контента на основе проведенного анализа контента, представленного в системе мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум», был также осуществлен контент-анализ через выделение коллокаций из текста постов в социальной сети «ВКонтакте» по трем типам данных:

- 1) 282 публичные группы, содержащие деструктивный контент по скулшутингу;
- 2) 12 открытых аккаунтов подтвержденных скулшутеров;
- 3) 1022 действующих аккаунтов, в которых выявлен интерес к скулшутингу (табл. 2).

Таблица 2

Объем обрабатываемой выборки

Типы данных	Количество групп/аккаунтов	Количество текстовых сообщений	Использование архивной информации из соцсетей	Источник данных
Публичные группы, содержащие деструктивный контент по скулшутингу	282	2 727	да	Система мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум» [8; 9]
Открытые	12	501	да	СМИ с

Типы данных	Количество групп/аккаунтов	Количество текстовых сообщений	Использование архивной информации из соцсетей	Источник данных
аккаунты подтвержденных скулшутеров				последующим анализом данных через «Крибрум»
Открытые действующие аккаунты, где выявлен интерес к скулшутингу	1 022	10 955	нет	Система мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум» [8; 9]

Под коллокациями в данном исследовании понимаются устойчивые последовательности из N слов, встречающиеся в тексте исследуемых постов в социальной сети «ВКонтакте» [19].

Алгоритм поиска коллокаций был реализован на языке программирования Python. А в основу алгоритма лег метод выделения наиболее часто встречающихся триграмм (устойчивых последовательностей из трех слов) на базе open-source-библиотеки для анализа текста NLTK [15]. Используемый алгоритм также применяется в широком круге исследований [14; 16; 10].

Процедура исследования

1. Выгрузка сообщений из «ВКонтакте» и архивов по каждому типу набора данных.
2. Удаление пунктуации, эмоджи и стоп-слов (наиболее часто встречающиеся местоимения, предлоги, просторечья, используемые в большинстве текстов).
3. Приведение оставшихся слов к нормальной форме (первоначальная/словарная форма слова) с помощью библиотеки PyMorphy2 [12].
4. Выделение триграмм и расчет метрики встречаемости в рассматриваемом типе набора данных.
5. Ручной анализ триграмм и экспертное выделение вариантов, имеющих взаимосвязь с исследуемым деструктивным контентом по направлению скулшутинга.

Обсуждение результатов

Результаты анализа коллокаций, представленные в табл. 3., позволяют сгруппировать контент по следующим тематическим группам.

А. *Косвенный контент, затрагивающий тематику скулшутинга.* Данная группа включает в себя триграммы, отражающие агрессивные намерения в отношении некой площадки. Предполагается, что в качестве площадки (объекта) выступает группа или объединение, например, образовательная организация, в отношении которой возможно закономерное наказание и месть, исходящая от народного мстителя (субъекта), например, ученика в настоящем или прошлом. Прежде всего, на учебную организацию нападают те,

кто когда-либо учился или уже окончил эту учебную организацию. В рамках кумулятивной модели оценки скулшутинга Levin J. и Madfis E. объясняется, почему образовательная площадка выступает местом совершения преступления: переполненные классы и шумные корпуса тесно связывают потенциальных ничего не подозревающих жертв [13]. Кроме того, в данную группу вошли триграммы, отражающие постепенное погружение в безумие. Зачастую при описании скулшутинга в научной литературе встречается такое словосочетание, как «Rampage School Shooting», что можно перевести как «школьные расстрелы в приступе безумия». В данном контексте скулшутинг включает в себе событие с хаотичным и нецеленаправленным актом насилия, благодаря которому субъект находится в центре внимания. В действительности же присутствие случайно выбранных жертв зачастую применяется в качестве операционального критерия при определении скулшутинга, несмотря на сложное понимание мотивов насилия. Поэтому иррациональные и бессмысленные преступления имеют вполне объяснимую логику и значимость для самих агрессоров.

Б. Нарко-контент. Данная группа триграмм позволила выявить абсолютно новую гипотезу признака деструктивного контента, как по теме скулшутинга, так и по теме наркомании. Что касается второй тематики, то была получена замаскированная информация, отражающая мотивы поиска наркотических средств, как за рубежом, а конкретнее — в Греции, где относительно недавно парламент государства принял законопроект о легализации медицинской марихуаны, так и на территории Российской Федерации. Интерпретируя, казалось бы, малосмысловые конструкции по типу ('искупаться' 'эгейский' 'море'), ('захотеть' 'стиральный' 'машина'), ('мигрировать' 'греция' 'отойти'), авторы пришли к гипотезе, что данные смысловые конструкции могут представлять собой замаскированный нарко-контент с целью исказить смысл сообщений в связи с контролем за оборотом наркотических средств. Употребление слов «стиральный порошок», «стиральная машина» часто встречается в контексте наркотических средств, поскольку форма мефедрона (амфетамин, синтетический наркотик) очень похожа на стиральный порошок, за счет чего она и получила свое название. А интеграция этих конструкций с Грецией может отражать косвенное намерение мигрировать в Грецию, где более низкий контроль за оборотом наркотических средств, либо продемонстрировать скрытый запрос на поиск запрещенных средств. Поиск нелегальной возможности приобретения психотропных лекарственных средств, отраженный в конструкциях ('нейролептики' 'антидепра' 'продавать'), ('греция' 'нейролептик' 'антидепра'), ('стать' 'аптечный' 'наркоман'), с одной стороны, вызван мотивацией употребления антидепрессантов и/или нейролептиков с целью искажения сознания, а с другой — отражением психического неблагополучия, о чем может свидетельствовать наличие группы триграмм «Психическое неблагополучие». Наркотический контент в интеграции с контентом скулшутинга дает основания предполагать о наличии корыстной мотивации у потенциальных скулшутеров. Даже самое дешевое огнестрельное оружие обходится в несколько десятков тысяч рублей, кроме того, у нападавших на образовательные организации нередко обнаруживают большое количество патронов и других средств нападения. Потенциальным стрелкам необходимо достаточное количество денег для осуществления нападения, поэтому, возможно, одним из способов заработка является распространение наркотических средств.

В. *Психическое неблагополучие.* Триграммы данной группы отражают наличие психически неблагополучного положения, что может быть вызвано различными факторами. В контексте скулшутинга у нападавших зачастую отмечается наличие психологической дезадаптации, которая чаще всего обнаруживается после стрельбы. Отсутствие у большинства учеников открытых внешних признаков дезадаптации создавало у окружающих иллюзию благополучия, поэтому такие дети не получали своевременной помощи. Согласно данным исследователей, «...имевшиеся у большинства обследованных психические нарушения повышали их уязвимость и трудности регуляции поведения» [3, с. 105]. Чаще всего у школьных стрелков присутствуют признаки депрессивного состояния, повышенной чувствительности, пессимистичное восприятие будущего и чувство субъективной безысходности. В сознании нападавших доминирующим и действительно возможным вариантом разрешения проблемной ситуации является совершение насильственного нападения.

Таблица 3

Результаты анализа коллокаций

Типы данных	Выводы	Триграммы
Публичные группы, содержащие деструктивный контент по скулшутингу	А. Косвенный контент, затрагивающий тематику скулшутинга	('организация' 'народный' 'мститель')
		('закономерно' 'наказать' 'площадка')
		('наказать' 'площадка' 'весь')
		('площадка' 'весь' 'строгость')
		('погружение' 'безумие' 'центр')
		('безумие' 'центр' 'внимание')
		('постепенный' 'погружение' 'безумие')
		Б. Нарко-контент
	('искупаться' 'эгейский' 'море')	
	('предпочтение' 'грек' 'милость')	
	('эгейский' 'море' 'познакомиться')	
	('нейролептик' 'антидепра' 'продавать')	
	('антидепра' 'продавать' 'рецепт')	
	('аптечный' 'наркоман' 'оказаться')	
	('стиральный' 'машина' 'бизнесмен')	
	('греция' 'нейролептик' 'антидепра')	
	('мигрировать' 'греция' 'отойти')	
	('мамка' 'увезти' 'греция')	
	('продавать' 'рецепт' 'наш')	
	('стать' 'аптечный' 'наркоман')	
('оказаться' 'греция' 'нейролептик')		

Типы данных	Выводы	Триграммы
	В. Психическое неблагополучие	('захотеть' 'стиральный' 'машина')
		('увезти' 'греция' 'идиот')
		('стать' 'глотать' 'фарма')
		('наркоман' 'оказаться' 'греция')
		('медленно' 'сходить' 'ум')
		('спиться' 'сдохнуть' 'там')
		('окончательно' 'спиться' 'сдохнуть')
		('сходить' 'ум' 'одиночество')
	('больно' 'депра' 'я')	
Открытые аккаунты подтвержденных скулшутеров	В текстовых сообщениях отсутствует значимая информация	
Открытые действующие аккаунты, где выявлен интерес к скулшутингу	В текстовых сообщениях отсутствует значимая информация	

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд важных признаков деструктивного контента по тематике скулшутинга в киберпространстве посредством семантического анализа текста, открыто публикуемого пользователями в социальной сети «ВКонтакте». Были выделены тематические группы: *косвенный контент, затрагивающий тематику скулшутинга; нарко-контент; психическое неблагополучие.*

Большая часть информации была получена в публичных группах, содержащих деструктивный контент по скулшутингу. В текстовых сообщениях открытых аккаунтов подтвержденных скулшутеров и тех аккаунтов, у которых был выявлен интерес к скулшутингу, отсутствует значимая для анализа информация. Это может быть вызвано как сравнительно малой выборкой аккаунтов, так и тем, что в личных аккаунтах более сильно отражается индивидуальное поведение, в связи с чем возможен повышенный уровень уязвимости. Находясь в группах единомышленников, пользователи могут ощущать себя в толпе, где их индивидуальное поведение размыто и, соответственно, деструктивная киберидентичность менее заметна.

Перспективной задачей в данном исследовании выступает анализ интервью подтвержденных скулшутеров для выявления новых признаков деструктивного контента, анализ графических изображений из аккаунтов лиц, проявляющих интерес к теме скулшутинга, проведение интервью со специалистами, работающими со скулшутерами, для проверки гипотез корреляции деструктивного контента по скулшутингу с нарко-направлением.

Литература

1. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и

право. 2020. Том 10. № 1. С. 152—170. doi: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>

2. Бочавер А.А. Школьный опыт буллинга и актуальное благополучие у студентов // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 2. С. 17—27. doi:10.17759/pse.2021260202

3. Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97—110. doi:10.17759/psylaw.2020100208

4. Камнева Е.В., Полевая М.В., Ширванов Р.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание средств массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2. С. 247—251. URL: <https://human.snauka.ru/2017/02/21354> (дата обращения: 21.06.2021).

5. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Том 29. № 1. С. 93—108. doi:<https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>

6. Красильникова Н.В., Дойникова Е.В., Ванчакова Н.П. Семиуровневая шкала деструктивных проявлений поведения в социальных сетях для мониторинга деструктивных воздействий // Материалы V межрегиональной научно-практической конференции (Севастополь 24—28 сентября 2019 года). Севастопольский государственный университет. Севастополь: СевГУ, 2019. С. 304—306.

7. Сафронова Е.П. Взаимосвязь деструктивных сайтов сети Интернет и суицидального поведения в подростковом возрасте / Е. П. Сафронова, А. Ф. Федоров // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2017. № 4-7(72). С. 55—60.

8. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019666594 Российская Федерация. Крибрум. Зеркало № 2019665672: заявл. 03.12.2019: опубл. 12.12.2019 / В.В. Ермаков, А.А. Горлов, А.А. Чуйко [и др.]; заявитель Акционерное общество «Крибрум».

9. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2019666891 Российская Федерация. Крибрум. Публичный поиск: № 2019665768: заявл. 03.12.2019: опубл. 16.12.2019 / В.В. Ермаков, Д.А. Пашко, А.А. Чуйко, И.А. Моргунов; заявитель Акционерное Общество «Крибрум».

10. Bird S., Klein E., Loper E. Natural language processing with Python: analyzing text with the natural language toolkit [Электронный ресурс] / O'Reilly Media. 2009. URL: <http://www.datascienceassn.org/sites/default/files/Natural%20Language%20Processing%20with%20Python.pdf> (дата обращения: 29.06.2021).

11. Determination of Young Generation's Sensitivity to the Destructive Stimuli based on the Information in Social Networks [Электронный ресурс] / Branitskiy A. [et al.] // Journal of Internet Services and Information Security (JISIS). 2019. Vol. 9. № 3. P. 1—20. doi:10.22667/JISIS.2019.08.31.001

12. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages / International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. Springer. Cham, 2015. P. 320—332.

13. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain. A Sequential Model // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52. P. 1227—1245. doi:10.1177/0002764209332543

14. Lobur M., Romanyuk A., Romanyshyn M. Using NLTK for educational and scientific

purposes // 2011 11th international conference the experience of designing and application of CAD systems in microelectronics (CADSM). IEEE, 2011. P. 426—428.

15. Loper E., Bird S. Nltk: The natural language toolkit. CoRR. cs.CL/0205028. 2002. doi:10.3115/1118108.1118117

16. Lytvynenko J. Identify of the substantive, attribute, and verb collocations in Russian text // Computational Linguistics and Intelligent Systems. 2019. Vol. 2. P. 66—68.

17. Rampage: The Social Roots of School Shootings [Электронный ресурс] / Newman K.S., [et al.] / In Rampage: the social roots of school shootings. New York: Basic Books, 2004. P. 352. URL: <https://www.basicbooks.com/titles/katherine-s-newman/rampage/9780786722372> (дата обращения: 29.06.2021),

18. What Can Be Done About School Shootings? A Review of the Evidence / Borum R. [et al.] // Educational Research. 2010. Vol. 39. № 1. P. 27—37. doi:10.3102/0013189X09357620

19. Xiao R., McEnery T. Collocation, semantic prosody, and near synonymy: A cross-linguistic perspective // Applied linguistics. 2006. Vol. 27. № 1. P. 103—129.

References

1. Boykina E.E., Chirkina R.V. Social'nyĭ ostrakizm: sovremennoe sostojanie problemy, metodologija i metody issledovanija [Elektronnyi resurs] [Social Ostracism: Current State of the Problem, Methodology and Research Methods]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2020, Vol. 10, no. 1, pp. 152—164. doi:10.17759/psylaw.2020100114 (In Russ., Abstr. in Engl.).

2. Bochaver A.A. Shkol'nyj opyt bullinga i aktual'noe blagopoluchie u studentov [School Bullying Experience and Current Well-Being Among Students]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2021, Vol. 26, no. 2, pp. 17—27. doi:10.17759/pse.2021260202 (In Russ., Abstr. in Engl.).

3. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V. Psihologicheskie, social'nye i informacionnye aspekty napadenij nesovershennoletnih na uchebnye zavedeniya [Elektronnyi resurs] [Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2020, Vol. 10, no. 2, pp. 97—110. doi:10.17759/psylaw.2020100208. (Accessed: 21.06.2021) (In Russ., Abstr. in Engl.).

4. Kamneva E.V., Poleyaya M.V., Shirvanov R.A. Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie na massovoe soznanie sredstv massovoj kommunikacii [Elektronnyj resurs] [Informational-psychological impact on mass consciousness of mass media]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific studies]*, 2017, no. 2, pp. 247—251. Available at: <https://human.snauka.ru/2017/02/21354> (Accessed: 21.06.2021) (In Russ., Abstr. in Engl.).

5. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? [School shooting in Russia: What matters?]. *Vlast' [Power]*, 2021, Vol. 29, no. 1, pp. 93—108. doi:<https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920> (In Russ., Abstr. in Engl.).

6. Krasil'nikova N.V., Doinikova E.V., Vanchakova N.P. Semiurovnevaya shkala destruktivnykh proyavlenij povedeniya v sotsial'nykh setyakh dlya monitoringa destruktivnykh vozdeistvii [Seven-level scale of destructive manifestations of behavior in social networks for monitoring destructive influences] of Materialy V mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sevastopol 24-28 sentyabrya 2019 g.) [Proceedings of the V International Scientific-Practical conference]. Sevastopol State University. SevSU Publ., 2019. pp. 304—306 (In Russ., Abstr. in Engl.).

7. Safronova E.P. Vzaimosvyaz' destruktivnykh saitov seti internet i suitsidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste. In E.P. Safronova, A.F. Fedorov (eds.). *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii* [Personality, family, society: questions of pedagogy and psychology], 2017, np. 4-7(72), pp. 55—60. (In Russ., Abstr. in Engl.)
8. Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii programmy dlya EVM № 2019666594 Russian Federation [Certificate of state registration of a computer program]. Kribrum, Zerkalo no. 2019665672: zayavl. 03.12.2019: opubl. 12.12.2019 In V.V. Ermakov, A.A. Gorlov, A.A. Chuiko (eds.), *zayavitel' Aktsionernoe obshchestvo 'Kribrum'*.
9. Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii programmy dlya EVM № 2019666891 Russian Federation [Certificate of state registration of a computer program]. Kribrum. Publichnyi poisk: no. 2019665768: zayavl. 03.12.2019: opubl. 16.12.2019 In V.V. Ermakov, D.A.Pashko, A.A. Chuiko, I.A. Morgunov (eds.), *zayavitel' Aktsionernoe Obshchestvo 'Kribrum'*.
10. Bird S., Klein E., Loper E. Natural language processing with Python: analyzing text with the natural language toolkit [Elektronnyi resurs]. In O'Reilly Media, 2009. Available at: <http://www.datascienceassn.org/sites/default/files/Natural%20Language%20Processing%20with%20Python.pdf> (Accessed: 29.06.2021).
11. Determination of Young Generation's Sensitivity to the Destructive Stimuli based on the Information in Social Networks. In Branitskiy A. (ed.). *Journal of Internet Services and Information Security (JISIS)*, Vol. 9, no. 3. 2019, pp. 1—20. doi:10.22667/JISIS.2019.08.31.001
12. Korobov M. Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. Proceedings of the International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts. Springer, Cham, 2015, pp. 320—332.
13. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain. A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*, 2009, Vol. 52, pp. 1227—1245. doi:10.1177/0002764209332543
14. Lobur M., Romanyuk A., Romanyshyn M. Using NLTK for educational and scientific purposes. Proceedings of the 2011 11th international conference the experience of designing and application of CAD systems in microelectronics (CADSM). IEEE, 2011, pp. 426—428.
15. Loper E., Bird S. Nltk: The natural language toolkit. CoRR, cs.CL/0205028, 2002. doi:10.3115/1118108.1118117
16. Lytvynenko J. Identify of the substantive, attribute, and verb collocations in Russian text. *Computational Linguistics and Intelligent Systems*, 2019, Vol. 2, pp. 66—68.
17. Rampage: The Social Roots of School Shootings [Elektronnyi resurs]. In K.S. Newman (ed.). New York: Basic Books, 2004. 352 p. Available at: <https://www.basicbooks.com/titles/katherine-s-newman/rampage/9780786722372> (Accessed: 29.06.2021).
18. What Can Be Done About School Shootings? A Review of the Evidence. In R. Borum (ed.). *Educational Research*, 2010, Vol. 39, no. 1, pp. 27—37. doi:10.3102/0013189X09357620
19. Xiao R., McEnery T. Collocation, semantic prosody, and near synonymy: A cross-linguistic perspective. *Applied linguistics*, 2006, Vol. 27, no. 1, pp. 103—129.

Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В.
Семантический анализ цифрового деструктивного
контента по тематике «скулшутинг»
в социальной сети «ВКонтакте»
Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 180—195.

Grinenko U.B., Romero Reyes I.V.
Semantic Analysis of Digital Destructive
Content of School Shooting in the
Social Network 'VKontakte'
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 180—195.

Информация об авторах

Гриненко Ульяна Богдановна, аспирант кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Ромеро Рейес Илакаи Владиславовна, доцент департамента маркетинга Высшей школы бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая Школа Экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6743-6138>, e-mail: welcome@ilacai.ru

Information about the authors

Uliana B. Grinenko, PhD student of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5295-4592>, e-mail: uliana_grinenko@mail.ru

Ilacai V. Romero Reyes, Associate Professor of the Department of Marketing, Graduate School of Business, National Research University 'Higher School of Economics' (HSE University), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6743-6138>, e-mail: welcome@ilacai.ru

Получена 30.06.2021

Принята в печать 10.11.2021

Received 30.06.2021

Accepted 10.11.2021

Визуальная новелла как метод развития общительности

Алимова Д.Х.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8153-5856>, e-mail: dina.dina4@mail.ru

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

В современных условиях время для непосредственного общения сокращается, общение чаще переносится в виртуальную реальность, что требует наличия специфических умений и навыков. Возникает потребность в создании методов развития общительности как реальной, так и виртуальной, отвечающих тенденции компьютеризации. В статье приводятся данные результатов экспериментального и эмпирического исследований компьютерной игры в жанре визуальной новеллы как метода развития общительности. В качестве методов исследования мы использовали формирующий эксперимент, самонаблюдение, тестирование и опрос. Исследование проводилось в дистанционном формате, в нем приняли участие 654 мужчин от 14 до 35 лет. По результатам исследования можно сделать вывод об отсутствии эффективности использования компьютерной игры в жанре визуальной новеллы для развития уровня общительности, однако существует возможность использования компьютерной игры в жанре визуальной новеллы для формирования умений виртуального общения. Описаны процесс прохождения игры в жанре визуальной новеллы, а также динамика эмоционального состояния испытуемых. Результаты могут быть использованы как для дальнейших исследований, так и для оказания психологической помощи онлайн.

Ключевые слова: подростковый возраст, общительность, визуальная новелла, методы развития общительности, компьютерные игры

Для цитаты: Алимова Д.Х., Богданович Н.В. Визуальная новелла как метод развития общительности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 196—206. DOI:10.17759/psylaw.2021110414

Visual Novel Genre as a Method of the Sociability Development

Dinara Kh. Alimova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8153-5856>, e-mail: dina.dina4@mail.ru

Natalia V. Bogdanovich

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Nowadays the time for direct contacts between people is getting shorter, communication is increasingly going online, requiring special skills from those participating in it. And so there is a need for methods of developing one's sociability, both real and virtual as a response to digitalization. The work presents the results of experimental and empirical examinations of a visual novel genre video game seen as a method of the sociability development. We have employed the following research techniques: 'forming' experiment, self-observation, testing and surveying. The research was conducted remotely, with 654 male participants aged 14-35. The research results indicate no positive effect of using visual novel genre video games in order to increase the sociability level. However, there is a possibility for a visual novel genre game to be used in order to develop skills of online communication. The research gives details of the videogame progressing process as well as the dynamics of the subjects' emotional state. The results can be used both for further research and for online psychological counseling.

Keywords: adolescence, sociability, visual novel, methods of the sociability, computer games.

For citation: Alimova D.Kh., Bogdanovich V. Visual Novel Genre as a Method of the Sociability Development. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 196—206. DOI:10.17759/psylaw.2021110414 (In Russ.).

Введение

С появлением компьютеризации в современном мире возрастает интерес к специфическим проблемам, связанным с переносом различных жизненных сфер в условия виртуальной реальности, в частности вопрос влияния цифрового мира на социализацию человека. По данным Федеральной службы государственной статистики на 2019 год, 83% населения Российской Федерации являются пользователями Интернета. По данным Центра развития НИУ «Высшая школа экономики» на 2020 год, почти половина россиян (больше 65 млн) играют в компьютерные и мобильные игры. Многие отмечают распространенность этого явления в подростковом возрасте.

Важное место в подростковом возрасте занимает межличностное общение как один из факторов формирования личности. Общительность в данном возрастном периоде подвергается влиянию средовых факторов, например таких, как наличие позитивного или

негативного опыта конкретной ситуации общения. Показатели общительности при наличии негативного опыта снижаются. В современных условиях пандемии время для непосредственного межличностного общения сокращается и уровень общительности подростков значительно снижается [5]. Учитывая данные факторы, можно предположить, что возникают последствия в виде обезличивания партнера общения или трудности при получении опыта общения в дальнейшем. Особенно это характерно для мужского пола. Исследования, проводившиеся ранее показывают, что общение юношей и подростков чаще направлено на самоактуализацию и имеет слабые побудительные мотивы. По данным исследований, женщины имеют более расширенный репертуар инструментов общения, нежели мужчины [4].

Игра как вид деятельности часто направлена на усвоение общественного опыта. Компьютерные игры выполняют ту же функцию, но в условиях цифрового мира. Западные коллеги активно используют терапевтические свойства компьютерных игр и их диагностический потенциал. Применение компьютерных игр в реабилитационных программах широко применяется за рубежом. Особый интерес представляют игры с наличием морального выбора, посредством которого достигается терапевтический эффект.

Нахождение в Сети сопровождается общением через различные каналы связи, в которых общение реализуется разными способами. Зачастую общение в виртуальном пространстве требует наличия определенных навыков, направленных на способность выделения из информационного блока важной информации [1]. Наряду с развитием специфических навыков общения в виртуальном пространстве развивается подростковая идентичность через каналы связи Всемирной сети. Подростков привлекает общение в Интернете уровнем своей оперативности и зачастую анонимности. Также они могут сталкиваться с неприятными ситуациями в Сети, что влечет за собой усиление эффекта от получения негативного опыта общения. Анализ существующих исследований, посвященных развитию общительности в рамках системного подхода через воздействие средовых факторов (например, воспроизведения положительного опыта общения в процессе совместной деятельности), показал, что основными факторами, влияющими на развитие общительности, являются децентрализация и рефлексия [7].

Специфической особенностью компьютерной игры в жанре визуальной новеллы является низкий уровень прямого взаимодействия с виртуальным миром, так как единственной формой взаимодействия в данных играх является моральный выбор. Эмоциональная сфера и рациональное мышление являются основными факторами принятия решения в моральном выборе. Размышления над определенными моральными проблемами активизирует определенные области в мозге, отвечающие за эмоции [8; 9]. При манипулировании эмоциональным состоянием индивида существует возможность изменения его нравственного выбора. Характерными инструментами влияния в данных играх являются: музыкальное сопровождение, изображения и обезличивание главного героя. Изображения, которые используются в визуальных новеллах, могут не только отражать локации и персонажей, но и иметь метафорическое значение, что давно используется в психотерапевтической практике и лежит в основе проективных методов диагностики и интервенции. Еще одной особенностью визуальных новелл выступает обезличивание главного героя. Данный аспект побуждает игрока идентифицировать себя с главным героем, что увеличивает погружение в виртуальное пространство.

Визуальные новеллы как метод формирования коммуникативных навыков,

общительности и коммуникативных компетенций ранее исследованы не были, хотя в целом попытки формирования тех или иных навыков посредством компьютерной игры осуществляются уже давно. Известно, что интеграция компьютерных игр в систему образования повышает мотивацию к обучению и интерес к предмету исследования [6]. Поскольку общительность включает в себя когнитивный, мотивационный и продуктивный компоненты [2; 3], использование компьютерных игр в развитии уровня общительности представляется возможным. С целью подтвердить или опровергнуть данное положение нами было проведено экспериментальное исследование на базе компьютерной игры в жанре визуальной новеллы «Бесконечное лето».

В основу исследования легли научно-психологические взгляды на проблему развития общительности в условиях компьютеризации таких авторов, как Л.А. Журавлева, А.В. Жилинская, А.Э. Игнатьева, Е.В. Колесников, О.В. Рубцова, Г. Солдатова. Целью исследования было определение возможности применения компьютерной игры в жанре визуальной новеллы с наличием морального выбора как метода развития общительности, в частности для развития навыков виртуального общения.

Методы

В качестве методов исследования использовались контент анализ экспериментальных дневников и тестовые методики: методика «Оценка уровня общительности» (тест В.Ф. Ряховского), анкета определения уровня сформированности умений виртуального общения (Э.А. Игнатьева). Для анализа полученных данных были использованы методы математико-статистической обработки (критерий Уилкоксона и хи-квадрат).

В качестве инструмента влияния была использована компьютерная игра в жанре визуальной новеллы «Бесконечное лето» в модификации «7 дней лета».

«Бесконечное лето» — компьютерная игра в жанре визуальной новеллы персональных компьютеров и мобильных устройств, созданная отечественной командой разработчиков Soviet Games. В сюжете отразилась интернет культура времени ее создания, что заметно и по визуальным решениям.

Главный герой игры — молодой человек Семен, одинокий и утративший цели в жизни, который свободное время проводит за компьютером, посещая анонимные имиджборды.

По сюжету Семен зимой отправляется на встречу выпускников, садится в автобус 410 и засыпает, однако просыпается он уже в автобусе старого образца «Икарус-256» в неизвестной местности. На дворе лето, автобус стоит у ворот пионерского лагеря «Совенок», а сам Семен помолодел до 17 лет.

Вскоре он знакомится с другими персонажами игры, с которыми начинает строить межличностные отношения. В основном это девушки, так как новелла ориентирована на мужскую аудиторию.

В процессе прохождения игроку дается неоднократно сделать моральный выбор о том, как поступить в той или иной ситуации.

Последовательность выборов приводит игрока к определенному прохождению и концовке. По сюжету игры становится ясно, что лагерь — не реальный мир, а временная петля, в которую Семен попал по причине бесцельности своей жизни и ему дан шанс это изменить. Прохождение с позитивными концовками приводит к налаживанию жизни Семена в реальном мире.

«7 дней лета: Lost Alpha» — модификация компьютерной игры «Бесконечное лето»,

включающая в себя альтернативный взгляд на оригинальный сюжет игры. Изменения включают в себя:

- 1) три варианта отыгрыша главного героя (выбор темперамента главного героя происходит в начале игры);
- 2) 11 путей прохождения и 66 вариантов концовок с разным исходом.

Помимо возможностей построения межличностных отношений с одной из девушек, существует вариант «Одиночка», что приводит к преждевременной отрицательной концовке.

В данной игре моделируются ситуации общения, при которых все действия будут влиять на дальнейшее развитие событий. Изменение событий и начисление очков для выхода на определенное прохождение стимулирует рефлексию игрока. Данный механизм схож с используемым в социально-психологическом тренинге, описанном И.А. Чайковской [7], где моделируется ситуация общения в деятельности и стимулируется последующая рефлексия.

Исследование состояло из трех частей. В первой части проводилось экспериментальное исследование, состоящее из трех этапов: 1) планирование процедуры, подбор материала, первичная психодиагностика испытуемых; 2) проведение эксперимента; 3) итоговая психодиагностика и анализ полученных результатов. Во второй части выборка была разделена на две группы (имеющих и не имеющих опыт в игре «Бесконечное лето»), была проведена диагностика двух групп и математико-статистическая обработка. В третьей части исследования был проведен контент анализ отзывов об игре, в данном этапе участие приняли 102 человека.

Экспериментальное исследование производилось следующим образом. В официальной группе разработчиков Soviet Game в социальной сети Вконтакте было опубликовано приглашение к участию в исследовании. Среди аудитории игры можно отметить интерес к исследованию: нам писали люди со своими историями изменения жизни после прохождения данной игры. Желание поучаствовать в эксперименте изъявили около тысячи человек. Первая анкета состояла из материалов первичной диагностики испытуемых и организационных вопросов о возможности участия в экспериментальной части исследования. Данную анкету прошли 710 человек, из которых впоследствии была сформирована выборка в соответствии с типичными характеристиками целевой аудитории игры: мужчины, пользователи сети Интернет, проживающие на территории РФ, возрастом от 14 до 22 лет. Для эксперимента были отобраны 40 человек, не имеющих опыта игры визуальной новеллы «7 дней лета». После чего двадцати испытуемым были направлены инструкции по установке игры на компьютер или мобильное устройство в соответствии с операционной системой, указанной при прохождении первичной диагностики, а также инструкции по участию в самом эксперименте. В последствии участие смогли принять только 16 человек. Инструкция к эксперименту состояла из последовательности действий, совершаемых испытуемым. На протяжении недели каждый день испытуемый заходил в игру и проходил один игровой день. Далее он переходил по ссылке на форму по номеру дня, которую заполнял. В форме необходимо было описать свой игровой день, полученный опыт и впечатления от игры. Доступ к формам открывался в соответствии с днем во избежание прохождения игры за один день. По окончании экспериментальной недели испытуемые проходили психодиагностику повторно и заполняли форму отзыва об эксперименте. В тот же день психодиагностику проходила и контрольная группа в количестве двадцати человек. Данные собранные в ходе эксперимента были проанализированы с помощью контент анализа.

В эмпирическом исследовании приняли участие 654 человека мужского пола возрастом от 14 до 35 лет. Выборка была разделена на две группы — имеющих опыт в игре «Бесконечное лето» (352 человека) и не имеющих оно (302 человека). Далее респондентам, имеющим опыт в игре «Бесконечное лето» было предложено описать свой опыт в данной игре и рассказать об изменениях в себе и в своей жизни, если таковые происходили.

Результаты и их обсуждение

Эксперимент не доказал эффективность применения компьютерной игры в жанре визуальной новеллы «Бесконечное лето» для развития общего уровня общительности. Средний уровень общительности двух замеров равен 12 баллам, что соответствует верхней границе среднего уровня общей общительности. По результатам первичной психодиагностики 31% участников экспериментальной группы имеют высокий уровень, 69% — нормальный уровень развития общительности. После проведения эксперимента количество испытуемых с высоким уровнем общительности повысилось до 37% соответственно, у остальных (63%) остался средний уровень. Средний балл уровня сформированности навыков виртуального общения до проведения эксперимента равен 7, что соответствует среднему уровню навыков. После эксперимента средний балл уровня навыков равен 9, что соответствует высокому уровню сформированности навыков виртуального общения. По результатам исследования до эксперимента 43% участников экспериментальной группы имели высокий уровень, 18% — средний уровень и 39% — низкий уровень сформированности навыков виртуального общения. После проведения эксперимента у 56% испытуемых стал высокий уровень, у 31% испытуемых — средний уровень, а у 13% — низкий уровень сформированности навыков виртуального общения.

Контрольная и экспериментальная группы прошли статистическую проверку по критерию Уилкоксона для определения различий между ними до проведения эксперимента. Группы оказались равнозначными. Далее была проведена статистическая обработка результатов психодиагностики контрольной группы до и после проведения эксперимента. По результатам проверки изменений в уровне общительности и в уровне навыков виртуальной общительности респондентов контрольной группы за время эксперимента не происходило. Расчет критерия Уилкоксона подтвердил значимость различий между уровнем сформированности навыков виртуального общения и опроверг различия между уровнем общительности до и после прохождения игры ($p = 0,328$; $p = 0,016$).

Эксперимент доказал эффективность применения компьютерной игры в жанре визуальной новеллы для формирования умений виртуального общения. Можно предположить, что такие результаты связаны с процессом переноса тренинговой схемы в виртуальное пространство. Испытуемый понимает, что общается с вымышленным персонажем, т. е. получает опыт виртуального общения, что способствует развитию соответствующих навыков. Получается, что в процессе интернет-тренингов существует возможность стимулировать развитие специфических для виртуальной среды навыков. Данные эксперимента очередной раз подчеркивают различия виртуальной и реальной среды, а также отношения к виртуальному собеседнику.

При анализе экспериментальных дневников нами были выделены следующие категории.

1. М1 — упоминание музыкального сопровождения игры в ходе описания игрового дня. Единица анализа — слово «музыка»

2. И1 — упоминание о собственном интересе прохождения игры. Единицы анализа:

- И1.1 — о предвкушениях дальнейшего хода игр;
- И1.2 — упоминание отсутствия интереса, скуки.

3. Э.1 — упоминание сильного эмоционального состояния во время игры. Единицы анализа:

- Э1.1 — респонденты отмечают в тексте волнение, тревожные ощущение связанные с происходящим в игре;
- Э1.2 — респонденты упоминают чувство ностальгии или говорят, что происходящее в игре им знакомо;
- Э1.3 — респонденты описывают состояние апатии или иное тягостное негативно окрашенное состояние;
- Э1.4 — респонденты упоминают о чувстве раздражения связанном с главными героями их мыслями или поступками;
- Э1.5 — респонденты описывают ощущение легкой грусти или состояние меланхолии;
- Э1.6 — респонденты описывают теплые ощущения или чувства, испытываемые во время прохождения игры или по отношению к игровой реальности;
- Э1.7 — респонденты описывают чувства радости или счастья на момент прохождения игры или по отношению к игровой реальности;
- Э1.8 — респонденты выражают неуверенность в себе или страх неправильного прохождения игры.

4. С.1 — упоминание сравнения, происходящего в игре с настоящим. Единицы анализа:

- С.1.1 — респонденты сравнивают в дневниках игру с реальной жизнью, как в общем понимании реальности, так и в собственной реальности;
- С.1.2 — респонденты сравнивают с собой главного героя, отмечают схожесть или различие характера и поведения;
- С.1.3 — сравнение с обыденной жизнью в пользу игровой реальности.

5. И2 — вариации повествования:

- И2.1 — описание дня происходящего в игре происходит от первого лица;
- И.2.2 — респонденты описывают себя как внутренний голос главного героя, используют местоимение «Мы»;
- И.2.3 — респонденты анализируют пройденный день, влияние происходящего на них самих, а также анализируют поведение и мысли главных героев.

6. Р1 — описание границ реальности:

- Р1.1 — респонденты описывают расхождение между происходящим в игре и их реальностью, отмечают ощущение границы реальности или ее потерю;
- Р1.2 респондент отмечает болезненный выход из игры.

7. П — упоминание о повторном прохождении игры:

- П1.1 — респонденты упоминают, что вышли на преждевременную концовку и в целях завершения эксперимента загружают сохранение предыдущего дня для изменения морального выбора для прохождения к существующей концовке;
- П1.2 — респондент упоминает, что не забросит игру после эксперимента и продолжит ее повторное прохождение.

По результатам анализа дневников было выявлено наиболее частое упоминание категории, которую мы отнесли к эмоциональным проявлениям (рис. 1). Это значит, что в описании экспериментального дня респонденты отмечали прежде всего свое эмоциональное состояние. Можно сделать вывод о динамике изменений эмоций во время эксперимента. В

ходе эксперимента сначала для испытуемых характерно преобладание негативных эмоций, апатии, грусти; далее эмоции сменяются на позитивные, начинают преобладать положительные чувства, однако негативные эмоции не покидают респондентов и остаются на примерно одном уровне до конца эксперимента.

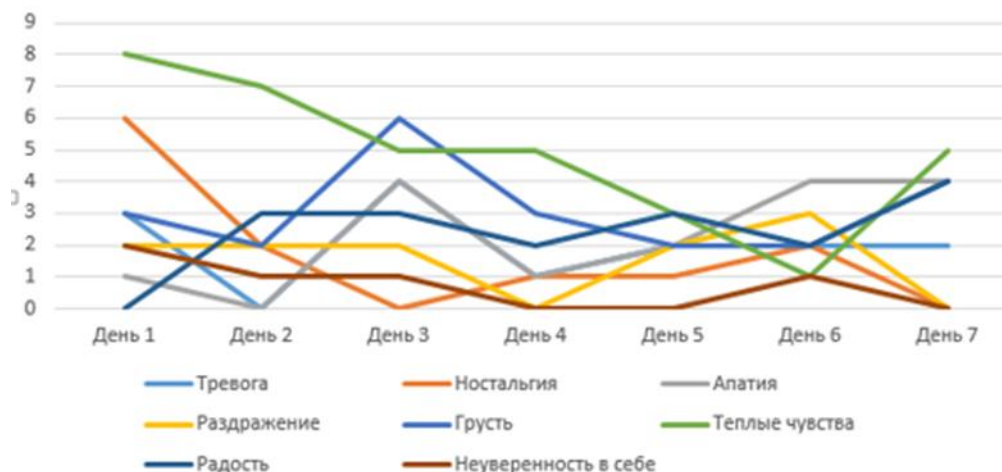

Рис. 1. Динамика эмоций испытуемых в ходе эксперимента

Анализ также позволил сделать выводы о степени вовлеченности испытуемых в игру. В первые дни эксперимента лишь 6% испытуемых вели дневник от первого лица. Однако на 6-ой день (пик) 75% испытуемых стали вести дневник от лица главного героя, что свидетельствует об успешной идентификации себя с ним. Также в процессе эксперимента можно заметить, что испытуемые перестают сравнивать главного героя с собой. На пике эксперимента (6-й день) половина испытуемых отметили ощущение потери чувства реальности. По окончании эксперимента 37% испытуемых изъявили желание продолжать играть уже вне эксперимента. По результатам контент анализа экспериментальных дневников респондентов гипотеза о превалировании эмоционального компонента при прохождении визуальной новеллы подтверждается.

По результатам эмпирического исследования была выявлена статистически значимая связь уровня общительности и наличия опыта игры. Можно предположить, что для аудитории данной игры характерны высокий и очень высокий уровни общительности. По результатам сравнения двух групп статистически значимых различий между уровнем сформированности навыков виртуального общения не обнаружено.

При анализе отзывов об игре были выделены следующие категории.

1. П.1 — в ответе упоминается продолжительный (многолетний) опыт игры.
2. У.1 — в ответе упоминается сильная вовлеченность в игру.
3. Э.1 — в ответе упоминаются эмоциональные состояния, вызванные игрой.
4. Э.2 — в ответе упоминается эффект снятия напряженности и тревоги во время игры.
5. И.1 — упоминания о наличии или отсутствии изменений в себе или в жизни.
 - И.1.1 — респондент пишет о том, что задумался над своим поведением или над своей жизнью.
 - И.1.2 — респондент пишет о том, что изначально игру воспринимает как побег от

- реальной жизни.
- И.1.3 — респондент пишет о том, что стал по-другому смотреть на мир и окружающих.
 - И.1.4 — респондент пишет о том, что познакомился со многими людьми благодаря игре.
 - И.1.5 — респондент пишет о том, что изменился внутренне (характер, темперамент, поведение).
 - И.1.6 — респондент пишет о том, что наладилось общение с противоположным полом.
 - И.1.7 — респондент пишет о том, что в его жизни появилось хобби.
 - И.1.8 — респондент пишет о том, что узнал себя в главном герое и повторяет/рискует повторить его судьбу.
 - И.1.9 — респондент пишет о том, что стал больше понимать других людей.

Анализ отзывов об игре выявил, что, по мнению респондентов, игра вызывает сильные эмоциональные реакции. 76% респондентов указали конкретные изменения, около 24% респондентов не заметили никаких изменений в себе и своей жизни. По частоте встречаемости категорий, выявленных в ходе контент анализа, можно сказать, что игра, по мнению респондентов, повышает мотивацию к развитию своих интересов и расширению круга общения.

Выводы

По результатам нашего исследования можно сказать, что использования игр в жанре визуальной новеллы для развития специфических навыков виртуальной среды возможно. Однако влияние на реальную общительность косвенно и обусловлено скорее наличием сообщества данной игры.

В ходе экспериментального исследования фиксировалось, как меняется эмоциональное состояние респондентов в процессе прохождения игры. Тяжелые эмоциональные переживания, которые сохраняются на протяжении сюжета, а также желание респондентов продолжать игру вне эксперимента свидетельствуют о том, что тема нуждается в более глубоком исследовании, где особое внимание необходимо уделить состоянию респондентов, рефлексии и оказываемому терапевтическому эффекту.

Эмпирическое исследование показало, что уровень общительности у респондентов, имеющих опыт игры значительно выше, чем у респондентов, не имеющих данного опыта. Можно предположить, что уровень общительности влияет на выбор игры в жанре визуальной новеллы. Игра повышает мотивацию респондентов к развитию своих интересов и расширению круга общения.

Многие респонденты третьего этапа исследования рассказывали нам о том, что с появлением в их жизни данной игры они находили новые интересы и увлечения, а также активно входили в сообщество игры, чему способствуют часто организуемые тематические мероприятия, что и позволило респондентам расширить круг общения и найти для себя референтную группу.

Данные, полученные в ходе исследования пополняют научно-теоретическую базу и дают основания для дальнейшего изучения развивающего потенциала игр в жанре визуальной новеллы.

Литература

1. Жилинская А.В. Интернет как ресурс для решения задач подросткового возраста: обзор психологических исследований // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 1. С. 11—18. doi:10.17759/psyedu.2014060103
2. Журавлева Л.А. Исследование взаимосвязей различных компонентов общительности личности // Вестник УРАО. 2017. № 4. С. 50—58.
3. Кудинов С.И. Психологический анализ взаимосвязи общительности и самореализации личности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 2. С.12—19.
4. Крупнов Д.А., Будрейка Н.Н., Тырнова О.А. Гендерные различия в психологических проявлениях общительности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2004. № 2. С.160—169.
5. Ронжин Г.А. Подросток в цифровом мире // Концепт. 2018. № 7. С. 130—135
6. Тимофеева А.Д. К вопросу использования компьютерных игр в образовательной системе [Электронный ресурс] // Вестник МГУП. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ispolzovaniya-kompyuternyh-igr-v-obrazovatelnoy-sisteme> (дата обращения: 14.09.2021).
7. Чайковская И.А. Чардымская О.Ю. Возможности социально-психологического тренинга в развитии коммуникативной толерантности в подростковом возрасте [Электронный ресурс] // Вестник ОГУ. 2018. № 3(215). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-sotsialno-psihologicheskogo-treninga-v-razvitiikommunikativnoy-tolerantnosti-v-podrostkovom-vozhraze> (дата обращения: 14.09.2021).
8. Garrigan B., Adlam A.L.R., Langdon P.E. The neural correlates of moral decision-making: A systematic review and meta-analysis of moral evaluations and response decision judgements // Brain and Cognition. 2016. Vol. 108. P. 88—97.
9. McAuliffe, William H. Do Emotions Play an Essential Role in Moral Judgments? PsyArXiv. 2018. doi:10.31234/osf.io/ajbc9

References

1. Zhilinskaya A.V. Internet kak resurs dlya resheniya zadach podrostkovogo vozrasta: obzor psikhologicheskikh issledovaniy. [Internet as a resource for solving the problems of adolescence: a review of psychological research] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 1, pp. 11—18. doi:10.17759/psyedu.2014060103 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Zhuravleva L.A. Issledovanie vzaimosvyazei razlichnykh komponentov obshchitel'nosti lichnosti [Study of the interrelationships of various components of individual's sociability]. *Vestnik URAO* [Herald of the University of Russian Academy of Education], 2017, no. 4, pp. 50—58.
3. Kudinov S.I. Psikhologicheskii analiz vzaimosvyazi obshchitel'nosti i samorealizatsii lichnosti [Psychological analysis of personality self-actualization and sociability correlations]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN journal of psychology and pedagogics], 2011, no. 2, pp. 12—19.
4. Krupnov D.A., Budreika N.N., Tyrnova O.A. Gendernye razlichiya v psikhologicheskikh proyavleniyakh obshchitel'nosti [Gender distinctions of the psychological manifestation of sociability]. *Vestnik RUDN* [RUDN journal of psychology and pedagogics]. Seriya: Psikhologiya i pedagogika, 2004, no. 2, pp. 160—169.
5. Ronzhin G.A. Podrostok v tsifrovom mire [Teenager in the digital world]. *Kontsept*

[*Concept*], 2018, no. 7, pp. 130—135

6. Timofeeva A.D. К вопросу использования компьютерных игр в образовательной системе [Elektronnyj resurs] [To the question of using computer games in education system]. *Vestnik MGUP [Vestnik MGUP by Ivan Fedorov]*, 2015, no. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ispolzovaniya-kompyuternyh-igr-v-obrazovatelnoy-sisteme> (Accessed 14.09.2021).

7. Chaikovskaya I.A. Chardym'skaya O.Yu. Vozmozhnosti sotsial'no-psikhologicheskogo treninga v razvitii kommunikativnoi tolerantnosti v podrostkovom vozraste [Elektronnyj resurs] [Possibilities of socio-psychological training in the development of communicative tolerance in adolescence]. *Vestnik OGU [Vestnik of the Orenburg State University]*, 2018, no. 3(215). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-sotsialno-psihologicheskogo-treninga-v-razvitii-kommunikativnoy-tolerantnosti-v-podrostkovom-vozraste> (Accessed 14.09.21). doi: 10.25198/1814-6457-215-103

8. Garrigan B., Adlam A.L.R., Langdon P.E. The neural correlates of moral decision-making: A systematic review and meta-analysis of moral evaluations and response decision judgements. *Brain and Cognition*, 2016, Vol. 108, pp. 88—97.

9. McAuliffe, William H. Do Emotions Play an Essential Role in Moral Judgments? *PsyArXiv*, 2018. doi:10.31234/osf.io/ajbc9

Информация об авторах

Алимова Динара Хайдаровна, выпускница кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8153-5856>, e-mail: dina.dina4@mail.ru

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Information about the authors

Dinara Kh. Alimova, Graduate, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8153-5856>, e-mail: dina.dina4@mail.ru

Natalia V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Получена 19.10.2021
Принята в печать 10.11.2021

Received 19.10.2021
Accepted 10.11.2021

Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект

Бегишев И.Р.

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (КИУ им. В.Г. Тимирязова),
г. Казань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>, e-mail: begishev@mail.ru

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью современной деятельности человека. Сегодня они проникают во все сферы деловой и личной жизни. Большинству организаций для развития и процветания нужны информационные системы, и поэтому они должны серьезно относиться к защите своих цифровых активов. Многие процессы, необходимые для обеспечения безопасности цифровых активов, в значительной степени зависят от взаимодействия человека. В работе предпринята попытка осветить культуру информационной безопасности сквозь призму психологии и права. Результаты исследования показали, что с психологической точки зрения культура информационной безопасности включает готовность современного человека к преодолению цифровой экспансии за счет овладения им инструментарием противодействия негативным информационным факторам. В свою очередь, с правовой точки зрения культура информационной безопасности базируется на нормативно-правовой базе, регулирующей правоотношения в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационно-психологическая безопасность, киберпсихология, культура, социальная инженерия, угроза, цифровая экспансия, человеческий фактор.

Для цитаты: Бегишев И.Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 207—220. DOI:10.17759/psylaw.2021110415

Cyber-Security Culture: Psychological and Legal Aspects

Ildar R. Begishev

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>, e-mail: begishev@mail.ru

Digitalization has become part and parcel of the modern-day human activities. Nowadays it is going into every field of business and personal life. To develop and prosper, most organizations need IT systems, and hence to take the safeguarding of their informational assets seriously. Many of the processes which are essential for securing their IT assets, largely depend on human interaction. This study has attempted to address the culture of cyber-security in the light of psychology and law. The results of the research showed that from the psychological standpoint, the culture of cyber-security involves the willingness on the part of a modern human to overcome the digital expansion by mastering the tools for countering the negative IT factors. In its turn, from the legal standpoint, the culture of cyber-security is based on the legislative framework which regulates the legal relations in the field of cyber-security.

Keywords: cyber-security, informational and psychological security, cyberpsychology, culture, social engineering, threat, digital expansion, human factor.

For citation: Begishev I.R. Cyber-Security Culture: Psychological and Legal Aspects. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 207—220. doi:10.17759/psylaw.2021110415 (In Russ.).

В современном обществе объем информационных потоков имеет постоянную тенденцию к росту. В этой связи цифровая информация выступает важным, дорогостоящим активом, который часто становится предметом посягательства со стороны злоумышленников. Основная опасность указанного посягательства заключена в том, что при несанкционированном доступе к цифровой информации, цель которого незаконное завладение ею, под угрозой может находиться безопасность личности, общества и государства [19]. Следовательно, одной из важных проблем становится задача обеспечения информационной безопасности.

Необходимо также отметить комплексность проблемы обеспечения информационной безопасности. Существует мнение, что для обеспечения информационной безопасности достаточно создания мощной программной или технической защиты, которая ограничит нежелательный доступ посторонних лиц к цифровой информации. Однако это не совсем верно. Обеспечить информационную безопасность как на макро-, так и на микроуровне только техническими средствами невозможно, равно как и только при помощи мер, предпринимаемых правоохранительными органами. Необходимо, чтобы все участники информационных процессов осознали необходимость и важность информационной безопасности для общества, учитывали факторы, которые создают угрозу безопасности, понимали свою ответственность и роль в обеспечении информационной безопасности и по необходимости принимали меры по повышению безопасности цифровой информации, цифровой инфраструктуры и цифровых технологий. Все вышесказанное и составляет основу культуры информационной безопасности.

Рассмотрим составляющие данного понятия. Непосредственно культура являет собой совокупность нравственных, моральных и материальных ценностей, умений, знаний, а также обычаев и традиций. Кроме того, культуру именуют также определенной формой деятельности, или процессом создания, и в качестве результата вышеозначенного выступает

комплекс нравственных, моральных и материальных ценностей.

В свою очередь, информационная безопасность — категория двоякая — она включает информационно-психологическую безопасность, обеспечивающую защищенность субъектов от негативных информационных воздействий, и безопасность информации, которая обеспечивает защиту непосредственно информации. Указанные составляющие информационной безопасности во многом определяют сущность культуры информационной безопасности [16].

В работе [29] культура информационной безопасности определяется с академической и отраслевой точек зрения. Результаты исследования показали, что научные интерпретации определений и факторов культуры информационной безопасности намного шире, чем их понимание в отрасли кибербезопасности.

Кроме того, некоторые ученые утверждают, что необходимо изучить культуру информационной безопасности различных профессиональных сообществ [39].

Статья [30] освещает вопросы исследования концепции культуры информационной безопасности и то, как конфиденциальность информации может быть включена в определение культуры защиты информации. Культура информационной безопасности является предиктором конфиденциальности информации.

В исследованиях [38; 41; 44] применена оценка отношений между культурой безопасности и информационной безопасностью. Выводы исследований говорят о том, что организации должны сосредоточиться на культуре информационной безопасности, чтобы улучшить состояние информационной безопасности, экономя при этом время и ресурсы.

Можно согласиться с точкой зрения А. Мартинса и Я. Элофе, считающих, что в каждой организации культура информационной безопасности зависит от того, как люди ведут себя по отношению к информации и ее безопасности. Процедуры, которые сотрудники используют в своей повседневной деятельности, могут представлять собой самое слабое звено в цепочке информационной безопасности. Поэтому важно развивать и совершенствовать культуру информационной безопасности через структурированную модель, учитывающую поведение сотрудников [34].

К аналогичной точке зрения на природу рассматриваемого феномена приходят Т. Шлингер и С. Тойфель в работе «Культура информационной безопасности. Социокультурное измерение в управлении информационной безопасностью». Они объясняют концепцию корпоративной культуры на примере культуры информационной безопасности организации, выдвигая теорию смещения парадигмы с технического подхода на социокультурный, с подхода «пользователь — мой враг» к подходу «пользователь — мой актив безопасности» [40].

Не следует забывать, что большинство нарушений безопасности являются результатом человеческих ошибок. Для того чтобы организации могли повысить свою кибербезопасность и обеспечить более качественную подготовку своих сотрудников к противодействию киберугрозам, они должны исследовать понимание человеческих ошибок, типов человеческих ошибок, что делает их основной причиной нарушений, а также способы уменьшения их количества [23]. Человеческий фактор является основной причиной угроз информационной безопасности в организациях [25]. Широко признано, что создание организационной субкультуры информационной безопасности является ключом к управлению человеческими факторами, вовлеченными в информационную безопасность [43].

Эксперты подчеркивают важность сотрудников в стратегиях противодействия киберпреступности, учитывая, что людей часто считают самым слабым звеном в цепи безопасности. Фактически международные отчеты, анализирующие кибератаки, подтверждают, что основная проблема представлена действиями сотрудников, например, открытием фишинговых писем и непроверенных вложенных файлов, передачей конфиденциальной информации посредством атак социальной инженерии. Следует признать, что сотрудники, если они хорошо подготовлены, являются первой защитной линией в организации. Следовательно, в любом образовательном плане по кибербезопасности первостепенным шагом является анализ восприятия рисков людьми с целью разработки индивидуальной программы обучения [27].

Используя эффективные образовательные программы, сотрудники организаций могут быть обучены тому, как принимать безопасные решения. Для успеха программы крайне важно, чтобы сотрудники были обучены надлежащим образом, поскольку они являются основным уровнем защиты от неправомерных действий и стали бесценной частью общей стратегии информационной безопасности организации [33]. К тому же образовательные программы в сфере информационной безопасности необходимы для выработки сотрудниками представления о способах и средствах обеспечения безопасности информации. Основная цель этих программ — формирование позитивной культуры информационной безопасности в организации [31].

Современные организации работают во взаимосвязанной и глобальной цифровой среде, что позволяет им сотрудничать друг с другом и обмениваться цифровой информацией. В то же время эта взаимосвязанность подвергает организацию множеству внутренних и внешних угроз. Внутренняя угроза является одной из главных проблем информационной безопасности, с которой сталкиваются организации [37]. Сотрудники, умышленно или по неосторожности, часто из-за недостатка знаний, представляют наибольшую угрозу информационной безопасности.

В области кибербезопасности человеческий фактор считается одним из важнейших элементов. Эксперты по безопасности хорошо знают важность таких мер безопасности, как управление паролями, предотвращение фишинговых атак и т. п. Однако организациям по-прежнему не хватает сильной культуры кибербезопасности для управления рисками безопасности, связанными, в частности, с человеческим фактором. Компьютерные атаки, основанные на методах социальной инженерии, считаются одними из самых успешных, поскольку используют психологические принципы для манипулирования восприятием людей и получения ценной информации [28].

Проблема манипулирования людьми с помощью различных методов социальной инженерии и технологий информационно-психологической войны стала массовым явлением и представляет собой серьезную угрозу информационно-психологической безопасности личности [45]. При этом основная суть манипуляции человеком сводится к скрытому психологическому принуждению личности.

Соблюдение каждым сотрудником требований информационной безопасности носит индивидуальный характер и ставится в зависимость от его индивидуальных психологических особенностей. Оно опосредовано таким отношением, как устойчивое субъективное отношение сотрудников к политике информационной безопасности организации, к правилам защиты информации, к своим должностным обязанностям. Строгая дисциплина и культура информационной безопасности являются ключевым фактором в деле обеспечения

информационной безопасности [3, с. 63—64].

Кроме того, низкий уровень культуры информационной безопасности (недостаточная осведомленность руководителей и специалистов организаций в вопросах обеспечения информационной безопасности, игнорирование сотрудниками требований политики информационной безопасности организации, несоблюдение сотрудниками требований федерального законодательства в сфере информационной безопасности и т. д.) является причиной синдрома безопасной атаки — состояния субъектов информационных правоотношений, осознающих опасность нарушения и важность обеспечения безопасности информационной инфраструктуры, но в силу различных причин не обеспечивающих ее, в том числе при проведении в отношении нее компьютерных атак [1, с. 30].

По мнению австралийских ученых из психологической школы Университета Аделаиды, для успешного принятия решений в области информационной безопасности необходимы знание и соблюдение политик информационной безопасности, правовое поведение сотрудников [38].

Таким образом, знание сотрудниками того, какие политики и процедуры информационной безопасности они должны соблюдать, их понимание того, почему они должны придерживаться правил и что они на самом деле делают (своего поведения), может положительно повлиять на состояние защищенности цифровой информации и цифровой инфраструктуры [35].

Исследователи из малазийского университета акцентируют внимание на том, что организации выиграют от мониторинга информационной безопасности, поощряя поведение сотрудников, выходящее за рамки политики безопасности. Они уверены, что некоторые сотрудники склонны отказываться от безопасных действий, когда такое поведение воспринимается как неудобное. Следовательно, организации должны найти способы уменьшить воспринимаемые неудобства, используя различные методы автоматизации информационной безопасности и специализированные программы обучения [22], поскольку создание позитивной культуры информационной безопасности — это эффективный способ пропаганды поведения и практики безопасности среди сотрудников организации [36].

Существует мнение, что культура информационной безопасности определяет порядок действий в организации в отношении информационной безопасности с целью защиты информационных активов и влияния на безопасность сотрудников [24].

Весьма полезными для нас оказались результаты исследований зарубежных ученых, которые при изучении связи между кибербезопасностью и культурными, личностными и демографическими переменными выявили закономерности и пришли к выводу, что культура, поведение, самоэффективность и отношение к частной жизни оказывают влияние на культуру информационной безопасности по сравнению с другими психологическими и демографическими переменными [32], в том числе при решении проблемы апатии сотрудников к информационной безопасности [42]. Подход организации к информационной безопасности должен быть ориентирован на поведение сотрудников, поскольку успех организации сильно зависит от того, что и как ее сотрудники делают.

Таким образом, культура информационной безопасности в психологическом аспекте включает такую составляющую, как информационно-психологическая безопасность. Так, известно, что сегодня информационное воздействие может негативно влиять на психические функции как отдельно взятого человека, так и массы людей. Это, в свою очередь, негативно отражается на реализации жизненно важных интересов личности, общества и государства в

цифровой сфере.

В литературе существует мнение, что информационные технологии сегодня — это центральная угроза информационно-психологической безопасности личности [15]. Средства массовой информации способны формировать сознание современного человека. Кроме того, нельзя недооценивать влияния на психику различных ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Например, дети и подростки, психика которых подвержена различным воздействиям, испытывают на себе особенно сильное влияние цифровых потоков информации [4—8; 10—14; 18; 20; 21; 26].

Сегодня в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» получают распространение пропагандистские материалы [9], фейковые новости [17] и призывы для вовлечения в организованную преступную деятельность [2, с. 97], публикуются рецепты изготовления взрывчатых веществ, оружия, наркотиков и пр. Подобная информация может иметь научно-технический характер, а может представлять серьезную угрозу для национальной безопасности и в отдельных случаях причинять вред психическому здоровью граждан.

Некоторая часть граждан также безосновательно считают, что правонарушения, которые они совершают в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», будут носить характер анонимности и, соответственно, останутся безнаказанными. Именно поэтому, будучи в жизни законопослушными гражданами, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» они могут проявлять свои агрессивные противоправные наклонности.

Обществу и государству необходимо принять ряд мер, чтобы защитить как молодое, так и старшее поколение от негативного влияния цифровых потоков, которое может проявиться психическими нарушениями, возникновением психоэмоциональных проблем.

Культура информационной безопасности способна обеспечить устойчивость психики личности к различным информационным воздействиям. В связи с этим уровень культуры информационной безопасности личности будет определяться ее способностью произвести критический анализ, оценить воспринимаемую информацию для принятия объективного решения с учетом этих данных.

Посредством формирования и развития культуры информационной безопасности возможно преодоление цифровой экспансии. Осознавая всю глубину проблемы, люди должны быть готовы к глобальным цифровым переменам, событиям, в качестве участников которых им приходится выступать. На этом пути важным этапом может стать разработка теории цифровых нововведений, так как часто готовность граждан к новшествам при формировании цифрового общества оставляет желать лучшего. Кроме того, владеющий культурой информационной безопасности гражданин должен быть знаком с психологическими аспектами принятия стратегических решений в условиях цифровой экономики.

В то же время с правовой точки зрения культура информационной безопасности — это знания и навыки граждан, в том числе и тех, кто находится при исполнении профессиональных обязанностей в сфере защиты информационных и киберфизических систем.

Центральная составляющая культуры информационной безопасности — это совокупность политик информационной безопасности, правил, норм и стандартов безопасного использования цифровых технологий, в том числе этические нормы.

Государственно-правовая политика в рамках формирования культуры информационной

безопасности основана на дифференцировании мероприятий государственной политики по основным социальным группам общества, для того чтобы преодолеть недостаток знаний в цифровой сфере, а также на координации деятельности государственных органов, бизнес-структур и институтов гражданского общества путем разработки и принятия соответствующих правовых актов.

В заключение отметим, что культура информационной безопасности может быть рассмотрена как в психологическом, так и в правовом разрезе. С психологической точки зрения культура информационной безопасности включает готовность современного человека к преодолению цифровой экспансии за счет овладения им инструментарием противодействия негативным информационным факторам. С правовой точки зрения культура информационной безопасности базируется на нормативно-правовой базе, регулирующей правоотношения в сфере кибербезопасности.

Литература

1. Бегишев И.Р. Синдром безопасной атаки: юридико-психологический феномен // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 27—30.
2. Бегишев И.Р., Хисамова З.И., Никитин С.Г. Организация хакерского сообщества: криминологический и уголовно-правовой аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Том 14. № 1. С. 96—105. doi:10.17150/2500-4255.2020.14(1)
3. Бегишев И.Р., Бикеев И.И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. 300 с.
4. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей в обыденном понимании родителей и учителей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 1. С. 77—86.
5. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милёхин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 1—12. doi:10.17759/psylaw.2017070101
6. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милёхин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 19—32. doi:10.17759/psylaw.2017060202
7. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гаямова С.Ю., Милёхин А.В., Будыкин С.В. Социальные представления и информационная безопасность детей и подростков: точка зрения учителей (Часть 3) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 138—148. doi:10.17759/psylaw.2017070311
8. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Ч. 1. Постановка проблемы) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015. Том 5. № 3. С. 1—13. doi:10.17759/psylaw.2015050301
9. Борисова Е.С., Белоусов А.Л. Инновации как инструмент обеспечения информационной безопасности и повышения эффективности деятельности банковской системы // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Том 13. № 3. С. 1330—1342. doi:10.21202/1993-047X.13.2019.3.1330-1342
10. Будыкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в современном мире: психологические аспекты проблемы // Юридическая психология. 2017. № 1. С. 13—24.

11. Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в представлениях родителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2016. Том 8. № 4. С. 117—126. doi:10.17759/psyedu.2016080412
12. Будыкин С.В., Дворянчиков Н.В., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков в понимании родителей и учителей (Ч. 2. Результаты эмпирического исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 1. С. 25—38. doi:10.17759/psylaw.2016060104
13. Будыкин С.В. Информационная безопасность детей и подростков в современном мире: психологические аспекты проблемы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 13—24. doi:10.17759/psylaw.2017070102
14. Дворянчиков Н.В., Будыкин С.В., Пимонов В.А., Бовина И.Б. Информационная безопасность детей и подростков: юридические и психологические аспекты проблемы // Юридическая психология. 2016. № 1. С. 31—35.
15. Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
16. Кулемина А.Е. Особенности формирования культуры информационной безопасности в федеральных органах государственной власти // Сборник трудов конференции молодых ученых. Вып. 6: Информационные технологии. СПб: СПбГУ ИТМО, 2009. 707 с.
17. Манзи Д.С. Управление рынком дезинформации: первая поправка и борьба против фейковых новостей // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Том 14. № 1. С. 141—163. doi:10.21202/1993-047X.14.2020.1.141-163
18. Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 22—35. doi:10.17759/psylaw.2019090102
19. Чеботарева А.А. Обеспечение информационной безопасности личности в Интернете: история и проблемы развития законодательства // История государства и права. 2010. № 11. С. 30—33.
20. Шпагина Е.М., Чиркина Р.В. Компетентность педагогов и психологов в области информационной безопасности детей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 261—277. doi:10.17759/psylaw.2019090319
21. Шпагина Е.М. Информационная безопасность в контексте защиты прав детей в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 86—94. doi:10.17759/psylaw.2016060409.
22. Ahmad Z., Ong T., Liew T., Norhashim M. Security monitoring and information security assurance behaviour among employees: An empirical analysis // Information and Computer Security. 2019. Vol. 27. Iss. 2. P. 165—188. doi:10.1108/ICS-10-2017-0073
23. Algarni M., Almesalm S., Syed M. Towards Enhanced Comprehension of Human Errors in Cybersecurity Attacks // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Error, Reliability, Resilience, and Performance. 2018. Vol. 778. P. 163—175. doi:10.1007/978-3-319-94391-6_16
24. Al Hogail A., Mirza A. Information security culture: A definition and a literature review // World Congress on Computer Applications and Information Systems. 2014. P. 1—7. doi:10.1109/WCCAIS.2014.6916579

25. *Beena A.L., Dr. Humayoon Kabir S.* Information Security Insider Threats in Organizations and Mitigation Techniques // International Conference on Recent Advances in Energy-efficient Computing and Communication. 2019. P. 1—4. doi:10.1109/ICRAECC43874.2019.8995088
26. *Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V.* Shared meaning about information security of children: an exploratory study // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 146. P. 94—98.
27. *Corradini I., Nardelli E.* Building Organizational Risk Culture in Cyber Security: The Role of Human Factors // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity. 2019. Vol. 782. P. 193—202. doi:10.1007/978-3-319-94782-2_19
28. *Corradini I., Nardelli E.* Social Engineering and the Value of Data: The Need of Specific Awareness Programs // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity. 2020. Vol. 960. P. 59—65. doi:10.1007/978-3-030-20488-4_6
29. *Da Veiga A., Astakhova L.V., Botha A., Herselman M.* Defining organisational information security culture - Perspectives from academia and industry // *Computers & Security*. 2020. Vol. 92, art. 101713. doi:10.1016/j.cose.2020.101713
30. *Da Veiga A., Martins N.* Information security culture and information protection culture: A validated assessment instrument // *Computer Law & Security Review*. 2015. Vol. 31. Iss. 2. P. 243—256. doi:10.1016/j.clsr.2015.01.005
31. *Glaspie H.W., Karwowski W.* Human Factors in Information Security Culture: A Literature Review // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity. 2017. Vol. 593. P. 269—280. doi:10.1007/978-3-319-60585-2_25
32. *Halevi T., Memon N., Lewis J., Kumaraguru P., Arora S., Dagar N., Aloul F., Chen J.* Cultural and psychological factors in cyber-security // Proceedings of the 18th International Conference on Information Integration and Web-based Applications and Services. 2016. P. 318—324. doi:10.1145/3011141.3011165
33. *Kennedy S.E.* The pathway to security - mitigating user negligence // *Information and Computer Security*. 2016. Vol. 24. Iss. 3. P. 255—264. doi:10.1108/ICS-10-2014-0065
34. *Martins A., Elofe J.* Information Security Culture // *Security in the Information Society*. IFIP Advances in Information and Communication Technology. 2002. Vol. 86. P. 203—214. doi:10.1007/978-0-387-35586-3_46
35. *McCormac A., Zwaans T., Parsons K.M., Calic D., Butavicius M.A., Pattinson M.R.* Features of Manipulative Behavior in Operational Officers' Professional Activity // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 69. P. 151—156. doi:10.1016/j.chb.2016.11.065
36. *Nasir A., Abdullah Arshah R., Ab Hamid M.R., Fahmy S.* An analysis on the dimensions of information security culture concept: A review // *Journal of Information Security and Applications*. 2019. Vol. 44. P. 12—22. doi:10.1016/j.jisa.2018.11.003
37. *Okere I., Van Niekerk J.F., Carroll M.* Assessing information security culture: A critical analysis of current approaches // *Information Security for South Africa*. 2012. P. 1—8. doi:10.1109/ISSA.2012.6320442
38. *Parsons K.M., Young E., Butavicius M.A., McCormac A., Pattinson M.R., Jerram C.* The Influence of Organizational Information Security Culture on Information Security Decision Making // *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*. 2015. Vol. 9. Iss. 2. P. 117—129. doi:10.1177/1555343415575152

39. Ramachandran S., Rao S.V., Goles T. Information Security Cultures of Four Professions: A Comparative Study // Proceedings of the 41st Annual Hawaii International Conference on System Sciences. 2008. P. 454—454. doi:10.1109/HICSS.2008.201
40. Schlienger T., Teufel S. Information Security Culture. The Socio-Cultural Dimension in Information Security Management // Security in the Information Society. IFIP Advances in Information and Communication Technology. 2002. Vol. 86. P. 191—201. doi:10.1007/978-0-387-35586-3_46
41. Tang M., Li M., Zhang T. The impacts of organizational culture on information security culture: a case study // Information Technology and Management. 2016. Vol. 17. Iss. 2. P. 179—186. doi:10.1007/s10799-015-0252-2
42. Thomson K., Van Niekerk J.F. Combating information security apathy by encouraging prosocial organisational behavior // Information Management & Computer Security. 2012. Vol. 20. Iss. 1. P. 39—46. doi:10.1108/09685221211219191
43. Van Niekerk J.F., Von Solms R. Information security culture: A management perspective // Computers & Security. 2010. Vol. 29. Iss. 4. P. 476—486. doi:10.1016/j.cose.2009.10.005
44. Wiley A., McCormac A., Calic D. More than the individual: Examining the relationship between culture and Information Security Awareness // Computers & Security. 2020. Vol. 88, art. 101640. doi:10.1016/j.cose.2019.101640
45. Zhmagaliyeva B., Barabanova E. Features of Manipulative Behavior in Operational Officers' Professional Activity // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2017. Vol. 140. P. 9—14. doi:10.1016/j.sbspro.2014.04.379

References

1. Begishev I.R. Sindrom bezopasnoj ataki: juridiko-psihologicheskij fenomen [Safe attack syndrome: a legal and psychological phenomenon]. *Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]*, 2018, no. 2, pp. 27—30. (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Begishev I.R., Khisamova Z.I., Nikitin S.G. Organizacija hakerskogo soobshhestva: kriminologicheskij i ugovovno-pravovoj aspekty [Organization of the hacker community: criminological and criminal-legal aspects]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2020, Vol. 14, no. 1, pp. 96—105. doi:10.17150/2500-4255.2020.14(1).96-105 (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Begishev I.R., Bikeev I.I. Prestuplenija v sfere obrashhenija cifrovoj informacii [Crimes in the sphere of digital information circulation]. Kazan: Kazan Innovation University Publ., 2020. 300 p.
4. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Informacionnaja bezopasnost' detej v obydenom ponimanii roditelej i uchitelej [Information security of children in the everyday understanding of parents and teachers]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika [Bulletin of the Russian University of peoples' friendship. Series: Psychology and pedagogy]*, 2016, no. 1, pp. 77—86. (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Bovina I.B., et al. Social'nye predstavlenija i informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov: tochka zrenija uchitelej (Chast' 1) [Elektronnyi resurs] [Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 1)]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2017, Vol. 7, no. 1, pp. 1—12. doi:10.17759/psylaw.2017070101 (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Bovina I.B., et al. Social'nye predstavlenija i informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov: tochka zrenija uchitelej (Chast' 2) [Elektronnyi resurs] [Social representations and information

security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 2)]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2017, Vol. 7, no. 2, pp. 19—32. doi:10.17759/psylaw.2017060202 (In Russ., Abstr. in Engl.).

7. Bovina I.B., et al. Social'nye predstavlenija i informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov: tochka zrenija uchitelej (Chast' 3) [Elektronnyi resurs] [Social representations and information security of children and adolescents: the point of view of teachers (Part 3)]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2017, Vol. 7, no. 3, pp. 138—148. doi:10.17759/psylaw.2017070311 (In Russ., Abstr. in Engl.).

8. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov v ponimanii roditelej i uchitelej (Ch. 1. Postanovka problemy) [Elektronnyi resurs] [Information security of children and adolescents in the understanding of parents and teachers (Part 1. Statement of the problem)]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2015, Vol. 5, no. 3, pp. 1—13. doi:10.17759/psylaw.2015050301 (In Russ., Abstr. in Engl.).

9. Borisova E.S., Belousov A.L. Innovacii kak instrument obespechenija informacionnoj bezopasnosti i povysenija jeffektivnosti dejatel'nosti bankovskoj sistemy [Elektronnyi resurs] [Innovations as a tool for ensuring information security and improving the efficiency of the banking system]. *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 2019, Vol. 13, no. 3, pp. 1330—1342. doi:10.21202/1993-047X.13.2019.3.1330-1342 (In Russ., Abstr. in Engl.).

10. Budykin S. V. Informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov v sovremennom mire: psihologicheskie aspekty problemy [Information security of children and adolescents in the modern world: psychological aspects of the problem]. *Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]*, 2017, no. 1, pp. 13—24. (In Russ., Abstr. in Engl.).

11. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov v predstavlenijah roditelej [Elektronnyi resurs] [Information security of children and adolescents in the representations of parents]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]*, 2016, Vol. 8, no. 4, pp. 117—126. doi:10.17759/psyedu.2016080412 (In Russ., Abstr. in Engl.).

12. Budykin S.V., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. Informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov v ponimanii roditelej i uchitelej) [Elektronnyi resurs] (Ch. 2. Rezul'taty jempiricheskogo issledovanija) [Information security of children and adolescents in the understanding of parents and teachers (Part 2. Results of empirical research. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2016, Vol. 6, no. 1, pp. 25—38. doi:10.17759/psylaw.2016060104 (In Russ., Abstr. in Engl.).

13. Budykin S.V. Informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov v sovremennom mire: psihologicheskie aspekty problemy [Elektronnyi resurs] [Information security of children and adolescents in the modern world: psychological aspects of the problem]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2017, Vol. 7, no. 1, pp. 13—24. doi:10.17759/psylaw.2017070102 (In Russ., Abstr. in Engl.).

14. Dvoryanchikov N.V., et al. Informacionnaja bezopasnost' detej i podrostkov: juridicheskie i psihologicheskie aspekty problemy [Information security of children and adolescents: legal and psychological aspects of the problem]. *Juridicheskaja psihologija [Legal psychology]*, 2016, no. 1, pp. 31—35. (In Russ., Abstr. in Engl.).

15. Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V. Psihologija zhitelej Interneta [Psychology of Internet users]. Moscow: LKI Publ., 2008. 224 p.

16. Kulemina A.E. Osobennosti formirovaniya kul'tury informacionnoj bezopasnosti v federal'nyh organah gosudarstvennoj vlasti [Features of formation of information security culture in Federal state authorities]. In: *Proceedings of the conference of young scientists*, vol. 6, Information technology. Saint-Petersburg: ITMO University Publ., 2009. 707 p.
17. Manzi D.S. Upravlenie rynkom dezinformacii: pervaja popravka i bor'ba protiv fejkovyh novostej [Managing the disinformation market: the first amendment and the fight against fake news]. *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*, 2020, Vol. 14, no. 1, pp. 141—163. doi:10.21202/1993-047X.14.2020.1.141-163 (In Russ., Abstr. in Engl.).
18. Sokolova M.V., Dozortseva E.G. Sklonnost' k autoagressivnomu povedeniju u podrostkov i informacija, potrebljaemaja imi v Internete [Elektronnyi resurs] [Propensity to autoaggressive behavior in adolescents and information consumed by them on the Internet]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2019, Vol. 9, no. 1, pp. 22—35. doi:10.17759/psylaw.2019090102 (In Russ., Abstr. in Engl.).
19. Chebotareva A.A. Obespechenie informacionnoj bezopasnosti lichnosti v Internete: istorija i problemy razvitiya zakonodatel'stva [Ensuring information security of the individual on the Internet: history and problems of legislation development]. *Istorija gosudarstva i prava [History of the state and law]*, 2010, no. 11, pp. 30—33. (In Russ., Abstr. in Engl.).
20. Shpagina E.M., Chirkina R.V. Kompetentnost' pedagogov i psihologov v oblasti informacionnoj bezopasnosti detej [Elektronnyi resurs] [Competence of teachers and psychologists in the field of information security of children]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2019, Vol. 9, no. 3, pp. 261—277. doi:10.17759/psylaw.2019090319 (In Russ., Abstr. in Engl.).
21. Shpagina E.M. Informacionnaja bezopasnost' v kontekste zashhity prav detej v Rossijskoj Federacii [Elektronnyi resurs] [Information security in the context of protection of children's rights in the Russian Federation]. *Psikhologija i pravo [Psychology and Law]*, 2016, Vol. 6, no. 4, pp. 86—94. doi:10.17759/psylaw.2016060409 (In Russ., Abstr. in Engl.).
22. Ahmad Z., et al. Security monitoring and information security assurance behaviour among employees: An empirical analysis. *Information and Computer Security*, 2019, Vol. 27, no. 2, pp. 165—188. doi:10.1108/ICS-10-2017-0073
23. Algarni M., Almesalm S., Syed M. Towards Enhanced Comprehension of Human Errors in Cybersecurity Attacks. *International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Error, Reliability, Resilience, and Performance*, 2018, Vol. 778, pp. 163—175. doi:10.1007/978-3-319-94391-6_16
24. Al Hogail A., Mirza A. Information security culture: A definition and a literature review. *World Congress on Computer Applications and Information Systems*, 2014, pp. 1—7. doi:10.1109/WCCAIS.2014.6916579
25. Beena A.L., Dr. Humayoon Kabir S. Information Security Insider Threats in Organizations and Mitigation Techniques. *International Conference on Recent Advances in Energy-efficient Computing and Communication*, 2019, pp. 1—4. doi:10.1109/ICRAECC43874.2019.8995088
26. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Budykin S.V. Shared meaning about information security of children: an exploratory study. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2014, Vol. 146, pp. 94—98.
27. Corradini I., Nardelli E. Building Organizational Risk Culture in Cyber Security: The Role of Human Factors. *International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in*

- Human Factors in Cybersecurity*, 2019, Vol. 782, pp. 193—202. doi:10.1007/978-3-319-94782-2_19
28. Corradini I., Nardelli E. Social Engineering and the Value of Data: The Need of Specific Awareness Programs. *International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity*, 2020, Vol. 960, pp. 59—65. doi:10.1007/978-3-030-20488-4_6
29. Da Veiga A., et al. Defining organisational information security culture — Perspectives from academia and industry. *Computers & Security*, 2020, Vol. 92, art. 101713. doi:10.1016/j.cose.2020.101713
30. Da Veiga A., Martins N. Information security culture and information protection culture: A validated assessment instrument. *Computer Law & Security Review*, 2015, Vol. 31, iss. 2, pp. 243—256. doi:10.1016/j.clsr.2015.01.005
31. Glaspie H.W., Karwowski W. Human Factors in Information Security Culture: A Literature Review. *International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. Advances in Human Factors in Cybersecurity*, 2017, Vol. 593, pp. 269—280. doi:10.1007/978-3-319-60585-2_25
32. Halevi T., et al. Cultural and psychological factors in cyber-security. *Proceedings of the 18th International Conference on Information Integration and Web-based Applications and Services*, 2016, pp. 318—324. doi:10.1145/3011141.3011165
33. Kennedy S.E. The pathway to security - mitigating user negligence. *Information and Computer Security*, 2016, Vol. 24, iss. 3, pp. 255—264. doi:10.1108/ICS-10-2014-0065
34. Martins A., Elofe J. Information Security Culture. *Security in the Information Society. IFIP Advances in Information and Communication Technology*, 2002, Vol. 86, pp. 203—214. doi:10.1007/978-0-387-35586-3_46
35. McCormac A., et al. Features of Manipulative Behavior in Operational Officers' Professional Activity. *Computers in Human Behavior*, 2017, Vol. 69, pp. 151—156. doi:10.1016/j.chb.2016.11.065
36. Nasir A., et al. An analysis on the dimensions of information security culture concept: A review. *Journal of Information Security and Applications*, 2019, Vol. 44, pp. 12—22. doi:10.1016/j.jisa.2018.11.003
37. Okere I., Van Niekerk J.F., Carroll M. Assessing information security culture: A critical analysis of current approaches. *Information Security for South Africa*, 2012, pp. 1—8. doi:10.1109/ISSA.2012.6320442
38. Parsons K.M., et al. The Influence of Organizational Information Security Culture on Information Security Decision Making. *Journal of Cognitive Engineering and Decision Making*, 2015, Vol. 9, no. 2, pp. 117—129. doi:10.1177/1555343415575152
39. Ramachandran S., Rao S.V., Goles T. Information Security Cultures of Four Professions: A Comparative Study. *Proceedings of the 41st Annual Hawaii International Conference on System Sciences*, 2008, pp. 454—454. doi:10.1109/HICSS.2008.201
40. Schlienger T., Teufel S. Information Security Culture. The Socio-Cultural Dimension in Information Security Management. *Security in the Information Society. IFIP Advances in Information and Communication Technology*, 2002, Vol. 86, pp. 191—201. doi:10.1007/978-0-387-35586-3_46

41. Tang M., Li M., Zhang T. The impacts of organizational culture on information security culture: a case study. *Information Technology and Management*, 2016, Vol. 17, no. 2, pp. 179—186. doi:10.1007/s10799-015-0252-2
42. Thomson K., Van Niekerk J.F. Combating information security apathy by encouraging prosocial organisational behavior. *Information Management & Computer Security*, 2012, Vol. 20, no. 1, pp. 39—46. doi:10.1108/09685221211219191
43. Van Niekerk J.F., Von Solms R. Information security culture: A management perspective. *Computers & Security*, 2010, Vol. 29, no. 4, pp. 476—486. doi:10.1016/j.cose.2009.10.005
44. Wiley A., McCormac A., Calic D. More than the individual: Examining the relationship between culture and Information Security Awareness. *Computers & Security*, 2020, Vol. 88, art. 101640. doi:10.1016/j.cose.2019.101640
45. Zhumagaliyeva B., Barabanova E. Features of Manipulative Behavior in Operational Officers' Professional Activity. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2017, Vol. 140, pp. 9—14. doi:10.1016/j.sbspro.2014.04.379

Информация об авторах

Бегишев Ильдар Рустамович, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (КИУ им. В.Г. Тимирязова), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>, e-mail: begishev@mail.ru

Information about the authors

Ildar R. Begishev, PhD in Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5619-4025>, e-mail: begishev@mail.ru

Получена 13.03.2020

Принята в печать 10.11.2021

Received 13.03.2020

Accepted 10.11.2021